

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АЛЬТЕРНАТИВЫ
В СОВРЕМЕННОЙ
ЕВРОПЕ**

МОСКВА 2018

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ**

**Доклады Института Европы
№ 357**

Москва 2018

УДК 329.052(4)
ББК 66.69(4)
П50

Редакционный совет:
Ал.А. Громько (председатель),
Е.В. Ананьева (шеф-редактор), Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Ответственный редактор В.Я. Швейцер,
редактор Е.В. Дрожжина, Н.С. Плевако

Рецензенты:

Кухарчук Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук
Мироненко Виктор Иванович, кандидат исторических наук

Тема НИР 0191-2014-0009
«Партийно-политическая система
современной Европы»

В подготовке материалов к печати принимал участие
В.С. Грибовский

Партии и движения политической альтернативы в современной Европе = Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe : [сб. статей] / [отв. ред. В.Я. Швейцер]. – М. : Ин-т Европы РАН , 2018. – 140 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 357). – Парал. тит. л. англ. – Авт. указаны на об. тит. л. – ISBN 978-5-98163-117-7.

Настоящий сборник статей продолжает исследовательский проект, посвящённый эволюционным процессам на партийно-политическом пространстве Европы начала XXI века.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-117-7

© ИЕ РАН, 2018

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**PARTIES AND MOVEMENTS
OF POLITICAL ALTERNATIVE
IN CONTEMPORARY EUROPE**

**Reports of the Institute of Europe
№ 357**

Moscow 2018

Аннотация

В публикации рассмотрены альтернативные, идейно-политические позиции и практическая деятельность партий и движений националистического, сепаратистского и социал-популистского толка практически всех стран Старого Света. Проведён детальный анализ таких проблем, как кризис Евросоюза, анти-иммигрантские и центробежные настроения, различные формы социального протеста, роль и место конфессионального фактора в Европе XXI в. Подчёркнута несостоятельность традиционной либеральной модели для дальнейшего развития ЕС, неспособность партий истеблишмента предложить политически аргументированный ответ на новые феномены европейской и международной жизни.

Annotation

This publication analyzes the alternative ideological and political positions and practical activities of parties and movements of nationalist, separatist and populist orientation in almost all countries of the Old World. Such topics as the crisis of the European Union, anti-immigrant and centrifugal tendencies, various forms of social protest, the role and place of the confessional factor in XXI century Europe are considered in detail. The authors emphasize the failure of the traditional liberal model to development of the European Union, the inability of the establishment parties to give a politically reasoned response to the new phenomena of European and international life.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Швейцер В.Я.</i> Партийно-политический ландшафт Европы: новые времена, новые диспозиции.....	9
<i>Синдеев А.А.</i> Либеральная демократия в ЕС и её «альтернативы».....	16
<i>Каргалова М.В.</i> Евросоюз: проблемы политической активности электората.....	20
<i>Нарочницкая Е.А.</i> Типология и перспективы европейского сепаратизма.....	23
<i>Гуселтов Б.П.</i> Евроскептики в канун очередных выборов в Европейский парламент.....	29
<i>Лункин Р.Н.</i> Религиозный фактор как индикатор политических споров вокруг традиции и идентичности в Европе.....	36
<i>Лункин Р.Н.</i> Либералы и традиционалисты: поиски альтернативы в сфере религии.....	43
<i>Канинская Г.Н.</i> О метаморфозах правого популизма во Франции.....	54
<i>Фёдоров С.М.</i> Французские популисты и выборы в Европейский парламент 2019 г.	61
<i>Ананьева Е.В.</i> Партия независимости Соединённого Королевства: взлёт и падение. Лейбористы как альтернатива?	67

Охошин О.В. Региональные партии Великобритании: позиции в условиях брекзита.....	73
Шибкова М.О. Итальянские евроскептики: путь из оппозиции в мэйнстрим.....	78
Авилова А.В. Италия: первая крупная победа европейских популистов.....	85
Яковлев П.П. Испания: смена политических альтернатив.....	90
Квашнин Ю.Д. Греция: назад в прошлое?	95
Погорельская С.В. Партия «Альтернатива для Германии» в поиске действенной альтернативы.....	101
Грибовский В.С. Антиисламизм националистических партий Австрии и Швейцарии.....	108
Швейцер В.Я. Австрийская партия свободы: первые шаги «малой коалиции».....	111
Плевако Н.С. Чего ждать от Шведских демократов?	116
Журавель В.П. Евроскептики вне Евросоюза: норвежский вариант.....	122
Кандель П.Е. Экспоненты политической альтернативы на Балканах.....	127
Яжборовская И.С. Эволюция популизма в пост- социалистических государствах Европы.....	132

CONTENTS

<i>Schweitzer V.Ya.</i> Party and Political Landscape of Europe: New Times, New Dispositions.....	9
<i>Sindeev A.A.</i> Liberal Democracy in the EU and Its «Alternatives».....	16
<i>Kargalova M.M.</i> The European Union: Problems of the Electorates' Political Activity.....	20
<i>Narochnitskaya E.A.</i> The Typology and Prospects of European Separatism.....	23
<i>Guseletov B.P.</i> Eurosceptics on the Eve of the Next Elections to the European Parliament.....	29
<i>Lunkin R.N.</i> The Religious Factor as an Indicator of Political Disputes Over Tradition and Identity in Europe.....	36
<i>Lunkin R.N.</i> The Liberals and the Traditionalists: the Search for Alternatives in the Field of Religion.....	43
<i>Kaninskaya G.N.</i> The Metamorphosis of the Right-Wing Populism in France.....	54
<i>Fedorov S.M.</i> French Populists and Elections to the European Parliament–2019.....	61
<i>Ananieva E.V.</i> The United Kingdom Independence Party: Its Rise and Fall. Labour as an Alternative?.....	67

<i>Ohoshin O.V.</i> Regional Parties of Great Britain: Positions in View of Brexit.....	73
<i>Shibkova M.O.</i> Italian Eurosceptics: the Path from Opposition to the Mainstream.....	78
<i>Avilova A.V.</i> Italy: The First Major Victory of European Populists.....	85
<i>Yakovlev P.P.</i> Spain: Changing Political Alternatives.....	90
<i>Kvashnin Yu.D.</i> Greece: Back to the Past?	95
<i>Pogorelskaya S.V.</i> «Alternative for Germany» in Search of an Effective Alternative.....	101
<i>Gribovsky V.S.</i> Anti-Islamism of the Austrian and Swiss Nationalist Parties.....	108
<i>Schweitzer V.Ya.</i> The Austrian Freedom Party: First Steps of the «Small Coalition».....	111
<i>Plevako N.S.</i> What to Expect of Sweden Democrats?	116
<i>Zhuravel V.P.</i> Eurosceptics Outside the EU: the Norwegian Version.....	122
<i>Kandel P.E.</i> Exponents of the Political Alternative in the Balkans.....	127
<i>Yazhborovskaya I.S.</i> Evolution of Populism in Post-Socialist States of Europe.....	132

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ЕВРОПЫ: НОВЫЕ ВРЕМЕНА, НОВАЯ ДИСПОЗИЦИЯ

Вопрос о дефинициях на политическом поле Европы существует ровно столько, сколько существует в Старом Свете сама система представительной демократии. В период перехода к раннекапиталистической системе власти, партии, в основном, подразделялись на просистемные, прежде всего, монархические и либеральные. Они требовали место во власти для нарождавшегося предпринимательского класса. В последней трети XIX в. к ним добавились социал-демократы, которые отстаивали интересы наращивавшего политическую мускулатуру рабочего движения. В первой трети XIX в. происходила дифференциация уже в социал-демократическом лагере, уловившем принципиально новые взгляды от российских большевиков. Одновременно в 1920–1930-е гг. набирали политические обороты националисты фашистского толка, которых не устраивали ни итоги Первой мировой войны, ни советский эксперимент.

После 1945 г. политический ландшафт Европы также не находился в состоянии застоя. К традиционным партиям консервативно-либерального и социал-демократического толка добавились коммунисты, постоянно испытывавшие внутренние потрясения. С середины 1970-х гг. место под политическим солнцем постепенно завоевали движения экологической направленности. Не исчезли с политической арены и националисты, увидя в формировании Евросоюза своего антагониста.

Палитру новых и обновлённых субъектов европейской политики предложил Старому Свету период перехода к новой фазе европейской интеграции. Объектом политического противоборства стали не столько сугубо национальные, экономически и социально ориентированные проблемы, сколько их решение в рамках институтов Европейского союза. И хотя Европейский

* Швейцер Владимир Яковлевич, д.и.н., г.н.с., рук. Отдела социальных и политических исследований, сопредседатель НС «Партийно-политические системы Европы XXI века».

парламент за последние десятилетия так и не стал местом принятия судьбоносных решений, тем не менее, сдвиги на электоральном поле на новой фазе развития ЕС вполне очевидны.

Результаты выборов различного уровня (парламентских, президентских, региональных, местных) в последние годы со всей очевидностью свидетельствуют об укреплении позиций партий и движений, не связанных с традиционным политическим истеблишментом Европы. Количественный прирост голосов за тех, кто ориентируется на национализм, сепаратизм, популизм разных оттенков определил новое качество партийно-политического ландшафта Старого Света. Экспоненты национальных отрядов, условно обозначаемых как «политическая альтернатива», не только укрепились в органах законодательной власти, но и вошли в высшие структуры исполнительной власти.

Объективной причиной этого явления стало радикальное изменение положения дел во всех сферах жизни современного европейского общества. Европа, как в рамках национальных государств, так и на уровне своей наднациональной структуры – Евросоюза, оказалась не готова решать проблемы многообразного и многофакторного кризиса. Её неготовность проявилась на политическом, программном и организационном уровнях. Турбулентность экономической, социальной, внутри- и внешнеполитической ситуации не нашла адекватного ответа у традиционного европейского истеблишмента. Не были своевременно оценены факторы вне Евросоюза (президентство Д. Трампа, ИГИЛ, украинский кризис, национал-реваншизм), что существенным образом повлияло на электоральное поведение европейцев.

В результате позиции находившихся в последние годы у власти традиционных фаворитов европейского партийного пространства – консерваторов, христианских демократов, социал-демократов, отчасти либералов – в разной степени и в разных странах ослабли. На сегодняшний день они вынуждены учитывать политические запросы новых, либо обновивших свой идейно-пропагандистский арсенал прежних игроков лагеря «политической альтернативы».

В трёх основных политических отрядах «альтернативщиков» наиболее сильными и влиятельными в электоральном отноше-

нии, безусловно, являются **националисты**. Их альтернативность, прежде всего, касается нечёткой, не просчитанной в деталях иммиграционной политики власть предержащих. Они пропагандистски обыгрывали неготовность европейского социального государства «переварить» большое количество «новых европейцев», которым предоставлено убежище. Националисты набрали очки и на правовом поле, обратив внимание на очевидные просчёты властей в деле защиты своих граждан от криминально-террористической угрозы, во многом порождённой недостаточно контролируемым наплывом беженцев и иммигрантов.

Свою альтернативу очевидным пробелам в сфере региональных, а в отдельных случаях и межгосударственных проблем, выдвигают современные **сепаратисты**. Диапазон их претензий достаточно широк: от повышения статуса соответствующих регионов до требования образовать новые независимые государства. Кое-где ставится вопрос и об изменении государственных границ, не устраивающих часть населения, тяготеющую к исторической родине. В своих требованиях националисты делают акцент на несправедливом распределении экономических благ в традиционных многоэтничных государствах, а также на неудовлетворительное финансирование из центра. Недовольны сепаратисты и явно недостаточными, с их точки зрения, представительскими функциями регионов в различных структурах Евросоюза.

Современные **популисты** политически эксплуатируют как уже упомянутые реперные точки европейской политики, так и другие темы, не оценённые должным образом в практике правящих партий истеблишмента. Они подменяют детальный анализ современной ситуации в Европе изошёренной политической демагогией. Это темы борьбы с бюрократизмом и коррупцией, несправедливого распределения национального дохода, роли и места своего государства в интегрируемой Европе. Они предлагают паллиативные, практически нереализуемые решения, адресат которых – политически разномастные слои населения. Особенность современного популизма заключается в его способности интегрировать в свои ряды сторонников радикальных взглядов как правого, так и левого толка.

Учитывая настроения определённой части европейского электората, истеблишмент ЕС не только идёт на достаточно масштабный диалог с «политической альтернативой» националистического толка, но и скрепя сердце готов делить с ней власть как на местном, так и региональном уровнях, и даже в высших органах исполнительной власти. Коалиции с участием националистов сформированы в Австрии, Финляндии. В Дании правительство буржуазных партий подчас прибегает к поддержке антииммигрантски ориентированной Народной партии. Подобное развитие событий не исключено и в Швеции после парламентских выборов осени 2018 г. В соседней Норвегии, не входящей в ЕС, местные консерваторы уже давно избрали националистов из Партии прогресса своими коалиционными партнёрами. В Швейцарии лидер политической жизни – националистическая Швейцарская народная партия является постоянным участником коалиционного правительства. Особая ситуация сложилась в странах Евросоюза бывшей «социалистической ориентации». Здесь наблюдается как активизация партий националистического и популистского толка, так и усиление сходных тенденций в партиях, традиционно тяготеющих к своим европейским единомышленникам из консервативного и христианско-демократического лагеря (ФИДЕС в Венгрии и ПиС в Польше).

Своё место под политическим солнцем Европы постепенно завоёвывают сепаратисты таких стран, как Испания, Великобритания, Бельгия, Франция. На диалог с сепаратистами Каталонии вынуждены идти власти Испании. Не соглашаясь с выходом этой провинции из состава испанского государства, нынешнее правительство социалистов, учитывая также мнение каталонских сепаратистов, удерживающих большинство в органах местной власти, готово к умеренной федерализации своего пока ещё унитарного государства. С повестки дня не исчез шотландский вопрос, к которому в связи с брекзитом добавилась североирландская проблема. В обоих случаях неудачный с точки зрения местных сепаратистов развод с ЕС даёт им право вновь поставить вопрос, в шотландском варианте, о выходе из Соединённого Королевства, а в североирландском – о воссоединении с Ирландией. Понимая катастрофичность подобного развития

событий для Великобритании, правительство консерваторов готово к продолжению диалога с сепаратистски настроенной частью политического класса обеих территорий.

Тема «сепаратизм и центральная власть» по-прежнему актуальна для Франции и Бельгии. В первом случае успехи сепаратистов на местных выборах на Корсике заставляют правительство предложить корсиканцам конституционное закрепление особого статуса их острова. Не выглядит окончательно консервированной нынешняя ситуация в Бельгии. Умеренные сепаратисты из «Нового фламандского альянса», входящие в коалиционное правительство, не снимают с повестки дня вопрос о расширенной федерализации страны, уменьшения фламандской доли в расходной части общенационального бюджета. Радикал-сепаратисты из партии «Фламандский интерес» сохраняют в своём идеологическом арсенале возможность самостоятельной фламандской республики.

Сепаратистский вариант развития событий не исключён и на межгосударственном уровне. Новое правительство Австрии, явно с подачи младшего коалиционного партнёра – Австрийской партии свободы, поставило перед Италией вопрос о предоставлении австрийского гражданства немецкоязычным жителям Южного Тироля. Сама же АПС, поддерживая тесные контакты с местными сепаратистами, в своих программных документах не исключает проведения в этой части бывшей Австро-Венгрии референдума о возвращении нынешней итальянской территории в состав исторической родины.

В наступлении на бастионы высших органов исполнительной власти активно участвуют популисты. В Италии уже функционирует кабинет министров, где власть делят популисты из движения «Пять звёзд» и национал-сепаратисты бывшей «Лиги Севера», убравшей в тактических целях из своего названия ссылку на регион. Отметим, что в процессе переговоров о формировании кабинета министров обе стороны, дабы не вызвать раздражения в ЕС, минимизировали свои прежние евроскептические позиции. Пример сохраняющих в течение нескольких лет правительственную власть бывших левых популистов из греческой «Сиризы» показывает политическую рациональность такой

тактики. Вопреки ожиданиям они смогли договориться с европейскими кредиторами по схеме снижения греческого долга, не вступив в острую политическую конфронтацию с оппонентами из крайне правого лагеря. Об ослаблении левопопулистских установок в период участия в правительстве свидетельствует пример Португалии. Здесь возглавляемое социалистами правительство оказалось способным переварить социал-радикализм коалиционных партнёров левосоциалистического, посткоммунистического и экологистского толка.

В условиях определённого ослабления радикальных лозунгов у части «политической альтернативы» можно предположить и вариант взаимной диффузии взглядов и оценок данного спектра европейской политики с партиями истеблишмента. Прежде всего, это затронет тему перспективы функционирования ЕС и его ключевых институтов власти. Политики-реалисты понимают справедливость критики в их адрес из рядов «политической альтернативы». Очевидна готовность истеблишмента ЕС переложить центр принятия отдельных решений на национальные органы законодательной власти, не отказываясь от традиционных принципов субординации. В таком важнейшем вопросе европейской политики, как тема иммиграции, также намечаются точки сближения. Власти согласны, до определённого предела, ужесточить требования к иммигрантам и беженцам. Националисты, со своей стороны, готовы убрать наиболее антигуманные и экономически ущербные тезисы из своей риторики и отказаться от чисто силовых решений данной проблемы. Что касается прежних популистских оценок бюрократического и коррумпированного компонента европейской власти, то последняя понимает ущербность сохранения в неприкосновенности подобных рудиментов в иерархии ЕС, хотя и не готова полностью устранить прежние схемы властных полномочий в интересах господствующего класса. По ключевым для сепаратистов темам возможен, хотя и в отдалённой перспективе, некий «третий путь», который бы удовлетворил интересы регионов, не разрушая исторически сложившиеся границы современных государств.

Неоцентристский вариант вполне вероятен и в подходах к

актуальным проблемам межгосударственных отношений. Явный антиевропеизм Д. Трампа отрезвил некоторых его прежних поклонников, особенно в националистическом лагере. В то же время укрепление военно-политической мощи России заставляет европейцев, вне зависимости от их прежних антироссийских позиций, более взвешенно оценивать перспективы политического диалога и экономического сотрудничества с нашей страной. Националисты и популисты, давая политические оценки текущим международным событиями, не ослабляют поиск вне Евросоюза, оглядываются на сходные ситуации в собственных странах, ища единомышленников, которые применяют аналогичные политические методы или как минимум похожие по своей сути.

«Партии альтернативы» отдают себе отчёт в том, что их новая роль – не критика, а компонента властной пирамиды – неизбежно обостряет процессы собственной внутренней дифференциации. Уже сегодня в партиях, включённых в систему законодательной, и, особенно, исполнительной власти, заметны центробежные тенденции, и даже расколы. Бывшие оппозиционеры допускают ошибки, попадая на ранее неизведанное ими поле политической ответственности, и в перспективе дилемма «принципы или власть» неизбежна для этой группы партий.

Очевидно, что «партии альтернативы» не могут не испытывать на себе влияние разновекторных факторов глобального, регионального и странового характера. Обострение международной обстановки в сочетании с переходящей от волатильности к кризисной ситуации в сфере экономики и социальных отношений может стимулировать возврат к прежним позициям. В таком случае возможен вариант нового издания конфронтационной, а не компромиссной модели европейского партийного пространства. Однако при подобном развитии событий европейский электорат совсем необязательно поддержит тех, кто ранее обещал избирателям избавление от всех ухудшающих жизнь жителей Старого Света проблем различного свойства, что формируются в национальном, континентальном и глобальном пространствах.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ЕС И ЕЁ «АЛЬТЕРНАТИВЫ»

В последнее время много приходится слышать о кризисе концепции либерального государства в странах Евросоюза. Однако большинство экспертов, констатирующих наличие этого кризиса, не могут предложить системный каталог кризисных явлений, описать их временную специфику и определить степень опасности. В результате текущие трудности во многом гипертрофируются, возводятся в ранг качественно новых, не учитываются предыдущая – отнюдь не безоблачная – эволюция европейского либерального государства, генетические особенности его модели. Итогом размышлений сторонников кризиса становится вывод о бесперспективности либеральной демократии.

При этом забывается о том, что основу демократии составляет механизм обеспечения общественного консенсуса и легитимности принимаемых решений с помощью допуска значительного числа участников к политическим процессам. Участники и идеи – это средства работы демократии. Её обновление осуществляется постоянно. В идеале оно предполагает привлечение большего количества активных участников и артикуляцию новых идей.

На практике же обновление стало проходить в рамках технократических процедур. Технократизм, с одной стороны, необходим, чтобы поддерживать достигнутое и обеспечить контролируемую эволюцию, с другой – губителен, потому что его безальтернативное применение влечёт за собой абсолютизацию алгоритмов управления и излишний рост ответственности элит.

Сложность текущих проблем, используемых технократических алгоритмов и закрытость управленческих структур вызывают непонимание и опасение у граждан. У них возникают сомнения в способности государства эффективно защищать население от угроз и вызовов. Нынешнее недовольство в странах Ев-

* Синдеев Алексей Александрович, д.и.н., профессор РАН, г.н.с. Отдела европейской безопасности ИЕ РАН.

росоюза и сопровождающий его радикализм настроений обусловлены не притоком беженцев, а излишним оптимизмом в отношении той роли, которую были вынуждены играть европейские государства после Второй мировой войны. Речь идёт, в первую очередь, о постоянном обеспечении высокого жизненного уровня и социального стандарта. Глобализация и связанные с нею вызовы вторичны: эффективное обновление демократии было нарушено ранее. Несмотря на возникшие проблемы, индивидуализм и свобода не перестали быть менее востребованными.

Конечно, демократия должна обеспечивать консенсус. В этой связи вполне логичен простой вопрос: «Зачем он нужен?». Ответ, с моей точки зрения, также будет несложным: «Для развития». Сегодняшнее состояние – это не кризис либеральной демократии, либерального государства, ведь благодаря им был достигнут и поддерживается высокий уровень социального благополучия и благосостояния. С учётом различных социально-экономических факторов положение населения многих стран ЕС по сравнению с иными историческими этапами значительно улучшилось. Проблема элит заключается в том, что у них не получается мобилизовать участников не только в силу отмеченного выше технократизма в управлении, но и потому, что они не в состоянии гарантировать устойчиво высокий рост благосостояния. Их мобилизационные механизмы ограничиваются в основном возрастом политиков (фактором надежды) и различными страхами (угрозой хаоса и больших потерь). Ни молодость, ни страх не способны оказывать длительную помощь в мобилизации. Более того, их излишняя артикуляция укрепляет иррациональность в восприятии действительности.

Наше время стало бесплодным с точки зрения появления новых идей. Объяснить это можно эффектом перенасыщения, дисперсностью информационных потоков, состоянием гуманитарного образования. Нельзя сбрасывать со счетов и последствия технократизма. Бесплодность элиты предоставляет шанс альтернативным подходам контрэлиты.

Естественно, альтернативы для демократии – нормальное явление. Однако тот факт, что радикальные порывы, свойствен-

ные альтернативам в странах Европейских сообществ в 1960–1970-х гг., сегодня существенно ослабли, служит доказательством того, что действительно достигнут высокий уровень благополучия и благосостояния населения: ему есть, что терять. Низкая степень радикализма свидетельствует и о вере лидеров альтернатив в возможность демократического, легитимного прихода к власти.

Альтернативы в континентальных странах ЕС можно условно разделить на две группы: охранительные и распределительные. И те, и другие акцентируют внимание на необходимости осуществить на необходимости мониторинга национальной модели, подчёркивают её ценность, а, значит, верят в её потенциал. Охранительные делают ставку на справедливости условий существования национальной модели, распределительные – на росте социальных благ. Охранительные пытаются заменить якобы дискредитировавших себя консерваторов; распределительные настаивают на том, что именно они – истинные борцы за социальную справедливость, что размывает традиционный политический спектр. Вполне возможна и иная трактовка происходящего: традиционный политический спектр стоит перед существенными вызовами. В данном контексте немислимые политические союзы и комбинации перестают вызывать удивление. Нынешний этап активизации альтернатив – это не уничтожение, а доработка прежней модели национального государства и либеральной демократии. Риторические всплески, ситуационные обострения со стороны некоторых их представителей вторичны; не они являют субстанцию.

Одновременная популярность охранительных и распределительных альтернатив в любой из стран ЕС свидетельствует о расколе в обществе. Степень раскола, глубину социальных проблем в обществе можно констатировать на основе популярности альтернатив.

Политики и в Америке, и в Европейском союзе перешли к практическим действиям, направленным на согласование единого западного понимания развития мира в XXI в., связанного с разделением труда в вопросах безопасности, экономического сотрудничества, дополнительной ценностной экспансии и вза-

имодействия в сфере контроля. Данное согласование потребует времени, будет сопровождаться спорами и подчас, выражаясь языком СМИ, непримиримыми противоречиями. Альтернативы, таким образом, – закономерный процесс, свидетельствующий о том, что такое согласование в ЕС имеет более сложные формы.

С альтернативами можно бороться. Для этого важны новые идеи и интеллектуальный багаж, помогающие современному европейцу увидеть перспективу. Пока же происходит очередное выстраивание диалога элит. Однако, существующие альтернативы в идейном смысле также бесплодны – они не представляют собой истинные альтернативы, поэтому не имеют больших шансов на длительный успех без изменения и развития либеральной демократии. Между тем, реальная альтернатива механизму либеральной демократии – отказ от самой демократии, но тогда получается, что либеральной демократии в её современной трактовке в ЕС альтернативы также нет. Иначе пришлось бы наблюдать борьбу за изменение общественной модели.

В этих условиях более сложным становится вопрос: «нужно ли бороться с альтернативами?». Сомневаюсь, что эффективными будут различного рода «крестовые походы» против них. Лучшее средство борьбы – возвращение элиты к разумной и обусловленной её возможностями ответственности за судьбу своих стран и европейское развитие. Хотелось бы видеть утверждение в политическом дискурсе широкого понимания ценностей европейского развития, подразумевающее создание единого пространства безопасности, включая и Россию. С учётом задач, которые предстоит решать европейской элите, от понимания России в качестве своего рода официального противника на Западе едва ли откажутся, поскольку подобный отказ предусматривает наличие сформированных стратегических целей. Партийно-политические системы в ЕС переживают период трансформации, что предполагает среди прочего их внутривнутриполитическую консолидацию. В этой связи искусственное нагнетание ситуации и любые формы стимулирования напряжённости способны потребовать дополнительное время для выработки стратегических целей и консолидации.

Дело может принять ещё более непредсказуемый оборот вви-

ду наднационального уровня власти в ЕС. Очевидно, что на данном этапе европейская бюрократия и её аппетиты скорее усугубляют национальные трудности, чем помогают их разрешению. При этом обновлённая модель либеральной демократии в ЕС (а именно к ней в итоге нужно стремиться) не может существовать без эффективно функционирующих наднационального, национального и муниципального уровней власти. Следовательно, в странах ЕС уже сейчас необходимо системно работать над единой моделью либеральной демократии. В противном случае процесс трансформации и искусственных кризисов может затянуться.

*М.В. Каргалова**

ЕВРОСОЮЗ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЭЛЕКТОРАТА

Новые вызовы, новые проблемы, новые возможности требуют изменения поведения и позиций политических партий. Очевидно, что только на основе долгосрочных стратегических установок и выработке общих целей возможно рациональное и плодотворное решение и текущих тактических задач.

С момента создания Европейского сообщества целью и сплачивающим моментом было построение единого экономического, финансового, политического и социального пространства, отвечающего интересам европейцев.

Опросы и исследования свидетельствуют, что альтернативы интеграционному пути не было и нет до сих пор, несмотря на разнообразие стран, входящих в ЕС. Нынешнее время изменений глобального порядка диктует необходимость поиска нового курса политического и социально-экономического развития.

Рассматривается возможность разрыва с прежней моделью развития и вхождение в новую, имея в виду способ производства, управление ресурсами и рабочей силой. Структура общест-

* Каргалова Марина Викторовна, д.и.н., г.н.с., рук. Центра проблем социального развития Европы ИЕ РАН.

ва изменилась, равно как и рынок труда. В ближайшие 10 лет ожидается потеря около половины рабочих мест. Новые формы занятости ставят вопрос о месте и роли человеческого капитала в условиях цифровой экономики. Речь идёт о политической активности масс и формах её проявления. Голос народа звучал в организованных массовых выступлениях. Исторически рупором трудящихся были профсоюзы и левые партии. Сейчас кризис доверия к ним проявляется в том числе через резкое сокращение членства в них. Недовольство масс формируется посредством значительного потока информации, доступа к социальным сетям. В новых условиях стало возможным в кратчайшие строки организовывать массовые движения протестного характера, в которых принимает участие население многих стран – членов ЕС.

Однако эти выступления носят спонтанный характер, хотя и привлекают разные слои населения: трудящихся, студентов, интеллектуалов, аграриев, всех, чьи интересы затрагивает то или иное решение властей. В этой, так называемой «уличной демократии» заметны сепаратисты Каталонии и Шотландии, рыбаки Франции, представители аграрного сектора нескольких стран, противники миграционной политики Брюсселя и т.д. Политические партии не играют решающую роль в этих массовых протестных движениях.

Они резко снизили свою активность, и которая заметна лишь по мере приближения выборов, совпадая с электоральным графиком. Но политические партии, судя по всему, вовсе и не заинтересованы в пополнении своих рядов. Их усилия в предвыборных кампаниях направлены на привлечение электората щедрыми обещаниями, популистскими лозунгами и даже покупкой голосов.

Если сравнить социальные программы политических партий, в которых, прежде всего, заинтересован рядовой избиратель, то можно заметить, что они практически идентичны. Обещанные же реформы, как правило, остаются на бумаге и звучат лишь на публичных предвыборных митингах. Именно поэтому открывается идеологическая и электоральная перспектива правым партиям и популистским движениям. Примером может служить результат последних парламентских выборов во Фран-

ции. В составе кандидатов от Национального Фронта (НФ) было большинство рабочих, безработных и служащих. У Социалистической партии те же категории были в меньшинстве.

По данным социологических служб Европарламента, избиратели не любят все партии и все элиты. 79% не верят политическим партиям, 71% своим правительствам, 59% заявляют об отсутствии доверия к руководству Евросоюза, 53% в 28 странах ЕС – к Европарламенту. Именно поэтому растёт число абсентеистов. В дебатах о будущем Европы часто смешиваются все понятия; подчас путают критику ЕС с его отрицанием. В СМИ прямо обвиняют партии в торговле голосами, как избирателей, так и депутатов. Судя по всему, Европа потеряла почву под ногами. Знаменитый европейский компромисс, который ранее выручал, сейчас под вопросом.

Это показывает незрелость гражданского общества, слабость партийных систем. Налицо и отсутствие авторитетных политических лидеров, чьи организационные усилия необходимы для активизации действий. Кризис доверия коснулся не только населения и правящих элит, но затронул и вопросы взаимоотношений политических лидеров разных стран.

Альтернативой нынешней сумятице на политической сцене ЕС может стать новая модель развития, опирающаяся на компромисс и политическую волю лидеров. А они оказываются неспособными разработать и обосновать такую модель, даже используя платформу Европейской социальной модели (ЕСМ), основополагающие принципы которой не утратили своей актуальности.

Перед правящей элитой ЕС есть и другие варианты политической стратегии: подчинение США или сближение, хотя бы частичное, с РФ. Оба варианта, судя по всему, её пугают. Для того чтобы иметь шансы на самостоятельное развитие, Европе необходимо сконцентрироваться на консолидации всех прогрессивных сил общества: граждан, социально-ответственного бизнеса, государств-членов. Видимо не случайно ежегодная научно-практическая конференция на высшем уровне во Флоренции в мае 2018 г. проводилась под лозунгом солидарности. По идее роль консолидирующего фактора могут взять на себя партии и

их дальновидные лидеры, именно они должны предложить общие цели и выработать стратегии для их достижения, находить решение тактических задач.

Однако всё громче звучат голоса о нарастающей возможности раскола единой Европы под давлением неразрешённой миграционной проблемы. Само существование Евросоюза оказывается под угрозой. Впереди сложный период преодоления последствий ошибок и просчётов руководства и политических лидеров, который продлится не менее десятилетия. Но хватит ли у Евросоюза и его политических лидеров воли, умения и ресурсов рационально использовать накопленный опыт и продолжить эволюционный путь европейской интеграции?

*Е.А. Нарочницкая**

ТИПОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕПАРАТИЗМА

Пространство Евросоюза до сих пор отличалось завидной стабильностью межгосударственных границ. Если Восток континента недавно пережил капитальную реконфигурацию политической карты, серию сецессий и вызванных ими вооружённых конфликтов, образование непризнанных либо частично признанных государств, то на Западе Европы после Второй мировой войны ничего подобного не было. Тем не менее, сепаратизм так или иначе знаком большинству стран ЕС, а новый западно-европейский сепаратизм стал одной из примет нашего времени. Причём феномен далеко не ограничивается широко известными «казусами» вроде Шотландии, Каталонии или Фландрии. Политические географы выделяют в Западной Европе более 30 зон распространения сецессионизма различной интенсивности¹.

Анализ сепаратизма как явления осложняется колоссальным многообразием его конкретных случаев. Многовариантно

* Нарочницкая Екатерина Алексеевна, к.и.н., в.н.с. ИЕ РАН, директор Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор журнала «Перспективы. Электронный журнал».

¹ Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М., 2012.

всё – причины и условия, движущие силы и акторы, мотивация и программа, динамика и результаты и т.д. Классифицировать сепаратистские движения приходится исходя из отдельных критериев, которыми могут служить насильственные или мирные методы; политический или неполитический характер; юридический статус; преимущественно этническая, религиозная или территориальная основа консолидации; обширность социальной базы; идеологическая привязка; исторические корни; внешние связи и многое другое².

Каковы главные черты современного европейского сепаратизма? Почти всю вторую половину XX столетия тут безраздельно доминировала вооружённо-террористическая подпольная форма. Теракты прокатились по многим странам, а террористические кампании баскских, корсиканских и североирландских сепаратистов затянулись на десятилетия, унеся жизни тысяч людей. Только к началу XXI в. удалось в основном справиться с этой проблемой. Впрочем, Фронт национального освобождения Корсики (ФНОК) официально отрёкся от насилия лишь в 2014 г., а самороспуск баскской ЭТА произошёл в 2018 г. Идеологически почти все практиковавшие терроризм западные «борцы за независимость»: Временная ИРА, ФНОК, ЭТА и десятки менее известных, – принадлежали к левозкстремистскому флангу.

Для умеренных этнорегиональных партий сепаратизм был вовсе нехарактерен ещё 30 лет назад, ибо тогда он считался неприемлемым и даже противоправным, как, например, во Франции. Его фактическая легализация начиналась только в таких странах либеральной или коммунитарной политической культуры, как Канада, Великобритания, Бельгия. С утверждением же в конце XX в. глобалистско-либертарной парадигмы легитимность притязаний на государственное отделение довольно быстро превратилась на Западе в норму.

На этом фоне поднялась новая сепаратистская волна. Одним из маркеров сегодняшней Европы стал «евросепаратизм» – мир-

² См.: Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности. Актуальные проблемы Европы. М., ИНИОН РАН, 2015, №1. С. 32-55.

ный, умеренный, прагматичный, включённый в политический процесс, нацеленный на достижение независимости в перспективе, через демократические процедуры. Его олицетворяют крупные партии, прежде стоявшие на сугубо автономистских позициях: Шотландская национальная партия (ШНП), Баскская националистическая партия (БНП), партии бывшего каталонского блока «Конвергенция и Союз», Новый фламандский альянс.

Во всех этих случаях проекты сецессии, с одной стороны, имеют ярко выраженную историческую основу, а с другой – сходную экономическую мотивацию (богатые регионы рассчитывают материально выиграть от отделения). В социальных вопросах названные организации не выходят за рамки «мейнстрима», тяготея к политическому центру либо справа либо слева. В идейно-ценностном плане они почти во всём системны и лишь с оговорками могут быть отнесены к движениям политической альтернативы.

Однако идеологический спектр современного европейского сепаратизма гораздо шире, что немаловажно для понимания его генезиса, роли и перспектив. Большинство таких организаций располагаются на левом фланге: Шинн Фейн, Партия Уэльса, Левые республиканцы Каталонии, целая группа небольших баскских партий, Галисийский националистический блок, «Республика Независимая Сардиния», «Бретонские левые за независимость», «Либертат! Революционные левые Окситании» и др.

Правый фланг (к которому примыкают правоцентристские Баварская партия, Партия окситанской нации, «Будущее Аландов») малочисленнее и электорально слабее. Тем не менее, отчётливой правоконсервативной наравленностью отличаются не только маргиналы, вроде бретонского «Адсава» или Савойской лиги, но и гораздо более успешные сепаратистские объединения Южного Тироля, собравшие в 2013 г. более 20% голосов местного электората³. Все они весьма оппозиционны в отношении официального курса, особенно в ценностных вопросах.

Крайний праворадикальный сектор более чем маргинален.

³ Trentino-Alto Adige/Südtirol provincial elections, 2013. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/TrentinoAlto_Adige/S%C3%BCdtirol_provincial_elections,_2013 (11.06.2018).

К нему можно отнести крошечную неонацистскую группу «Молодая Бретань»; Национальный форум Эльзас-Лотарингия, связанный с немецкой НДП; отдельных членов итальянской «Лиги» и «Фламандского интереса». Сами же эти партии стоят на более умеренных позициях.

В сепаратистском сегменте в целом больше, чем на партийно-политической сцене, представлены и нестандартные идеологические амальгамы, что отражает девальвацию традиционного деления на правых и левых. Особого внимания в этом смысле заслуживает крайне неоднородная итальянская «Лига», с её региональными лигами, отдельные из которых не отказались от сепаратистских идей.

Новым примечательным явлением, и не только в Европе, стал с конца XX в. бум эпатажного, буффонадного, имитационного квазисепаратизма, нередко с изобретением эксцентричных «идентичностей». Среди ярких примеров – провозглашение «государства Падания» на севере Италии, «Герцогства Бургундии», «независимого Гента»; «Независимый проект Каскадии» и две «Республики Вермонт» в США; их российские «реплики» вроде «Ингрии» и «Ингерманландии», акция с «Русской демократической Республикой Домодедово», история с двумя хуторами, «отделившимися» от Эстонии.

Реальный подтекст, смыслы и цели таких проектов могут быть различны. Часть их ориентирована на рекламу туристических или товарных брендов, хотя появившийся в 2008 г. Новый гентский альянс был политической пародией на партии Новый фламандский альянс и «Фламандский интерес».

Эпатажные инициативы вряд ли всерьёз претендуют на независимость – это своего рода постмодернистские игровые «симулякры» сепаратизма. Тем не менее, в подтексте они несут совсем не игровое содержание, в том числе работая на деконструкцию сложившихся национально-государственных концепций или декларируя анархическую асоциальность, как «Вольный город Христиания» в Копенгагене. Парадокс в том, что постмодернистский симуляционный квазисепаратизм одновременно низводит до уровня банальности идею перекройки границ, внося тем самым лепту в подъём подлинных сепаратистских движений.

Важный критерий в типологии сепаратизма – уровень его общественной поддержки. В интернете легко встретить сюжеты об «огромном сепаратистском айсберге» Западной Европы и грядущем исчезновении с её карты почти всех крупных государств. Но если различать сепаратизм влиятельный и маргинальный, политически оформленный и ментально-дискурсивный, целевой и симуляционный, а также собственно сепаратизм (сецессионизм) и автономизм, то немалая часть «айсберга» оказывается разве что «ледяной крупой».

Можно выделить три кластера регионов в зависимости от уровня поддержки сценариев отделения. В кластере с высоким и относительно высоким уровнем (от 20 до 50% населения и более) лидируют Шотландия и Каталония, за которыми с большим или меньшим отрывом следуют Северная Ирландия, Уэльс, Фарерские острова, Страна Басков, Фландрия, Больцано (Южный Тироль), отдельные другие районы итальянского Севера – особенно в Ломбардии и Венето. О среднем (10-20%) уровне сочувствия сепаратизму (второй кластер) можно говорить применительно к Корсике; в Галисии и на Сардинии такие настроения периодически фиксировались на более низком, но всё же заметном уровне (7-9%). В остальных же частях «сепаратистского айсберга» (третий кластер), включая часто упоминаемые Бретань, Эльзас, историческую Окситанию, Ниццу, Сицилию, Валенсию, Баварию, Савойю, поддержка сепаратистских организаций и даже самой абстрактной идеи независимости колеблется между ничтожной (менее 1%) и слабой (менее 5%)⁴.

Успешного парада суверенитетов в ближайшем будущем в Европе, скорее всего, не предвидится, но лихорадить государства ЕС на почве проектов отделения то одной, то другой территории будет и впредь. Среди целого ряда источников общего характера, питающих сепаратистский тренд, отметим две категории факторов.

Во-первых, протестные настроения разного рода, будь то ле-

⁴ Приводимые примерные усреднённые оценки сделаны автором на основе сопоставления многочисленных варьирующих данных опросов и электоральных результатов сепаратистских партий более чем за 10 лет (см. в частности, Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм; Попов. Указ. соч.).

вый протест против социально-экономического неолиберализма, гражданский протест против морально дискредитированного истеблишмента или условно «консервативное» отторжение цивилизационной модели глобалистского постмодерна. Если западная система по-прежнему будет вытеснять содержательную критику «мейнстрима» в маргинальное поле, то разнородный поиск альтернатив неизбежно будет перетекать в том числе в сепаратистскую нишу, как уже и происходит.

Во-вторых, будут и далее сказываться последствия европейского интеграционного проекта с его философией: передача компетенций на наднациональный уровень ослабила европейские государства как таковые, лишила их едва ли не большей части суверенитета, а значит и девальвировала привычный государственный уровень управления. Со своей стороны, Евросоюз в некоторой степени прямо стимулировал консолидацию и мобилизацию на суб- и транснациональном уровнях. Концепт «Европы регионов» явно внёс свой вклад в легитимацию сепаратистских идей. Более того, радикальный вариант еврорегионализма можно считать одной из разновидностей постмодернистского квазисепаратизма, поскольку, как и традиционный сепаратизм, он направлен на деконструкцию сложившихся национально-государственных структур⁵.

Другое дело, что реальные процессы на региональном уровне не вписались в «брюссельские» лекала. Вместе с постгосударственным постнациональным регионализмом и локализмом, а часто вместо них, Евросоюз получил радикализацию давних этнонациональных движений и во многом классического сепаратизма. Даже когда каталонские, шотландские, валлийские и прочие сторонники отделения апеллируют к «Европе регионов» и избегают критиковать евроструктуры, их мировоззрение остаётся прогосударственным, проникнутым идеологией национализма. Большинство же сепаратистских партий, как например «Фламандский интерес» или Шинн Фейн, не скрывают своего

⁵ О соотношении сепаратизма и еврорегионализма см. Нарочницкая Е.А. Государство и вызов сепаратизма: между сецессией, автономией и новым регионализмом. Перспективы. Электронный журнал. 2015, №3. С. 20-37. URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/c18/3_2015-06.11.pdf (11.06.2018).

скептицизма в отношении нынешнего вектора европейского строительства, выступая за «Европу наций», против «превращения ЕС в супергосударство»⁶. Таким образом, в видении будущей модели пространственной организации Европы сепаратистские движения в основном альтернативны доминирующей философии.

Раскрученный маховик сепаратистских настроений обладает инерцией, которая отнюдь не исчерпана, тем более что цепные реакции для этой сферы весьма типичны. Эффекты шотландского и каталонского прецедентов уже просматриваются: явно поднимает голову корсиканский национализм, пока преимущественно в форме автономизма; поступательно укрепляются позиции ирредентистской Шинн Фейн; вновь стала актуальной проблема референдума о статусе Фарер и т.д. Со своей стороны, в европейских столицах, за исключением Лондона, восприняли сепаратистские стремления регионов преимущественно непримиримо, то есть в традиционном, а не постнациональном духе. Так что дальнейших политических конфликтов и напряжённости, связанных с сепаратизмом, Европе вряд ли удастся избежать.

*Б.П. Гуселетов**

ЕВРОСКЕПТИКИ В КАНУН ОЧЕРЕДНЫХ ВЫБОРОВ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

Обзор евроскептических партий Европарламента начнём с Альянса европейских консерваторов и реформистов (Alliance of European Conservatives and Reformists, АЕКР). АЕКР – умеренно евроскептическая партия, отстаивающая консервативные

⁶ People Before Profit Slam Hypocrisy Of Sinn Féin U-Turn On Eu. URL: <http://www.pbp.ie/people-before-profitslam-hypocrisy-of-sinn-fein-u-turn-on-eu/> (03.07.2018); Het Vlaams Belang maakt deel uit van de Beweging voor een Europa van Naties en Vrijheid (BENV). Movement for a Europe of Nations and Freedom (MENL). URL: <https://www.vlaamsbelang.org/menl/> (03.07.2018).

* Гуселетов Борис Павлович, д.полит.н., в.н.с. Центра партийно-политических исследований ИЕ РАН, член НС «Партийно-политические системы Европы XXI века».

и либеральные принципы. Партия настаивает на реформировании Евросоюза (ЕС) в отличие от полного отказа от него, который предлагают радикальные евроскептики. В настоящее время в Альянс входят 24 партии-члена из 21 страны (в том числе не-членов ЕС), а также 8 региональных партнёров из стран вне пределов Европы⁷.

АЕКР был основан 1 октября 2009 г. как «Альянс европейских консерваторов и реформистов» после того, как по итогам выборов в Европарламент в 2009 г. в нём была сформирована политическая группа «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР)⁸. Среди 8 членов – основателей АЕКР были Консервативная партия Великобритании, польская партия «Порядок и Справедливость» и чешская «Гражданская демократическая партия». Председатель АЕКР – чешский депутат Европарламента (ДЕП) Я. Захардил⁹.

Партия имеет фракцию в Европарламенте «Группа европейских консерваторов и реформистов», панъевропейский аналитический центр «Новое направление – Фонд европейских реформ» и молодёжную организацию «Европейские молодые консерваторы». Группа ЕКР в Европарламенте является третьей по численности, объединяя 75 депутатов из 16 стран.

В настоящее время кроме трёх вышеперечисленных партий ведущими партиями АЕКР являются «Финны», «Направление Италия», «Национальный альянс» Латвии, «Избирательная акция поляков Литвы – Альянс христианских семей», «Партия альтернативных демократических реформ» Люксембурга и «Партия свободы и солидарности» Словакии.

Сейчас трудно говорить о реальных перспективах этой партии на предстоящих евровыборах. С одной стороны, она в последнее время укоренилась в общественно-политической жизни ЕС, её результаты на общеевропейских выборах растут, попу-

⁷ Web site of ACRE. «ACRE – europe's fastest growing political movement». ACRE – member parties & regional partners. 18.10.2016. URL: <http://www.acreurope.eu/>

⁸ Для формирования парламентской фракции в Европарламенте в её составе должно быть как минимум 25 депутатов от семи стран Евросоюза.

⁹ «ECR Trans-National Party Set for EU Funding – But is it legal?». New Europe. 18.01.2010.

лярность партий-членов в своих странах тоже увеличивается. Однако есть серьёзная проблема: один из ключевых членов этой партии британская Консервативная партия, и каковы будут результаты АЕКР в Великобритании на следующих выборах – большой вопрос. В любом случае партия должна сохранить своё представительство в Европарламенте за счёт привлекательной для избирателей позиции, основанной на умеренной, но жёсткой критике современной ситуации в ЕС, поддержке демократии и суверенитета стран – членов ЕС. Скорее всего, она повторит результат, достигнутый на предыдущих выборах 2014 г.

Партия европейских левых (ПЕЛ)

ПЕЛ – европартия, действующая как ассоциация демократических социалистических и коммунистических¹⁰ партий в ЕС и других европейских странах. Создана в январе 2004 г. для участия в выборах в Европарламент¹¹. Депутаты Европарламента от партий – членов ПЕЛ входят в группу «Европейских объединённых левых – северных зелёных». Основу группы составляют представители Испании, Германии, Греции, Франции, Португалии, Италии, Нидерландов и Чехии.

На конгрессе ПЕЛ 2005 г. в Афинах была принята Афинская Декларация ПЕЛ. В декабре 2016 г. главой ПЕЛ избран немецкий политик Грегор Гизи.

На декабрь 2016 г. ПЕЛ включала 27 партий-членов, 8 наблюдателей и трёх партнёров из 25 европейских стран. Основные партии – члены ПЕЛ – СИРИЗА, «Левая партия Германии», Компартия Франции, «Левая партия Франции», «Левый блок Португалии», «Объединённые левые Испании», «Красно-зелёный альянс Дании», «Левый альянс Финляндии», «Объединённые левые Словении».

На последних выборах в Европарламент 2014 г. ПЕЛ продемонстрировала самую высокую динамику, почти на 45% улучшив результат 2009 г. За прошедшее время партия усилила позиции на выборах в Греции, Германии, Дании, Италии, Кипре,

¹⁰ The web site «Parties and Elections in Europe». 08.04.018. URL: www.parties-and-elections.eu.

¹¹ Hudson Kate. The New European Left: A Socialism for the Twenty-First Century? 2012, Palgrave Macmillan. P. 46.

Нидерландах, Финляндии, Франции и Чехии. Вместе с тем их основные оппоненты социал-демократы в большинстве стран ЕС заметно ослабили свои электоральные позиции и отвернувшись от них избиратели в значительной мере могут перейти к радикальным левым. Возможно, на предстоящих выборах ПЕЛ улучшит свой результат на 2-3%, что позволит ей довести численность фракции в Европарламенте до 65-70 депутатов.

«Европейское христианское политическое движение» (ЕХПД)

ЕХПД объединяет партии, разделяющие христианско-демократические ценности. Партия основана в ноябре 2002 г. В 2014 г. ЕХПД впервые приняла участие в европейских выборах. В настоящее время в ЕХПД состоит 30 партий-членов из 16 стран. Партия имеет 6 евродепутатов, с 2016 г. её возглавляет ДЕП от Словакии Б. Шкрипек. Среди партий – членов ЕХПД нет ни одной влиятельной в своей стране.

Учитывая слабый состав партий – членов ЕХПД, отсутствие опыта организации избирательных кампаний на европейском уровне и не очень внятную идейно-политическую позицию, её, скорее всего, ждёт не очень успешное выступление на предстоящих выборах. Большой удачей для партии будет повторение результата, показанного на выборах 2014 г.

Рассмотрим перспективы радикальных евроскептических партий.

«Движение за Европу наций и свободы» (ДЕНС)

22-25 мая 2014 г. европартия «Европейский Альянс за свободу» (ЕАС), состоящий из правых и крайне правых партий со всей Европы, попробовала сформировать стабильную группу в Европарламенте. Предыдущая попытка сформировать в ЕП 6-го срока (2004–2009 гг.) крайне правую группу завершилась созданием в 2007 г. на короткий период группы «Идентичность, традиции, суверенитет»¹².

На выборах 2014 г. значительное количество представителей ЕАС были избраны депутатами Европарламента, однако лидеры ведущих партий Альянса долго не могли договориться друг

¹² Laible J. Separatism and Sovereignty in the New Europe. 2008, Palgrave Macmillan. P. 215.

с другом о создании единой парламентской группы, и, кроме того, партии не хватало представительства от разных стран ЕС (они не смогли набрать представителей от 7 стран ЕС).

15 июня 2015 г. М. Ле Пен объявила о формировании новой группы в Европарламенте с участием депутатов от Национального Фронта Франции (НФ), Партии Свободы Нидерландов, Лиги Севера, «Австрийская партии свободы» (АПС), «Партии Фламандский интерес» Бельгии (ПФС)¹³, польского «Конгресса новых правых» (ПКНП) и бывшего члена «Партии независимости объединённого Королевства» Д. Аткинсона¹⁴.

30 апреля 2016 г. на съезде партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) было объявлено, что ДЕП от АдГ М. Претзелл присоединился к группе ЕНС¹⁵.

Интересно, что при рассмотрении Европарламентом критических в отношении России документов (например, Соглашение об ассоциации Украины с ЕС), депутаты из этой группы в 93% случаев голосовали «против». Президентом ДЕНС избран ДЕП от Бельгии и лидер ПФС Г. Аннеманс.

Ведущими партиями – членами ДЕНС являются ПСА, ЛС, ПФС, «Воля» из Болгарии, «Партии свободы и прямой демократии» Чехии, НФ.

Пока трудно дать однозначную оценку шансов ДЕНС на предстоящих выборах. С одной стороны, многие партии-члены этого движения добились ощутимых результатов на недавних парламентских выборах в своих странах, а ПСА и ЛС (теперь партия называется Лига) вошли в правительственные коалиции своих стран. Если к ДЕНС на выборах присоединится партия «АдГ», то это серьёзно усилит электоральный потенциал ДЕНС, поскольку проблема мигрантов остаётся одной из актуальных в большинстве европейских стран.

С другой стороны, один из лидеров ДЕНС М. Ле Пен проиграла президентские выборы во Франции. Во многих странах

¹³ Rettman A. «Far-right parties form group in EU parliament». EU Observer. Retrieved 2015-07-09.

¹⁴ Mason R. «Ex-Ukip Janice Atkinson joins Le Pen-led EU group. World news». The Guardian. Retrieved 2015-11-04.

¹⁵ «AfD: EU-Abgeordneter Pretzell wechselt zur Front-National-Fraktion. ZEIT ONLINE». Zeit.de. 2016-04-30. Retrieved 2016-06-25.

ЕС растёт общественный протест в отношении радикальных евроскептиков. У ДЕНС мало полноправных членов, и ей будет трудно вести избирательную кампанию в странах, где у неё нет партии члена движения.

Однако если партия расширит свои ряды, представит избирателям привлекательную программу, проведёт активную избирательную кампанию в ведущих странах ЕС, то может рассчитывать на результат в 10-12%, что позволит ей сформировать депутатскую группу в Европарламенте в составе не менее 70-75 человек.

Альянс европейских национальных движений (АЕНД)

АЕНД – европейская политическая партия, образованная 24 октября 2009 г. рядом ультранационалистических и ультраправых партий из стран Европы¹⁶. Основателями этого альянса были венгерская партия «Йоббик» (АЕНД был создан на её VI конгрессе), НФ Франции, партия «Трёхцветное пламя» (Италия), национал-демократы Швеции и Национальный фронт Бельгии¹⁷. В конце 2011 г. новый лидер НФ М. Ле Пен решила выйти из АЕНД и присоединиться к ЕАС. В феврале 2016 г. «Йоббик» покинула АЕНД, после чего президент Альянса Б. Ковач вышел из этой партии¹⁸.

В настоящее время членами в Альянс входят 4 партии из Болгарии, Великобритании, Италии и Португалии, ни одна из которых не имеет представительства в национальных парламентах своих стран.

Альянс создал политический фонд «Европейских традиций и идентичностей».

Учитывая откровенную организационно-политическую и идейную слабость этой партии, ей вряд ли удастся на предстоящих выборах добиться избрания хотя бы одного её представителя в новый состав Европарламента.

Альянс за мир и свободу (АМС)

АМС – крайне правая европартия, основанная 4 февраля

¹⁶ Far-right European parties forge alliance, EUbusiness.com, 2009-10-25.

¹⁷ European nationalist parties form alliance, Taiwan News (source: Associated Press), 2009-10-24.

¹⁸ «Statement of Jobbik on AENM». Web site jobbik.com. 2018-02-20.

2015 г. Основные партии – члены Альянса были некогда вовлечены в ныне несуществующий «Европейский национальный фронт». В марте 2018 г. к Альянсу присоединился бывший лидер НФ Франции Ж.-М. Ле Пен. В настоящее время в АМС входят 9 партий, представляющих Бельгию, Великобританию, Германию, Испанию, Италию, Румынию, Словакию и Чехию. Лишь одна из этих партий «Народная партия – наша Словакия» представлена в национальном парламенте. АМС имеет 1 евродепутата.

Президент АМС Р. Фиоре – итальянский политик, представитель консервативного направления в неофашизме, идеолог «Третьей позиции»¹⁹, основатель и лидер партии «Новая сила».

Учитывая идейно-политическую маргинальность и организационную слабость этой партии, вряд ли стоит ждать от неё какого-то прорыва на предстоящих выборах. Возможно, 1-2 представителя АМС могут стать депутатами Европарламента, но на большее ей вряд ли стоит рассчитывать.

* * *

Исходя из представленного анализа можно сделать вывод, что по итогам предстоящих в мае 2019 г. общеевропейских выборов партии евроскептического характера расширят своё представительство в этом органе ЕС с нынешних 113 ДЕП, как минимум до 125-130. Число депутатских групп, представляющих эти партии, останется, скорее всего, прежним – 3, из которых две: АЕКР и ПЕЛ будут представлять умеренных евроскептиков, а ДЕНС – радикальных евроскептиков. Но если сейчас в Европарламенте соотношение между умеренными и радикальными евроскептиками равняется примерно 2 к 1, то в новом составе ЕП это соотношение может быть уже 3 к 2 или даже 4 к 3, т.е. представительство радикальных евроскептиков должно увеличиться, что заметно осложнит деятельность этого представительного органа власти ЕС.

¹⁹ Третья позиция (альтернатива) исповедует революционно-националистическую идеологию, подчёркивает свою оппозицию по отношению к коммунизму и капитализму. Её сторонники не относят себя ни к левым, ни к правым. Третья позиция сочетает национализм с корпоративизмом.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР КАК ИНДИКАТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ СПОРОВ ВОКРУГ ТРАДИЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕ

В политической жизни современной Европы обращение к религиозным символам стало почти повсеместным. Политики и общественные деятели формально и неформально возвращают религию в общество, споря об исламе и христианстве, о необходимости защищать свою культуру и духовность. На практике апелляция к религии правящих элит или «популистских» (называемых так условно и по сути несправедливо) партий «политической альтернативы» (см. В.Я. Швейцер²⁰), продолжает традицию восприятия веры как «частного дела» гражданина. О значении религии много говорят, но от неё самой часто ничего не ожидают, а многие и не хотят, чтобы она выступала как сильный социальный и политический игрок. Вместе с тем, апелляция к религии в политических дискуссиях помогает понять, как меняется отношение к традиции в современном европейском сознании²¹.

С одной стороны, заявления многих правых популистов о приверженности христианству или попытке либеральных политиков сблизиться с религиозными деятелями вызваны отнюдь не реакцией на требования самих церквей. В странах Западной Европы христианство чаще всего рассматривают символически в качестве «замещающей религии» (по определению социолога Г. Дэви), не выходящей за рамки потребностей отдельного индивидуума, который делегирует некоторые религиозно-культурные функции церковным институтам. Либеральные политики, заявляя о роли религии, не собираются разрешать персона-

* Лункин Роман Николаевич, к.филос.н., в.н.с., рук. Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН.

²⁰ Швейцер В.Я. Партии и движения политической альтернативы современной Европы. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, №3, 2018. С. 43-47.

²¹ Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния. Современная Европа. №3, 2018. С. 102-114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018102114>.

лу носить религиозные символы, а в отношении ислама готовы принять строгие меры, чтобы не допустить эту религию в публичное пространство. С другой стороны, в странах Восточной Европы (в особенности, Польше, Венгрии) и в России христианству и роли церкви в публичном пространстве придают больше значения, но и оно обладает таким же символическим смыслом, как и «замещающая религия», подменяя собой патриотизм, национальную гордость за свою историю и культуру. Консервативные политики с большей охотой, чем либеральные, уделяют внимание таким элементам своей деятельности как строительство и реставрация храмов, присутствие политиков на церковных праздниках, наличие «традиционной религии» в риторике, ограничение деятельности религиозных меньшинств ради виртуального блага исторической религии. Моральные вопросы или реальное развитие церковной жизни и миссии остаются за кадром такой политики (хотя одним из исключений в данном случае можно назвать Польшу). В данном случае политики приватизируют религию, политизируют её в либеральном или консервативном ключе, и она их становится «частным делом».

В подобном утилитарном отношении политиков к церкви, что не раз встречалось в истории и ранее, можно увидеть неизгладимые следы секуляризации. Представление об упадке религиозности, особенно, в рамках исторических церквей, мешает увидеть их значительную социальную роль. Сама по себе религиозная сфера не воспринимается как нечто целостное – она распадается на культуру, защиту свободы совести и незначительную часть активных епархий, общин и прихожан. Секуляризация отстывает, когда вновь возникает потребность в религиозной легитимации реальности – политических идей, прежде всего, и успокоения общественного сознания. В итоге политики делают первые шаги к кристаллизации новых политических мировоззрений, основанных на переосмыслении роли религии в обществе и государстве.

Рождение новых интерпретаций связано с двумя тенденциями – отстранением церквей от прямого политического участия и резким повышением уровня их косвенного участия в гражданской и социальной активности. После Второй мировой войны

мировоззрение христианских церквей изменилось – оно восприняло демократические ценности в богословскую доктрину и социальную работу. В 1980–1990-е гг. церкви Западной Европы были деморализованы наступающей секуляризацией, борьбой с ней или приспособлением к ней. На Востоке, наоборот, церкви находились в эйфории постсоветского национально-культурного возрождения народов после насильственной советской секуляризации. Однако и те и другие двигались, как стало очевидно к 2010-м гг., одним и тем же путём, который единственный и мог принести новый христианский расцвет. Этот путь основан на евангельской миссии, делах милосердия, общинной солидарности, гражданской активности вне связи с государством, что и стало определять новые интересы церквей в начале XXI в.

Перед церквями встала сложная и противоречивая задача – преодолеть секуляризацию публичного пространства, но остаться в рамках демократических институтов и плюрализма, не связывать себя новой симфонией властей, но поддерживать в обществе традиционалистскую повестку дня как питательную почву для рождения околоцерковных общественных движений.

В политической жизни сложились два идеологических подхода, так или иначе учитывающих религиозный фактор, которые условно можно назвать «либеральный традиционализм» и «религиозный традиционализм». Первый акцентирует внимание на плюрализме и либеральных ценностях, подчёркивающих политкорректность или, по крайней мере, соблюдение секулярности, то есть равенства всех мировоззрений перед государством. В этом случае религию в рамках нового тренда приветствуют как выразительницу либеральных гуманистических ценностей, иные варианты религиозных взглядов либо не считают религиозными, либо объявляют экстремистскими.

Религиозный традиционализм основан на непреходящей ценности религиозной и национальной самобытности, что выражается в поддержке национальной исторической церкви, в стремлении использовать обращение к традиции и вере ради своих политических целей, что, как правило, связывают с «популистскими» партиями. Поддержку «традиционной религии» часто связывают с неприятием мультикультурализма, стремлением ог-

раничить приток иммигрантов и распространением «чужих религий», что, однако, не исключает приверженности демократическим ценностям в рамках религиозного традиционализма.

Политические тенденции использования религиозного фактора выявлены нами при оценке роли христианства в европейском обществе. Аналогичные тенденции может существовать и в исламе, где есть течения, которые провозглашают стремление изменить Европу, и есть те, которые интегрируют ислам в европейскую культуру и демократию. Мусульманская политическая жизнь не менее богата и разнообразна, вопреки стереотипам и страхам в восприятии ислама европейцами.

Либеральный и религиозный традиционализмы амбивалентны: и в том и другом направлении возможны ксенофобия и попрание демократических норм. Ни то, ни другое не является чистым и нравственным примером обращения к вере, поэтому церкви, как правило, не ассоциируют себя прямо ни с тем, ни с другим политическим традиционализмом. В этой связи важно отметить, какие церковные институты деятельно участвуют в политической борьбе, заявляя о своей позиции. Прежде всего, это Католическая церковь, которая с конца XIX в. развивала шаг за шагом церковную концепцию демократии участия, наряду с признанием прав человека, осуждением тоталитаризма, отделением церкви от светской власти. Идеи миссии, милосердия, солидарности от Второго Ватиканского собора, папы Иоанна Павла II и до папы Франциска заложили основы новой политики солидарности, которая выступает с резкой критикой глобального экономического распределения, рынка, экономического и социального неравенства, мигрантофобии, национализма.

Православие в меньшей степени обеспокоено глобальными проблемами в силу своей децентрализации и исторической привязанности к своим национальным государствам. Тем не менее, Православные церкви России, Греции, православные приходы в Западной Европе выступают одновременно и как носители национально-культурной самобытности, и как воплощение общинной солидарности и милосердия по отношению к иммигрантам.

Англиканская и Лютеранская церкви Европы являются в основном носителями либерального традиционализма, хотя и вну-

три данных конфессий есть разные партии. Политическая позиция представителей этих церквей несамостоятельна и в большой степени зависит от государства. Среди других значимых христианских конфессий Европы отметим евангельские протестантские церкви (баптисты, евангелисты, пятидесятники), которые выступают как библейские фундаменталисты, чрезвычайно консервативные в моральных вопросах, также как и православные и большинство католиков (в отличие от либерально толкующих Библию англикан и лютеран). Евангелисты всех мастей – это религиозные традиционалисты в политическом смысле, их общины широко распространены по всей Европе, но десятки деноминаций раздроблены и аполитичны, за исключением реакции на самые вопиющие нарушения библейской морали в Евросоюзе (одобрение эвтаназии или однополых браков).

Из элемента и символа религия превратилась в фактор политической мобилизации общества. Христианская мотивация стала играть многогранную роль. Прежде всего, это касается легитимации европейского проекта через обращение к религиозной тематике политической элиты. С разных сторон происходит переосмысление евроинтеграции и роли евробюрократии в сторону утверждения принципов христианской демократии – солидарности и субсидиарности.

Обращение к религиозной идентичности представляет собой также как один способ для стран Восточной Европы и России найти своё место в общеевропейском проекте – роль исторических церквей (православия и католицизма) в этом огромна. Не стоит забывать и о том, что в странах Западной Европы консервативные христианские движения и церковные деятели поднимают голову во имя спасения Европы, которая с 1990-х гг. стала стесняться своих христианских корней.

Появление христианского фактора в публичной политике и начатая дискуссия между политиками и церквями стали возможными вследствие трансформации самих церквей. Христианская демократия фактически перестала существовать как мощное партийное движение (ХДС в Германии стала фактически внеконфессиональной партией), но её принципы (солидарности, субсидиарности, социальной справедливости) воплотились в церков-

ной деятельности и мировоззрении практически всех конфессий, а не только католиков – главных выразителей её идей со времён папы Льва XIII. Взамен партийной христианской демократии пришла социальная мобилизация религии в условиях демократических процессов и упадка партийных систем.

В диалоге с элитами/правлящими партиями церкви не всегда, но всё чаще выступают в качестве значимой силы гражданского общества, а не как элемент политической системы и идеологии, хотя эта функция религии также сохраняется. Каждая из сторон нуждается в другой и ищет поддержки, но не зависит от неё.

После, по крайней мере, двух веков массивированной секуляризации, отделения церквей от государственной власти в большинстве стран Европы (кроме Англии и Уэльса, где государственной церковью является Англиканская), вытеснения религиозных символов из публичной жизни, закрытия церквей во многих странах, христианство осталось ключевым элементом самоидентификации европейцев.

Большинство из них считают себя непрактикующими христианами, но это не просто декларация – в своих представлениях о Боге, о роли религии в обществе, они отличаются от людей без религиозной принадлежности. Стоит отметить также, что непрактикующими христианами в рамках опроса «Pew Research Center» считаются и те, кто назвал себя христианином и посещает церковь не более нескольких раз в год²². Средняя доля практикующих христиан в странах Западной и Северной Европы составляет 18%, непрактикующих – 48%, без религиозной принадлежности – 24%, других религий – 5%. Во многих странах доля практикующих верующих говорит о сохранении церковной семейной традиции посещения богослужений и в целом участия в какой-либо церковной активности (социальной работе, культурных акциях), которая также создаётся вокруг богослужений и после них. Это особенно ярко видно на фоне циф-

²² Western Europeans vary in their nationalist, anti-immigrant and anti-religious minority attitudes. by JEFF DIAMANT AND KELSEY JO STARR JUNE 19, 2018. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/06/19/westerneuropeans-vary-in-their-nationalist-anti-immigrant-and-anti-religious-minority-attitudes/>

ры в 6% практикующих православных в России, где церковные традиции и околоприходская деятельность были уничтожены в советский период. К примеру, в Австрии практикующих христиан – 28%, в Германии – 22%, в Ирландии – 34%, Италии – 40%, Португалии – 35%, Испании – 21%, Швейцарии – 27%. Абсолютное большинство опрошенных также отметило, что воспитывает своих детей как христиан. Для большинства европейских христиан идентичность стала социальным культурным маркером, который также много говорит о политических предпочтениях. Христиане более критично настроены по отношению к иммигрантам и мусульманам, и таких больше среди практикующих христиан. Непрактикующие приветствуют повышение роли религиозных институтов в обществе, но более либеральны (значительная часть одобряет аборты и однополые браки), чем практикующие более консервативные христиане. Более половины непрактикующих христиан (52%) отметили, что важно вырасти в немецкой, французской и т.д. семье, чтобы быть настоящему немцу, французом и т.д. Среди практикующих данную опцию поддержало 72%, что не говорит автоматически о радикальном национализме этих респондентов, а лишь подчёркивает их приверженность традиционализму в противовес глобализации и либерализму.

Одним из следствий роста уровня «защитной» идентичности (от возможных посягательств на традиции, семью, веру) стал также рост доли сторонников поддержки религиозных ценностей и убеждений со стороны государства. Даже среди людей без религиозной принадлежности средняя доля поддержавших это устремление составляет 14%, а среди христиан – более половины. По опросам «Pew Research Center» в Западной Европе тех, кто надеется на участие власти в сохранении религиозных ценностей, меньше, чем в Восточной Европе. По вопросу положительной оценки социальной роли церкви в европейском обществе сложился определённый консенсус, так как все категории опрошенных (христиане и люди без принадлежности) в значительной степени приветствуют работу церквей и других религиозных организаций среди нуждающихся (без принадлежности – 48%, непрактикующие христиане – 62%, практикующие –

78%)²³.

Церкви доказали своё право быть общественной силой, а не просто хранителями культуры. Такого рода общественным влиянием они обладали и в Средние века, и в Новое время, тогда это влияние опиралось на религиозную картину мира, поддерживаемую властью. Теперь же в итоге эволюции в XX столетии христианство показало способность мобилизовать активных верующих без помощи и санкции государства. Произошло расширение общественной базы церквей: церковные структуры опираются на широкий слой неполитических социальных организаций. В демократическом обществе потребления требуется именно такой стиль поведения, прежде всего, для ощущения своего влияния. Массовая религиозность в современном обществе расплывчата и совсем не склонна воплощать свои верования на практике.

Связь упадка христианской демократии и христианства с кризисом европейской идентичности не так далека от истины, поскольку в европейском сознании (в немусульманской культуре) присутствуют ностальгия по религии и её пассионарной мотивации, разочарование в либеральной системе политкорректности и ревизии моральных норм и устоев общества (стирание идентичностей), страх потерять свою идентичность и традицию, страх перед международным терроризмом и экстремизмом, которые подрывают местную культуру, а иногда и лишают жизни.

*Р.Н. Лункин**

ЛИБЕРАЛЫ И ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ: ПОИСКИ АЛЬТЕРНАТИВЫ В СФЕРЕ РЕЛИГИИ

Религиозные институты традиционно играют большую роль в социально-политической жизни европейского общества. Несмотря на снижение их влияния на общественное сознание в хо-

²³ Being Christian in Europe. FOR RELEASE MAY 29, 2018. URL: <http://assets.pewresearch.org/wpcontent/uploads/sites/11/2018/05/14165352/Being-Christian-in-Western-Europe-FOR-WEB1.pdf>.

* Лункин Роман Николаевич, к.филос.н., в.н.с., рук. Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН.

де секуляризации и вытеснение из сферы публичной политики при формировании либерального миропорядка, религии и конфессии (в Европе, прежде всего, христианские церкви) сохранили свои позиции в гражданском обществе. Религиозный фактор стал неотъемлемым элементом повестки дня международных отношений, обсуждения проблем безопасности, сохранения традиций и идентичности в условиях глобализации. В качестве политического инструмента для разрешения насущных проблем или восполнения недостатка идеологической мотивации религиозный фактор стали использовать европейские политики с конца 2000-х гг.

Яркими представителями либерального осмысления роли религии в жизни европейцев стали лидеры ведущих стран Евросоюза (прежде всего, Франции и Германии) и функционеры Брюсселя, которые отвечают за налаживание отношений с религиозной сферой. К примеру, вице-президент Еврокомиссии Ф. Тиммерманс, курирующий религиозные вопросы, выступая перед священнослужителями, подчёркивал принадлежность своей семьи к католической традиции и в целом значение христианства в Европе. Основная идея Тиммерманса состояла в том, что Европа должна быть открытой и должна делиться своей культурой с другими, а задача церковей, соответственно, – поддерживать эту атмосферу открытости²⁴.

Религиозная политика канцлера Германии А. Меркель – хороший пример противоречивости либерального подхода. Меркель фактически произвела секуляризацию Христианско-демократического союза (ХДС), отказавшись применять конфессиональный принцип в формировании кабинета министров. Христианские консервативные принципы в программе партии перестали быть приоритетными²⁵. Так, ещё в 2007 г. Меркель заяви-

²⁴ First Vice-President Frans Timmermans spoke at the opening ceremony of the (Re)thinking Europe Conference organised by COMECE (Commission of the Bishops' Conferences of the European Community) in the Vatican. 27 October 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019/timmermans/announcements/speech-opening-ceremony-comece-rethinking-europe-conference_en.

²⁵ Тимошенкова Е.П. Партийная система Германии в эпоху перемен. Современная Германия. Экономика и политика. Под общ. ред. В.Б. Белова. М., ИЕ РАН, Весь мир, 2015. С. 454-493.

ла, что упоминания о Боге и о христианских корнях не будет в проекте Конституции ЕС, хотя сама она не против этого. Таким же образом в 2017 г. Меркель разрешила членам партии голосовать самостоятельно по вопросу об однополых браках, хотя сама она была против их легализации.

Наряду с нежеланием считаться с религиозными нормами в политике, канцлер стремится приспособить религию к нуждам текущего политического момента. Несколько раз Меркель пыталась сделать позицию Католической церкви не только более политкорректной и соответствующей линии ЕС, но и активной. Под активностью понимается умиротворяющая роль Церкви по отношению к исламу и мигрантам, а также поддержание христианской идентичности европейцев.

В 2009 г. Меркель потребовала от папы Бенедикта XVI выступить с заявлением о неприемлемости отрицания Холокоста в ответ на решение папы не лишать епископского сана британского епископа-антисемита. В 2010 г. Меркель создала комиссию по расследованию случаев сексуального насилия в стенах церкви и религиозных образовательных учреждениях. В 2012 г. призвала католиков и протестантов к примирению, а Евангелическо-Лютеранской церкви посоветовала быть «более живой» – вовлекать граждан в социальную работу и просвещать их по поводу христианских праздников – и толерантной к исламу. В 2014 г. Меркель специально звонила папе Франциску с тем, чтобы понтифик объяснил ей свои обидные слова о Европе как «бесплодной старой женщине», сказанные им во время речи в Европарламенте в ноябре 2014 г. Наконец, в рамках общего тренда «возвращения христианства» Меркель высказалась в 2015 г.: канцлер подчеркнула, что она хочет видеть больше людей открыто говорящих: «Я – христианин!». Кроме того, те, кто говорит об опасности ислама, должны, по её мнению, обращать внимание на собственные корни: канцлер надеется, что жители Старого Света вернуться к своим религиозным практикам²⁶. Та-

²⁶ «Вы не хотите исламизации Европы? Приходите в церковь!» Неожиданная позиция Ангелы Меркель. Сибирская католическая газета. 15.09.2015. URL: <http://sib-catholic.ru/vyi-ne-hotite-islamizatsii-evropyi-prihodite-v-tserkov-neozhi-dannaya-pozitsiya-angelyi-merkel/>

ким образом, в представлении А. Меркель Церковь должна наводить у себя в рядах либеральный порядок сама или прислушиваясь к власти, а возвращение в той или иной форме к христианству призвано снизить в обществе страхи перед мигрантами и исламизацией. Стоит подчеркнуть, что с вполне либеральных позиций, которые сочетаются с политикой Меркель, выступают и многие католики, среди которых глава Конференции католических епископов Германии Р. Маркс, призывавший ради единства Европы помогать мигрантам и быть милосердными к разного рода меньшинствам (в том числе, сексуальным).

Однако с 2018 г. появились консервативные политические силы, готовые скорректировать центристский курс Меркель с позиций традиционализма. В апреле 2018 г. консерваторы из ХСС и ХДС (среди избирателей – протестанты и католики) сформировали «Союз за ценности» и издали «Консервативный манифест». Они призвали выслать нелегальных мигрантов и защитить традиционную семью²⁷. Ещё более всколыхнуло политическую ситуацию создание левого движения «Зарождение» (Aufstehen) в августе 2018 г. во главе с руководителем фракции Левой партии в Бундестаге Сарой Вагенкнехт²⁸. Одно из требований движения – защита интересов немецкого рабочего класса и ограничение притока иммигрантов. Позицию Вагенкнехт поддержал один из лидеров СДПГ О. Лафонтен. Левые традиционно ориентируются на избирателей – членов протестантских церквей.

Непоследовательность и ограниченность либерального подхода к религии проявил президент Франции Э. Макрон. 9 апреля 2018 г. он выступил на Конференции католических епископов страны. Поводом для встречи стала гибель полицейского-католика подполковника А. Бельтрама, который обменял себя на заложницу при захвате террориста-джихадиста. Макрон подчеркнул, что погибший, совершивший накануне паломничество

²⁷ Консерваторы из ХДС и ХСС усиливают давление на Меркель. 08.04.2018. Deutsche Welle. URL: dw.com/ru/консерваторы-из-хдс-и-хсс-усиливают-давление-на-меркель/a-43297196.

²⁸ Немцы прониклись идеей «Зарождения». Новое левое движение получает поддержку избирателей. 13.08.2018. Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/world/2018-08-13/6_7287_german.html.

в Сантьяго-де-Компостелло, «черпал вдохновение в своей католической вере». Президент Франции признал позитивную роль католической церкви в широком контексте, «вдохновляющую роль, как для верующих, так и для неверующих», призвал католиков более активно участвовать в политике. Провозгласив новый этап диалога католицизма и французского государства, Макрон всё же предупредил, что католики «не могут ничего приказывать, но только просить»²⁹.

Однако следующий шаг в рамках религиозной политики Макрона показал что, скорее всего, истинным намерением президента было, как и в случае с политикой Меркель, стремление погасить страхи, касающиеся миграционного кризиса и отношения к мусульманам.

Э. Макрон, рассчитывая привлечь традиционалистски настроенных избирателей, в том числе католиков, заявил о будущей реформе ислама (в Версале на заседании обеих палат французского парламента 9 июля 2018 г.). Реформа, как следует из речи Макрона, должна быть направлена на выявление «радикального, агрессивного прочтения ислама». «Они (радикальные мусульмане – авт.), подчеркнул Макрон, ставят целью оспорить наши правила и законы – правила свободного общества, принципы которого не подчиняются никаким религиозным догмам. Нужно, чтобы все знали, что во Франции личная свобода, свобода мысли, свобода критики, равенство мужчин и женщин, уважение к личному выбору до тех пор, пока он не затрагивает права других граждан, являются неприкосновенными принципами». В отношении ислама будут приняты пока неопределённые «рамки и правила, гарантирующие, что его будут проповедовать везде в соответствии с законами республики»: «Я верю, что у Франции есть силы снова стать ведущей державой в XXI веке, и чтобы реализовать этот проект, мы отталкиваемся от реальности и не будем ограничивать себя закосневшими идеями, старыми противостояниями. ... Наша единственная идеология – это величие Франции, как бы это ни могло некоторым не понравить-

²⁹ Guillaume Perrault : «Laïcité ! Laïcité ! Au fait, ça veut dire quoi ?». LeFigaro.fr. 11.04.2018. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2018/04/11/31003-20180411ARTFIG00128-guillaume-perrault-laicite-laicite-au-fait-ca-veut-dire-quoi.php>.

ся»³⁰. Однако декларации о возвращении к «величию» не предполагают по существу никаких конкретных действий, кроме возможного контроля ислама. Такой же политической декларацией было широко обсуждавшееся в британской прессе заявление Д. Кэмерона в 2014 г., тогда ещё премьер-министра. Кэмерон отметил значение веры для формирования морального кода человека, призвал христиан активнее выражать свою веру в обществе, увеличить роль религии в Британии как в христианской стране³¹. Этим поддержка традиционалистской повестки дня со стороны британского премьера ограничилась.

Либеральное мировоззрение самоутверждается за счёт того, что фактически отказывает партиям «политической альтернативы» в праве быть полноценными субъектами политической жизни, которые реально отражают чаяния и страхи граждан. Правящие политики перенимают у партий политической альтернативы их же методы противодействия «исламистской угрозе». В случае с Э. Макроном вежливое обращение к церковным деятелям с призывом восстановить полноценный диалог стало прелюдией к решению исламской проблемы – наведения порядка среди мусульманских общин. Макрон, таким образом, отвечает на страхи сограждан по поводу исламизации и роста экстремизма. В результате, французское государство готово вмешиваться в религиозные дела мусульман, в том числе, нарушая все либеральные нормы и светские принципы. Впрочем, также поступил лидер Австрийской народной партии и канцлер Австрии Себастьян Курц, поставив мусульманские общины под контроль – часть мечетей была закрыта, имамы высланы³².

Вместе с правящими политикам с гуманистических позиций к религиозной тематике обращаются и те, кого считают радикальными популистами. В Великобритании, к примеру, лидер Партии независимости Соединённого Королевства (UKIP) Н.

³⁰ Макрон пообещал провести реформу ислама во Франции. 9 июля 2018. ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5359810>

³¹ David Cameron: I am evangelical about Christian faith. The Guardian. 17.04. 2014. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2014/apr/16/david-cameron-evangelical-about-christian-faith>.

³² Австрия закрывает семь мечетей и высылает из страны имамов. 08.06.2018. Русская служба БС. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-44403346>.

Фарадж заявлял о необходимости поддерживать иудейско-христианские ценности³³. В Нидерландах представители антииммигрантского движения рассматривают христианство в одном ряду с разными культурными явлениями, что вполне соответствует представлениям Брюсселя о взаимодействии с церквями и иными некофессиональными философскими организациями. Ещё в 2016 г. лидер «Партии свободы» Г. Вилдерс издал манифест, в котором главный акцент сделан на борьбе с исламизацией и иммигрантами из Африки и других стран, но в остальном Вилдерс вполне либерален – он лишь исключает из голландской картины мира ислам: «Наши ценности не являются исламскими, но основаны на иудейско-христианской и гуманистической цивилизации. У нас есть право и свобода выбора в отношении того, как мы хотим прожить свою жизнь»³⁴.

Религиозный (христианский) традиционализм свойственен больше Восточной и Южной Европе. В Италии он опирается на католических политиков из партии «Лига» или Движения «Пять звезд», отдельных представителей католических организаций в правительстве, в Польше – на католическую общественность и партию «Право и справедливость», в Венгрии на католиков и Реформатскую церковь. В православных странах политики в той или иной степени ориентируются на свои национальные церкви (хотя в Греции правительство А. Ципраса выступает с позиций либерального традиционализма и конфликтует с церковными деятелями, ограничивая государственное финансирование Церкви).

Религиозный традиционализм проявляется в высказываниях представителей самых разных церквей, которые осуждают мигрантофобию и «популизм», национализм в разных его проявлениях. Однако главной причиной кризиса, охватившего Европу, православные и католики называют утрату общей христианской идентичности. В глазах Ватикана именно на этом дол-

³³ Spencer N. The rise of Christian Populism. Theological journal, The Bible in Transmission Bible Society, 06.10.2017. URL: <https://www.biblesociety.org.uk/latest/news/the-rise-of-christian-populism/> (16.03.2018).

³⁴ Вилдерс: время освободить Нидерланды от иммигрантов. Вести ФМ. 11.11.2016. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/77471>.

жна строиться новая солидарность единой Европы, а не на изгнании мигрантов и искоренении национального сепаратизма.

Между тем, политическим деятелям удобнее, как и раньше, использовать религию для обоснования, в том числе жёсткой, политики по отношению к мигрантам. Партии «политической альтернативы» вряд ли стоит называть радикально ксенофобскими и опирающимися на национализм во всём, как часто делают. К примеру, недовольство Брюсселем и бюрократическими правилами игры в единой Европе вполне оправдано, как и неумение властей разных уровней решить проблему нелегальных иммигрантов. Однако определённая доля ксенофобии присуща и католикам из итальянской «Лиги» и у партии «Альтернатива для Германии» (и её католического крыла) и у премьер-министра Венгрии В. Орбана, считающегося членом Реформатской протестантской церкви (реформаты-кальвинисты, консервативные по своему мировоззрению, также активно участвуют в политической жизни Швейцарии и Нидерландов). Самым ярким проявлением религиозного традиционализма стало участие верующих и священнослужителей в антиисламском движении PEGIDA в Германии, за что они подверглись осуждению со стороны иерархов Католической церкви.

В программе партии «Альтернатива для Германии» уделяется больше места религиозной тематике, сравнительно с другими движениями, в разделах: «Ислам не является частью Германии»³⁵ и «Немецкая культура вместо «мультикультурализма». С одной стороны, партия критикует ислам за его антидемократичность и выступает против мусульманских религиозных символов в публичном пространстве. Сохранение христианской и культурной идентичности немцев является важным пунктом программы партии. С другой стороны, среди основ немецкой культуры перечисляются: ценности христианства, античности, гуманизма и Просвещения: «Идеология мультикультурализма ставит под угрозу все эти культурные достижения»³⁶. Что каса-

³⁵ Официальный сайт партии «Альтернатива для Германии». URL: <https://www.afd.de/zuwanderung-asyl/> (16.03.2018).

³⁶ Официальный сайт партии «Альтернатива для Германии». URL: <https://www.afd.de/kulturmedien/> (16.03.2018).

ется немецкого движения PEGIDA (немецкая аббревиатура, обозначающая «Патриоты Европы против исламизации Запада»), то в её программных тезисах лишь подчёркивается необходимость бороться с политическим или религиозным фанатизмом, радикализмом, исламизацией³⁷. В реальности антиисламизм привлёк в ряды движения националистически настроенных христианских фундаменталистов. Таким образом, несмотря на религиозный акцент, который присутствует в программах движений и в их политических акциях, они требуют одновременно и соблюдения гуманистического либерального порядка, и его нарушения ради борьбы с «инородными элементами».

Манифест ультраправой венгерской партии «Йоббик» (Партия за лучшую Венгрию) представляет собой один из редких примеров отсылки к христианскому вероучению, а не просто к проблемам идентичности. В частности, в документе говорится: «Наша партия является христианским движением, поэтому источником наших слов, действий и каждого элемента нашей операции является наша вера в божественные законы и общечеловеческие ценности. <...> Мы считаем, что наша нация не может укрепляться морально, если её совершенствование не основано на учении Христа, и мы хотим использовать наши средства в качестве политической партии для содействия достижению этой цели. Наши христианские церкви и общины должны сыграть ключевую роль в этом обновлении, поскольку они доказали на протяжении веков, в хорошие и плохие времена, что они могут служить последними духовными, умственными и культурными опорными пунктами нашего народа. На наш взгляд, национальная идентичность и христианство – это неразрывно связанные понятия»³⁸. Подчеркнём, что партия призывает религиозные институты активно включиться, помимо прочего, в политическую деятельность.

Показательна для характеристики религиозного традиционализма мотивация В. Орбаном прекращения деятельности Фонда

³⁷ Официальный сайт движения PEGIDA (Патриоты Европы против исламизации Запада). URL: <http://www.pegida.de/> (16.03.2018).

³⁸ Манифест партии «Jobbik». URL: https://www.jobbik.com/manifesto_0 (16.03.2018).

Сороса в стране. Орбан обвинил Сороса в стремлении подорвать в своих интересах христианскую Венгрию и Европу, используя иммиграцию мусульман, а также основанные Соросом неправительственные организации³⁹. В своём обращении к народу в февралю 2018 г. В. Орбан выразился в ещё более пафосном и идеологическом ключе: «Чёрные облака покрывают Европу. Страны перестанут существовать, Запад падёт, а Европа даже не поймёт, что это вторжение». В. Орбан усилил страх аудитории предсказанием появления в Европе мусульманского большинства, а также обвинил правительства европейских стран в слепоте и оторванности от реального положения дел: «Опасность, с которой мы сталкиваемся, пришла с Запада, от политиков в Брюсселе, Берлине и Париже. Они хотят, чтобы мы приняли политику, которая превратила их страны в мусульманские гнезда и проложила путь для упадка христианства и распространения ислама». «Мы думаем, что последняя надежда Европы – христианство», – подчеркнул В. Орбан⁴⁰. В том же духе, но ориентируясь на Католическую церковь, выступают представители польской партии «Право и справедливость».

Польша и Венгрия представляют собой примеры воплощения религиозного традиционализма в конкретных политических решениях. Это связано и с ограничениями по приёму иммигрантов в странах, и с поддержкой моральной программы Церкви – противодействием абортам, законам по ограничению деятельности религиозных меньшинств (в Венгрии). Политики и церковные иерархи на местном уровне часто делают резкие ксенофобские заявления, направленные против изменения культурной идентичности страны и в поддержку традиционалистской политики властей. Именно эти крайние проявления религиозного традиционализма подвергаются критике представители Ватикана и лично папа Франциск. Иерархи Польской католической церкви, несмотря на полную поддержку партии «Право и справедливость» со стороны рядовых католиков, критикуют президента и

³⁹ Парламент Венгрии принял поправки, затрудняющие нелегалам получение убежища. Интерфакс. 20.06.2018. URL: <http://www.interfax.ru/world/617819>.

⁴⁰ Премьер-министр Венгрии назвал христианство «последней надеждой Европы». РИА-Новости. 19.02.2018. URL: <https://ria.ru/world/20180219/1514913795.html>.

правительство стремление закрыть гуманитарные коридоры для беженцев и ограничить их приток в страну, за «авторитарные» реформы – расширение полномочий Министерства юстиции в назначении судей и за попытку изменить процедуру выборов в Европарламент в пользу правящей партии⁴¹.

В 2016 г. на вручении награды в честь Карла Великого папа Франциск провозгласил курс на возрождение принципов христианской демократии, прежде всего, социальной солидарности и мультикультурализма. По словам папы Франциска, «корни наших народов, корни Европы в течение веков формировались в процессе постоянной необходимости интеграции во всё новых синтезах отличных от друга разнообразных культур. Идентичность Европы есть и всегда была динамичной и мультикультурной идентичностью»⁴². В 2017 г. папа Франциск несколько раз в своих интервью предупреждал об опасности популизма⁴³, и неоднократно своим примером подтверждал необходимость толерантного отношения к исламу и открытого милосердного отношения к беженцам и всем иммигрантам. В целом ряде стран позицию папы Франциска по отношению к мигрантам подвергли критике и церковные деятели и политические активисты. В Польше, Венгрии, в Италии – лидер партии «Лига», глава МВД Италии Маттео Сальвини неоднократно вступал в споры с католическими епископами, обвиняя их в предательстве национальных интересов.

Обратившись за помощью к религии и к её богатому культурно-политическому лексикону, политики рассматривают ре-

⁴¹ Кувалдин С. Тихий голос из костёла. Почему польская церковь отказалась поддержать партию власти. Московский Центр Карнеги. 22.08.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77088>.

⁴² Conferral of the Charlemagne Prize. Address of His Holiness Pope Francis. Holy See. Friday, 06.05.2016. URL: https://w2.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2016/may/documents/papa-francesco_20160506_premio-carlo-magno.html; Pope Francis castigates Europe in speech on solidarity. The Guardian. Stephanie Kirchgaessner in Rome. 06.05.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/06/pope-francis-urges-europe-to-return-to-post-war-principles>.

⁴³ Папа Римский предупреждает об опасности роста популизма. 22.01.2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38710267>; Pope Francis Warns Over Populism. Handelsblatt. 09.03.2017. URL: <https://global.handelsblatt.com/politics/pope-francis-warns-over-populism-722366>.

лигиозную сферу как часть философского и культурного багажа Европы, из которого они могут черпать идеи. Однако на самом деле светские деятели вступают на зыбкую почву, которая в любой момент может расползтись у них под ногами. С одной стороны, «возрождённая» религиозная и национальная мотивация, идентичность, традиция начинают жить своей жизнью, независимой от политиков. С другой стороны, становятся очевидными собственные интересы самих церквей, которые уже не готовы идти на тесный союз с государственной властью и уже не могут замыкаться в национальных границах.

*Г.Н. Канинская**

О МЕТАМОРФОЗАХ ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА ВО ФРАНЦИИ

Сегодня очевидно, что популизм «прочно утвердился в глобальной политической культуре» и можно сказать, что «в XXI веке либеральные демократии столкнулись с популистским вызовом»⁴⁴. Нельзя не согласиться с мнением авторитетного французского социолога М. Вевьёрки, объясняющего причины этого вызова тем, что «в исторически меняющейся ситуации, когда классические политические системы поражает кризис, когда разрушаются привычные общественные установки, теряются прежние смыслы, когда все знают, что рождается новый мир, но не представляют, какой именно, а он запаздывает прийти на смену старому». Тогда и активизируется популизм, строящий свой дискурс на «киллюзорных и несбыточных» представлениях, «обещая всем перемены, возможность соединения старого с новым, сохраняя при этом своё достоинство»⁴⁵. Другой авторитетный французский исследователь, П. Розанваллон, убеждён в том, что «популизм – наихудшая форма ответа на нарушение демокра-

* Канинская Галина Николаевна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой всеобщей истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

⁴⁴ Sirinelli J-F. Le populisme en France depuis la fin du 19e siècle. URL: <http://canal-ua.univ-angers.fr/avc/courseaccess?id=3758> (27.03.2018).

⁴⁵ Wieviorka M. Le Front national, entre extrémisme, populisme et démocratie. URL: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/2.0/uk/> (30.03. 2018).

тии»⁴⁶. В унисон с определением «нарушение демократии» звучит название книги под редакцией П. Перрино, наиболее признанного во Франции специалиста по истории Национального фронта (НФ), которое дословно можно перевести как «Нарушенное голосование, президентские и парламентские выборы 2017 г.»⁴⁷.

По мнению французских специалистов, «более высокий уровень популизма» во Франции характерен для правых политических сил и, в первую очередь, партии НФ⁴⁸. Между тем, как подчёркивает известный французский историк Ж.-Ф. Сиринелли, один из основоположников «культурной истории», многие специалисты во Франции, в том числе и он сам, избегают употреблять термин «правый популизм» в силу его размытости и многовариантности, предпочитая ему «крайняя правая»⁴⁹ (фр. «*extrême droite*» – Г.К.). Такой подход имеет основание, так как на президентских выборах 2017 г. Э. Макрон отчасти тоже сыграл на «популистских регистрах», представляя «популизм верхов», по определению М. Вевьёрки⁵⁰. С подачи известного французского специалиста по истории идей П.-А. Тагиеффа, в научно-политический оборот вошли ещё два определения правого популизма. Когда он изучал историю НФ периода Ж.-М. Ле Пена, он характеризовал «фронтистов» как «национал-популистов», а изучая «маринистов», ввёл термин «неонационал-популизм»⁵¹.

В условиях современного глобализирующегося мира, справедливо предлагает Ж.-Ф. Сиринелли, вообще нужно говорить о

⁴⁶ Rosanvallon P. Le bon gouvernement. URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/latelier-du-pouvoir/quest-ce-que-le-populisme> (27.03.2018).

⁴⁷ Le vote disruptif, les élections présidentielles et législatives de 2017.

⁴⁸ Ivaldi G., Zaslove A., Akkerman A. La France populiste? Note de recherche ENEF. Sciences Po-CEVIPOF, №30. 2017. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01491961>. P. 2. Отметим сразу, что с июня 2018 г. Национальный фронт официально сменил название на Национальное объединение (Rassemblement National), о чём речь пойдёт далее в данной статье.

⁴⁹ Sirinelli J-F. Le populisme en France depuis la fin du 19e siècle. URL: <http://canal-ua.univ-angers.fr/avc/courseaccess?id=3758> (27.03.2018).

⁵⁰ См. о типологизации популизма М. Вевьёркой: Wiewiorka M. Les quatre points cardinaux du populisme. URL: <https://wiewiorka.hypotheses.org/794> (23.03.2018).

⁵¹ В частности, это определение дано уже в названии книги: Taguieff P.-A. Le Nouveau National-populisme, Paris, CNRS, 2012.

«популизме» во множественном числе, подчёркивая тем самым, что в разных странах он имеет собственную специфику и его нельзя «анализировать с национальной точки зрения, как это было возможно для историков и политологов в 80-е гг. прошлого века»⁵².

Метаморфозы правого популизма во Франции прослеживаются по двум направлениям – *идейно-политическому* и *электоральному*.

Метаморфозы идейно-политические

Появившись на политической авансцене во время кампании по выборам в парламент страны в 1973 г., Ж.-М. Ле Пен начинал строить «фронтистскую» стратегию на «демонизации» своей партии, делая резкие антисемитские и антиарабские выпады, открыто выступал против партий власти и называл себя «правым». Во Франции и за её пределами его сравнивали с нацистами, с С. Хусейном, и «эта специфика НФ сразу сделала невозможным его союз с классическими умеренными правыми и закрывала ему доступ к власти»⁵³. В 1978 г. появился первый плакат «лепенистов», где на красном фоне белыми буквами было написано: «1 млн иммигрантов – 1 млн безработных! Франция и французы – в первую очередь». Впоследствии лозунг этот не меняли, прибавляли лишь количественные данные: в 1980 г. уже значилось «2 млн», а в 1982 г. «3 млн»⁵⁴. Так, уже с первых лет существования НФ его пропагандистская риторика свелась к триптиху: безработица, иммиграция, безопасность. В 1984 г. на выборах в Европейский парламент проявилась ещё одна важная черта партии – евроскептицизм. «Фронтисты» удачно для себя эксплуатировали заимствованный у де Голля лозунг «Европа Отечество» вместо лозунга «Европейское Отечество», который отстаивали социалисты, шираковцы и жискаровцы.

На протяжении 1980–1990-х гг. Ж.-М. Ле Пен не пытался

⁵² Sirinelli J-F. Le populisme en France depuis la fin du 19e siècle. URL: <http://canal-ua.univ-angers.fr/avc/courseaccess?id=3758> (27.03.2018).

⁵³ Les cultures politiques en France (s.l.d. de S.Berstein). Paris, Seuil, 2003. P. 412.

⁵⁴ Richard G. Histoire des droites en France Richard G. Histoire des droites en France de 1815 à nos jours. Paris, Perrin, 2017. URL: https://www.cairn.info/numero.php?ID_REVUE=PERRI_SYNH&ID_NUMPUBLIE=PERRI_RICHA_2017_01&USER= (21.03. 2018).

сгладить негативный образ НФ и продолжал создавать имидж своей партии. Например, в 1988 г., накануне поездки в Израиль и в разгар кампании по выборам президента страны, когда опросы общественного мнения предсказывали ему 18% голосов в первом туре, он заявил, что «газовые камеры – лишь один из эпизодов Второй мировой войны»; в 1996 г., на летнем университете партии говорил о неравенстве рас; в 2005 г. утверждал, что «нацистская оккупация Франции не была такой уж бесчеловечной»⁵⁵.

В июле 1995 г. во время летнего университета молодёжи НФ (МНФ) С. Марешаль, зять Ж.-М. Ле Пена, муж второй его дочери Яны Ле Пен и отчим будущей звезды партии периода «маринизма» Марион Марешаль, выдвинул лозунг: «Ни правые, ни левые: Французы!»⁵⁶. С этого момента дискурс рассуждений «фронтистов» о будущем Франции начал выстраиваться не сквозь призму социального вопроса или «борьбы социальной Республики против капитализма, навязанной некогда левым дискурсом», а в контексте борьбы между «мондиалистами и националистами».

В 1997 г. своим волевым решением Ж.-М. Ле Пен ввёл в национальный совет НФ дочь Марин, которая превратилась во второго человека в партии, и начала медленно вести работу по «дедemonизации» партии.

Восхождение «маринизма» в НФ наметилось после парламентских выборов 2002 г., на которых она в Па-де-Кале получила наилучший результат из всех «фронтистов» – 32%. Тогда же появился и новый девиз: «Национальность, ассимиляция, социальное восхождение, светскость/ Правые, Левые/ сломали всё»⁵⁷. По сути, это была первая заявка «маринистов» на «национал-республиканский» дискурс, согласно определению известного специалиста по истории французских правых Ж. Ришара⁵⁸. Первым шагом на пути «дедemonизации» НФ стал отказ от антисемитизма. В газете «Фигаро» 7 декабря 2010 г. и в журнале «Пунэн» 3 февраля 2011 г. она выступила с осуждением концлагерей

⁵⁵ Richard G. Op. cit.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid.

и Холокоста. Главным объектом нападок со стороны М. Ле Пен отныне был выбран исламизм. Во время региональных выборов марта 2010 г. на афише НФ была изображена дама в никабе на фоне минарета на карте Франции и с алжирским флагом, а новый лозунг звучал: «Нет исламизму». В 2011 г., на 24 съезде НФ в Туре М. Ле Пен одержала безусловную победу и возглавила НФ. В 2012 г. вышла её книга «Чтобы Франция жила» (*Pour que vive la France*), она изложила популистскую, антилиберальную и «антимондиалистскую», а потому мало реализуемую на деле программу, призывая к борьбе против «апатридного» ЕС, установлению протекционистских границ в Европе, за «Европу Отечества», выход из общего командования НАТО, возвращение к франку, национализацию Банка Франции, сохранение госслужб в сельской местности и возможность референдума по выходу из ЕС. В социальной сфере она предлагала вернуть выход на пенсию с 60-ти лет, реформировать СМИГ, сохранить социальные выплаты. Вторым важным программным пунктом М. Ле Пен с 2010 г. стал антиисламизм. В 2015 г. после очередных высказываний Ж.-М. Ле Пена в прежнем духе по поводу газовых камер в нацистских лагерях смерти его исключили из НФ. Весьма осмотрительно повела себя М. Ле Пен во время бушевавших в стране дискуссий по однополым бракам. Она их осудила, но в манифестациях протеста против таких браков не участвовала. Как известно, на президентских выборах 2017 г. М. Ле Пен стояла совсем близко от победы, успешно прошла первый тур, но, неудачно выступив на теледебатах между двумя турами, проиграла Э. Макрону.

Метаморфозы электоральные

Говоря словами П. Перрино, «НФ – магнит в политической и электоральной системе, утратившей свои традиционные ориентиры»⁵⁹. Какие социальные слои притягивал «фронтистский магнит»?

Сначала появился «классический» электорат «фронтистов-лепенистов», состоявший главным образом из представителей традиционных радикальных правых, считавших, что умеренные

⁵⁹ Perrineau P. La dynamique du Front national URL: <https://www.eneff.fr/les-notes/> (23.03.2018). P. 1.

правые недостаточно правые, что Франции после подписания Маастрихтского договора в 1992 г. и толерантного отношения к иммигрантам грозит утрата национального суверенитета и идентичности. Затем в НФ влились французы из народных слоёв, так называемые «леволепенисты», обеспокоенные в первую очередь своим социально-экономическим положением. Иммигрант как источник всех бед и зол для этой категории граждан, среди которой было немало молодёжи, заменил собой капиталиста. В отличие от «классических фронтистов», «леволепенисты» не были столь чувствительны к идее «единой нации» и не выражали особой приверженности религии. Приток левого электората в Национальный фронт означал его отток от компартии (ФКП), из районов традиционного её влияния, так называемых «бастионов». В более широком плане появление «леволепенистов» удаляло по всем левым партиям и в конечном итоге обернулось «шоком 21 апреля 2002 г.», когда во втором туре президентских выборов впервые противником неоголлиста Ж. Ширака стал не социалист Л. Жоспен, как ожидалось согласно всем прогнозам, а Ж.-М. Ле Пен, объявивший себя борцом против «евромондиалистского истеблишмента» и любивший повторять, что с этого момента во Франции произошла «лепенизация сознания»⁶⁰.

Существенная перегруппировка электората в поддержку НФ началась с 2012 г., когда руководство партией перешло в руки М. Ле Пен. Национальный фронт, по определению П. Перрино, стал «национальной партией», «пустил корни во всех социальных слоях», поколение «лепенистов» пополнилось новыми приверженцами – «маринистами». По социальному составу эти последние рекрутировались из среднего аппарата госслужащих (28%), промышленных госпредприятий и медперсонала (30%), составлявших прежде электоральный костяк левых партий. «Маринисты», в отличие от «леволепенистов», примкнувших к НФ в 1990-е гг., никогда не были связаны с ФКП и представляли собой молодое поколение «фронтистов».

Иными словами, в начале XXI в. питательную среду «неонационал-популистскому» электорату создают главным образом проблема национальной идентичности и вытекающая из неё за-

⁶⁰ Perrineau P. Op. cit. P. 2.

бота о национальной безопасности. Вопрос социально-экономический как мотив голосования претерпел своеобразную метаморфозу: в этой области недовольство избирателей вызывает теперь не капиталист, а иммигрант преимущественно исламского вероисповедания.

Куда везут метаморфозы Национального фронта?

Последний съезд Национального фронта в Лилле 10-11 марта 2018 г. стал и последним съездом партии с таким названием. 79,9% делегатов поддержали идею сменить название партии на «Национальное объединение» (НО) (*Rassemblement National*) и одобрили новый Устав⁶¹. На съезде М. Ле Пен заявила: «Борьба, которую мы ведём, носит цивилизационный характер, ибо мондиализм и исламизм представляют собой две идеологии, стремящиеся к мировому господству»⁶². Девизом этой борьбы М. Ле Пен провозгласила: «Преимущество, Защита, Свобода».

Судя по риторике на последнем съезде Национального объединения напрашивается мысль о том, что в доктринальном плане «маринисты» не отошли от «национал-популизма». Однако последующие тактические действия поменявшей название партии приводят к выводу о том, что М. Ле Пен серьёзно нацелилась на превращение обновлённой партии в системную и на приход её к власти во Франции. Правда, выступая 1 июня 2018 г. перед студентами МГУ, П. Перрино выразил твёрдое убеждение в том, что «маринисты» одни, без коалиции с другими партиями, к власти прийти не смогут, ибо их национал-популистская стратегия строится на «отрицании компромисса», а управление страной предполагает компромисс⁶³.

Так или иначе, первым испытанием на прочность Национального объединения станут выборы в Европейский парламент 2019 г., на которых М. Ле Пен собирается объединить всех «антимондиалистов» против «мондиалистского» блока Э. Макрона.

⁶¹ URL: <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/> (27.03.2018).

⁶² Ibid.

⁶³ Архив автора.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОПУЛИСТЫ И ВЫБОРЫ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ 2019 г.

Призрак бродит по Европе, призрак популизма. Причём не просто популизма, правого или левого. Так утверждают авторы доклада, сделанного в рамках проекта *New Pact for Europe*, «авторитарного популизма»⁶⁴.

На борьбу с ним брошены все политические и интеллектуальные силы Старого Света, готовые защищать сами основы либеральных демократий и присущих им ценностей. Защитники либеральной Европы признают, что риторика и политическая идеология популистов доминируют в общественном дискурсе. Их очень пугает перспектива появления «интровертной, ретроградской, протекционистской, нетолерантной, ксенофобской и дискриминационной Европы», «готовой сопротивляться глобализации, свободе торговли, миграции, гетерогенности, культурному разнообразию и принципам открытого общества»⁶⁵.

Авторы доклада не без основания полагают, что угроза «авторитарного популизма» особенно опасна для Евросоюза, ибо он более уязвим, нежели национальные государства, входящие в него.

Действительно, приход к власти правых консерваторов в Польше и Венгрии (их теперь на Западе именуют «нелиберальными демократами»), избрание канцлера С. Курца в Австрии, победа коалиции правых и левых популистов в Италии на фоне появления главного популиста – Д. Трампа в США потрясли устои либерального политического истеблишмента в Европе. То, что популизм не мнимая, а реальная угроза, подтвердил брекзит, а маргинальная, как казалось, партия британских евроскептиков ПНСК смогла подтвердить свою силу и влияние. Рост влияния популистов, особенно правых, не обошёл стороной

* Фёдоров Сергей Матвеевич, к.полит.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН.

⁶⁴ Redynamiser le projet européen (Un pacte équilibré pour l'UE à 27). URL: www.newpactforeurope.eu.

⁶⁵ Там же.

ФРГ, где «Альтернатива для Германии» сумела пробиться в бундестаг и стать одной из влиятельных политических сил.

Электоральное влияние левого и правого популизма стало также в последние годы одной из характерных черт в развитии политических процессов и партийной системы Франции. Несмотря на критику оппонентами главных популистских партий страны – крайне правого «Национального объединения» (бывший «Национальный фронт») М. Ле Пен и крайне левой «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшона, на запугивание избирателей возможным их приходом к власти, позиции этих политических формирований, как ни парадоксально, не только не ослабевают, но даже крепнут.

Так, в первом туре президентских выборов 2017 г. Марин Ле Пен набрала 21,3% голосов, а Ж.-Л. Меланшон – 19,58% (практически вровень с Ф. Фийоном (кандидатом от право-центристов). Во втором туре Ле Пен показала небывалый для ультраправого кандидата результат – 34%. Это более 10 млн голосов, что существенно больше, чем на предыдущих выборах.

Отмеченная тенденция получила подтверждение и на парламентских выборах. Если в первом туре «Национальное объединение» (НО) по процентам набрала примерно столько же, как и в 2012 г. – чуть больше 13% голосов, то во втором туре – в два раза больше показателей прошлых выборов – для сравнения: 3,66% и 8,75%, увеличив количество своих представителей в нижней палате французского парламента с 2 до 8 человек.

Аналогичные метаморфозы произошли и с «Непокорённой Францией» (НФ) (бывший «Левый фронт»). Если в 2012 г. в первом туре крайне левые получили 6,91% голосов, то в 2017 г – 11,03%; во втором туре – 4,86%, что обеспечило им 17 парламентских мандатов⁶⁶.

Возникает закономерный вопрос: почему же популисты не теряют своих сторонников на выборах, несмотря на то, что «предлагают лёгкие решения для сложных проблем», – решения

⁶⁶ Кстати, нельзя не обратить внимания на своеобразие французской мажоритарной системы выборов в Национальное собрание: бывшие сторонники Национального фронта получили во втором туре в процентном соотношении вдвое больше голосов, нежели сторонники Ж.-Л. Меланшона, а мест – вдвое меньше.

заранее невыполнимые, как справедливо полагают их критики?

Ответ на вопрос уже давно известен социологам, в нём нет никаких хитростей. Рост влияния популизма в Европе, и Франции в частности, связан с чередой кризисных явлений, охвативших страны ЕС (некоторые западные аналитики говорят о «поликризисе»), приведших к хронической массовой безработице, особенно среди молодёжи, падению доходов населения и размыванию среднего класса, росту социального и имущественного неравенства и пр. Слабый экономический рост, хронические бюджетные дефициты, огромные госдолги и прочие экономические неурядицы не дают надежды на решение в скором времени острых общественных проблем. К тому же, к ним добавились в последние годы беспрецедентная массовая миграция, грозящая эрозией национальной идентичности, разлом в укладе и образе жизни коренного населения. Для полноты картины добавим ещё и фактически распад сложившегося к началу XXI в. мирового порядка.

Важный момент: надежды на то, что в рамках европейского проекта упомянутые болезненные проблемы будут решены сообща странами ЕС, явно не оправдались. Более того, у многих создаётся ощущение, что Брюссель не только не помогает защититься от негативных последствий глобализации, но, напротив, мешает решению проблем. В этой связи вполне понятно стремление сделать ставку на национальный уровень решения сложных вопросов, вернуть частично, а иногда и в большем объёме, утраченную суверенность. Отсюда – неразрывная связь популизма и евроскептицизма. М. Ле Пен очень чётко, на наш взгляд, описала сложившееся противостояние. По её мнению, деление на правых и левых стало ушло в прошлое. На современном этапе идёт борьба между глобалистами (читай: еврооптимистами) и суверенитистами. Кстати, в своём выступлении перед парламентариями обеих палат французского парламента в Версале в июле 2018 г. президент Макрон высказал аналогичные суждения.

Действительно, евроскептицизм роднит правых и левых популистов во Франции. Однако критикуют они объединённую Европу с разных позиций. Ж.-Л. Меланшон как истинный левый полагает, что либеральный экономический курс Евросоюза гу-

бителен, в то время как М. Ле Пен выступает за «Европу национальных государств», то есть фактически стоит на позициях генерала де Голля, который, как известно, не допускал мысли о наднациональных органах управления в ЕЭС.

Успех французских популистов объясняется продуманной политической тактикой и умелым политическим маркетингом. Так, Ж.-Л. Меланшон, благодаря своему незаурядному ораторскому таланту, сумел стать рупором всего современного «мира голодных и рабов» во Франции, разочарованных в традиционных левых партиях, в том числе в «системных» социалистах. Ему удалось переманить под свои знамёна немало бывших левых социалистов и коммунистов. Он по праву претендует на звание главного оппозиционера макронизму. Именно Меланшон стал организатором серии массовых манифестаций недовольных социальной политикой правительства весной 2018 г.

Что касается партии ультраправых популистов, то М. Ле Пен в целом сумела извлечь уроки из поражения на президентских выборах (впрочем, поражения ожидаемого, другое дело – с каким счётом) и продолжить курс на дедемонизацию партии. Так, её руководство проявляет больший политический реализм, в частности, отказалось от идеи возврата к национальной валюте. Проведён «ребрендинг» партии: по результатам партийного референдума в июне название «Национальный фронт», напоминающее об экстремистских взглядах её создателя, заменено на «Национальное объединение». В целом руководство НО, вероятно, намерено трансформироваться в потенциально системное ультраправое политическое формирование. Подтверждением этому служит тот факт, что более $\frac{2}{3}$ сторонников «Республиканцев» разделяет взгляды бывших нацфронтистов. В том же направлении продвигается бывшая фронтистка, племянница М. Ле Пен – Марион Марешаль Ле Пен, решившая учредить частный вуз – «политическую академию», в которой будут получать образование молодые люди, вероятно, разделяющие взгляды его основательницы. Отмеченная тенденция, кстати сказать, выразилась в том, что племянница М. Ле Пен решила отказаться от фамилии Ле Пен, ограничившись лишь её первой половиной – Марешаль. Впрочем, дистанцирование племянницы от знаменитой тёти мо-

жет объясняться и тем, что в партии «Национальное объединение» не закончился кризис. Её численность за последний год сильно уменьшилась с 81 тыс. человек до примерно 30 тыс. Сложным остаётся и финансовое положение НО, особенно после того, как французская юстиция заморозила госсубсидии, полагающиеся партии, в размере 2 млн евро, а прокуратура выдвинула иски по нецелевому использованию предвыборных средств.

Вероятно, дальнейшая эволюция французского популизма во многом будет определяться итогами евровыборов 2019 г. Каковы перспективы «Национального объединения» и «Непокорённой Франции» на этом политическом соревновании? В качестве ответа можно воспользоваться результатами опроса социологической службы IPSOS/Sopra Steria, касающегося «Французских проблем 2018», по заказу газеты «Ле Монд», Фонда Жана Жореса и «Программы Виполь» Института политических наук (Сьянс По) в конце июня – начале июля 2018 г.⁶⁷

Многие аспекты общественного мнения, выявленные этим опросом, совпадают с идейно-политическими установками как НО, так и НФ, что подтверждает их адекватность реальности.

Так, позиции Ж.-Л. Меланшона, продвигающего свой главный тезис о необходимости перехода к VI Республике и совершенствованию французской демократии, подкрепляют данные о том, что демократическая система страны работает плохо. Левым популистам вполне созвучно мнение более 60% опрошенных о том, что для восстановления социальной справедливости нужно перераспределять доходы богатых в пользу бедных.

Характерно, что французское общественное мнение сохраняет в целом заметную долю евроскептицизма, что соответствует взглядам как НО, так и НФ. 52% опрошенных считает, что членство страны в ЕС лишь ухудшает положение во Франции (30% не согласны с такой оценкой) и критикуют социально-экономическую политику Брюсселя. Тем не менее, 58% респондентов благоприятно относятся в целом к Евросоюзу, однако недовольны его нынешним состоянием. Более 70% полагают, что необходимо оставаться в зоне евро. При этом 64% (а в 2016 г. 74%) выступали за усиление полномочий национального госу-

⁶⁷ Fractures françaises 2018.

дарства, а не ЕС, что можно считать своего рода поддержкой позиций суверенитистов.

«Национальному объединению» вполне соответствуют такие данные: более 80% французов выступают за сильную власть, способную навести порядок в стране, а почти половина высказывается за восстановление смертной казни. Те же 50% респондентов полагают, что Франции нужна защита от внешнего мира, тогда как 41% поддерживают идею открытости страны; 65-70% французов устали от иммиграции, не чувствуют себя как дома из-за наплыва иностранцев.

Несмотря на результаты опроса, отношение французов к крайне правым и крайне левым политическим силам остаётся весьма контрастным. В особенности это касается «Национального объединения». С одной стороны, эта партия уже стала «рукопожатной» – 47% французов считают её полезной, более трети полагают, что она близка их чаяниям, выдвигает реалистические предложения и способна управлять страной. С другой стороны, по-прежнему от 50 до 60% респондентов считают её опасной для демократии и ксенофобской.

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что французские популисты сохраняют свои позиции на политической сцене страны и даже могут развить свой успех. Так, согласно прогнозам того же исследования, по состоянию на июль 2018 г. лидером предстоящих общеевропейских выборов будут списки центристов – «Вперёд, Республика!» и МОДЕМ – 26% голосов. Второе место занимает НО – 18% голосов избирателей, опережая список «Республиканцев» (15%). Замыкает четвёрку «Непокорённая Франция» с 13% голосов. Таким образом, расклад политических сил, сложившийся после триумфальной победы неокентриста Макрона и его партии, сохраняется, также как и позиция крайне правых и левых популистов, которых поддерживает более 30% избирателей. Если к этим процентам добавить 7%, которые возможно наберёт «Вставай, Франция!» Дюпон-Эйняна, то это составит примерно 40% – немало!

Тем не менее, Франции не грозит итальянский сценарий. Призрак популизма, хотя и активно бродит по Франции, вряд ли сможет обосноваться в Елисейском и Бурбонском дворцах, пре-

жде всего потому что макроновский политический start-up в целом оказался удачным. Он объединил не только центр, но и немалую часть право- и лево-центристов, отодвинув на обочину социалистов и «республиканцев», не позволил развернуться во всю мощь и французским популистам. В целом успешный, хотя и противоречивый ход внутренних реформ Макрона, несмотря на недовольство отдельными шагами премьер-министра, а также его внешнеполитические инициативы, в особенности на европейском направлении, вероятно, обеспечат нынешнему президенту победу на евровыборах 2019 г., что, в свою очередь, зафиксирует расклад политических сил в стране на среднесрочную перспективу.

*Е.В. Ананьева**

ПАРТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СОЕДИНЁННОГО КОРОЛЕВСТВА: ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ. ЛЕЙБОРИСТЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВА?

Действующая в Британии мажоритарная система препятствует избранию в парламент малых партий. Следовательно, крупные партии представляют собой «зонтичные структуры», объединяющие разные политические позиции и идейные течения, а внутрипартийные разногласия редко выливаются в раскол. В этом контексте часто приводят негативный пример выхода из резко полевевшей Лейбористской партии (ЛПВ) части её правого крыла в 1981 г., которая образовала Социал-демократическую партию. Потерпев неудачи на парламентских выборах, она в 1988 г. влилась в Либеральную партию, которая ныне носит название Либеральной демократической партии (ПЛД). Последняя, войдя в коалиционное правительство Д. Кэмерона, дискредитировав себя соглашательством с тори, утратила репутацию в глазах электората. Тем примечательнее становится политическая судьба Партии независимости Соединённого Королевства (ПНСК).

* Ананьева Елена Владимировна, к.филос.н., руководитель Центра британских исследований ИЕ РАН.

Основанная в 1993 г., партия с самого начала стала «однопроблемной» и впоследствии «партией одного человека» – своего лидера Н. Фараджа. Цель ПНСК – выход Британии из Евросоюза, впоследствии подкреплённой протестом против миграции в страну мобильных граждан ЕС. В неё вошли некоторые члены Консервативной партии, недовольные «проевропейской» политикой тогдашнего руководства тори. ПНСК постепенно шла к успеху на выборах по пропорциональной системе – в Европейский парламент: с 1% в 1994 г. до 27,5% – в 2014 г., обходя ведущие Консервативную партию и ЛПВ. Неудивительно, что на выборах в национальный парламент (по мажоритарной системе) она, набирая голоса, неизменно проигрывала: от 0,3% в 1997 г. до 12,6% в 2015 г. (а это лишь 1 место в Вестминстере). Однако следует учесть, что оценки её популярности не следует ограничивать долей голосов. В Британии развито тактическое голосование: избиратель, осознавая бесперспективность на выборах партии своих предпочтений, голосует за близкую к ней «перспективную» партию. Таким образом, политическое влияние ПНСК выходило далеко за пределы, которые очерчивали непосредственные результаты выборов.

Данное обстоятельство, помимо давления евроскептиков заднескамеечников в собственной партии, вынудило премьер-министра Д. Кэмерона в январе 2013 г. обещать референдум о членстве Британии в ЕС в случае формирования однопартийного правительства тори после парламентских выборов 2015 г. Он руководствовался партийными интересами – сгладить острые разногласия в ней и не допустить перетока избирателей к партии Фараджа. Неожиданная победа тори, в результате которой было сформировано однопартийное правительство, заставила премьер-министра сдерживать обещание с известным результатом. Брекзит стал реальностью, Д. Кэмерон ушёл в отставку, а ПНСК, выполнив свою «историческую миссию», практически сошла с политической арены. Однако её роль оказалась весьма существенной: партия способствовала переводу «маргинальных» требований в «мейнстрим» британской политики.

Вместе с тем, перипетии брекзита в виде окончательного соглашения Британии с ЕС, ещё не окончены. Внутриполитиче-

ская ситуация волатильна, и не утихают требования провести повторный референдум уже по «делке» с ЕС. Вероятность «мягкого» брекзита, или «Брино» («Brexit in name only» – брекзит лишь по названию) может снова сплотить брекзитёров и может реанимировать ПНСК, а Н. Фарадж по-прежнему активен и вне партии.

Что касается ЛПВ, то, наученная опытом, она сохраняет устойчивое единство. Ошибочное, с точки зрения партийного строительства, решение изменить правила избрания лидера партии (при Эде Милибэнде, 2014 г.) вызвали в ней резкое размежевание между правой верхушкой партии и её левым низовым звеном. Собственно, партия по организационному признаку стала приближаться к движению как форме политической организации. Так, замысел Э. Милибэнда – разрешить голосовать сторонникам лейбористов из числа избирателей (то есть не-членам партии) за взнос в партийную кассу 3 ф.ст. – нацелен был на то, чтобы укрепить позиции правых на выборах лидера партии. Однако замысел обернулся массовым голосованием (200 тыс. избирателей) за представителя левого крыла Дж. Корбина в 2015 г. (59%). Его взгляды («слишком левые») не отвечают предпочтениям даже большей части избирателей лейбористов, не говоря уже об обществе в целом. Однако его человеческие качества – прямота, искренность, твёрдость убеждений – импонируют многим на фоне высокомерия (*posh*) и лицемерности – черты, которые отмечают в политических деятелях истеблишмента.

Правая по воззрениям парламентская фракция лейбористов в борьбе со своим лидером вылилась в вотум недоверия ему после референдума о членстве Британии в ЕС, что спровоцировало новые выборы лидера. Их Корбин выиграл с более значительным отрывом (61%) от соперника из правого крыла. Заместителю лидера партии Дж. Макдоннеллу пришлось даже призвать «не разрушать партию, лишь бы сместить Корбина»⁶⁸. Однако позиции Корбина резко укрепились после досрочных парламентских выборов 2017 г., на которых партия смогла увели-

⁶⁸ Stop destroying our party, John McDonnell says in plea to Labour supporters. 24.06.2016. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jul/24/john-mcdonnell-labour-stop-destroying-party>.

чить своё представительство на 30 человек, но парламентская фракция не смирилась.

Действительно, предвыборный манифест лейбористов⁶⁹ окрестили «волшебным денежным деревом». В нём предусматривалось повысить подоходный налог для 5% самых богатых, несколько повысить корпоративный налог, в течение 5 лет устранить дефицит госбюджета, национализировать железные дороги, водоснабжение, энергетические сети, почту; запретить добычу газа и нефти методом гидроразрыва и др.

В июле 2018 г. Дж. Корбин заявил, что ЛПВ вновь стала политической силой рабочего класса, хотя опросы указывают, что в этой социальной группе (C2DE⁷⁰) консерваторы более популярны, нежели лейбористы (48:37)⁷¹. Ведущий социолог Британии Дж. Кёртис полагает, что ЛПВ стала партией «социальных либералов», завоевав поддержку молодёжи, лиц с высшим образованием и свободных профессий, сторонников членства Британии в ЕС из среднего класса⁷². Тем не менее, разрыв в рейтингах ведущих партий остаётся в рамках статистической погрешности⁷³ с досрочных выборов 2017 г. За два года в качестве лидера партии Дж. Корбин серьёзно укрепил свои позиции⁷⁴. Так, опрос YouGov для «The Times» показал, что если в марте 2017 г. члены партии разделились поровну относительно оценки деятельности лидера, то через год положительную оценку высказали уже 80% респондентов. Доля тех, кто считал невероятным при-

⁶⁹ Labour Party Manifesto 2017. For the Many, Not the Few. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/labour-manifesto-2017.pdf>.

⁷⁰ C2DE: три нижние социальные группы – квалифицированные, полуквалифицированные, неквалифицированные работники физического труда, а также пенсионеры и безработные, получающие пособие.

⁷¹ Jeremy Corbyn brands Labour Party champion of working class despite plummeting popularity. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/983568/Jeremy-Corbyn-Labour-Party-working-class-champion-trade-unions-plummeting-popularity> (04.07.2018).

⁷² Labour is no longer the party of the working class. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4623456/John-Curtice-says-Labour-no-longer-party-working-class.html> (21.06.2018).

⁷³ Voting intention since 2010. URL: <http://ukpollingreport.co.uk/voting-intention-2>.

⁷⁴ Rodgers S. What we can learn from new polling of Labour members. URL: <https://labourlist.org/2018/03/what-we-can-learn-from-new-polling-of-labour-members/> (31.03.2018).

ход Дж. Корбина на пост премьер-министра снизилась с 62 до 29%, а 64% полагают вероятным, что он переедет на Даунинг-стрит, 10. Безусловно, подобное изменение следует отнести на счёт удачно проведённой Корбином предвыборной кампании в 2017 г. Реакцию Дж. Корбина на инцидент в Солсбери (провести расследование и только затем делать выводы) поддержали 69% респондентов.

Дж. Корбину с самого начала оказывает поддержку левая группа «Моментум», добившись заметных успехов в завоевании своего представительства в руководстве партией. Парламентская же фракция по-прежнему выступает против Корбина, угрожая уйти с постов в «теневом кабинете», о чём заявил и партийный организатор («кнут») Дж. Вудкок. «Умеренные» в парламентской фракции лейбористов готовы отказаться и от членства в партии, перейдя в статус независимых депутатов, лишь бы предотвратить вероятность прихода лидера своей же партии на должность премьер-министра. Подобная возможность не исключена, учитывая острые разногласия между брекзитёрами и бремейнерами в самой партии тори, грозящие вылиться в вотум доверия лидеру консерваторов Т. Мэй, возглавляющей правительство меньшинства.

В ЛПВ именно социальная группа, которую относят к рабочему классу (C2DE), активно поддерживает лидера. В Лондоне его качества как лидера оценивают несколько ниже, чем вне столицы (71:80). Его шансы занять пост премьер-министра считают более высокими в провинции, чем в Лондоне (64:57).

Недавние обвинения партии в антисемитизме лейбористы расценивают по-разному: 68% считают антисемитизм проблемой для партии, но доля тех, кто считает, что антисемитизм в ЛПВ выше, чем в других партиях, составляет 30% среди сторонников правого крыла, а среди сторонников Корбина – 4%. В целом 77% респондентов полагают, что обвинения преувеличены, чтобы подорвать позиции лично Корбина и всей ЛПВ.

Между тем, проблема глубже, чем отдельные высказывания отдельных людей. Как отмечал журнал «The New Statesman», партия дала повод обвинениям, взяв курс на антиэлитизм (что подразумевает отсылку к отдельным индивидам) и антиимпе-

риализм, не создавая позитивный образ социализма и не критикуя «капитализм как структуру» и систему, то есть обвиняя паразитирующий «1%» людей в «выкачивании соков» из реальной экономики. Отсюда и персонифицированная критика капитализма в духе вульгарного марксизма, и критика глобализма, также характерная и для правого популизма. Соответственно, считают в «The New Statesman», против Корбина и ЛПВ «каждую неделю будет появляться «письмо Зиновьева» до тех пор, пока рядовые избиратели лейбористов не разочаруются⁷⁵. Так, Корбина уже обвиняли в работе на «чешскую разведку» времён СССР, за позицию по «делу Скрипалей» – «предателем» и т.п. Распространено мнение, что в душе Корбин – противник членства Британии в ЕС, хотя он не занимает однозначную позицию, полагая, что Британия должна остаться в таможенном союзе, чтобы сохранить рабочие места. Он также склонен поддерживать «второй референдум» по окончательной сделке Британии с ЕС, который может вызвать ещё одни досрочные выборы. Правые в партии однозначно выступают за членство Британии в ЕС⁷⁶.

Лейбористская партия под руководством Корбина приобретает черты альтернативного левого популистского движения, в то время как правый популизм ПНСК в организационном плане практически исчез, а в идейно-политическом – в определённой степени стал заметен в Консервативной партии. Вместе с тем, в своей социальной политике тори пытаются перехватить у лейбористов инициативу – правительство готово в следующие 5 лет предоставить 20 млрд ф.ст. на здравоохранение и дополнительные ассигнования на жилищную программу.

В условиях выхода Британии из ЕС и серьёзных внутривнутрипартийных размежеваний, как и острого межпартийного противо-

⁷⁵ Mason P. How Labour can fight back against the British establishment's attempt to destroy it. 04.04.2018. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/uk/2018/04/how-labour-can-fight-back-against-british-establishment-s-attempt-destroy-it>; Bolton M., Harry Pitts F. To combat left anti-semitism, Corbynism must change the way it sees the world. 27.03.2018. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/uk/2018/03/combate-left-anti-semitism-corbynism-must-change-way-it-sees-world>.

⁷⁶ Brexit news: Jeremy Corbyn FINALLY comments on May's Soft Brexit. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/985386/Brexit-news-Labour-jeremy-corbyn-theres-may-soft-brexit-chequers> (07.07.2018).

стояния в политической жизни Великобритании продолжается период неопределенности.

*О.В. Охошин**

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ПОЗИЦИИ В УСЛОВИЯХ БРЕКЗИТА

Ещё весной 2017 г. премьер-министр Т. Мэй говорила о том, что отсутствие сделки с Евросоюзом относительно брекзита для Британии лучше, чем плохая сделка. Уже год не утихают дебаты относительно того, чем может обернуться для обеих сторон перспектива плохой сделки. Весной 2018 г. представители ЕС и британского правительства внесли определённую ясность в будущие последствия переходного периода, заключив ряд договорённостей, в том числе соглашение о правах граждан ЕС в Британии и подданных Соединённого Королевства в остальных странах ЕС.

Тем не менее, противники брекзита настаивают на том, что у обеих сторон просто не хватает времени, чтобы урегулировать все детали будущих отношений, как требуют условия Лиссабонского договора.

Пока британское правительство пытается предусмотреть все нюансы, которые могут сопутствовать разводу с Евросоюзом, в регионах набирают силу дебаты о самостоятельном курсе, который идёт вразрез с позицией Лондона. Первый министр Шотландии и лидер Шотландской национальной партии (ШНП) Никола Стерджен собирается провести повторный референдум о независимости. Она заявила, что определится с его датой, когда будут окончательно ясны условия выхода Великобритании из ЕС⁷⁷. Н. Стерджен остаётся самым принципиальным противником брекзита среди остальных руководителей регионов. Отста-

* Охошин Олег Валерьевич, к.и.н., н.с. Центра британских исследований ИЕ РАН.

⁷⁷ Sturgeon says Scots will look again at independence. The Financial Tribune. URL: <https://financialtribune.com/articles/international/86755/sturgeon-says-scots-will-look-again-at-independence> (28.06.2018).

ивая экономические интересы Шотландии, Первый министр выступает за сохранение членства в едином рынке ЕС даже после брекзита. Она указывает в качестве примера на Норвегию, которая не входит в состав ЕС, но входит в Европейскую экономическую зону.

Попытки давления на центральное правительство со стороны Стерджен выглядят неубедительно. Первый референдум о независимости Шотландии в 2014 г. хотя и был достаточно драматичным, но наглядно продемонстрировал, что большинство шотландцев вместо полной самостоятельности вполне устраивает опека Соединённого Королевства, и они не хотят нарушать его территориальную целостность.

Главным аргументом организовать новый референдум о независимости Шотландии стал отказ Лондона согласовывать с Эдинбургом выход Великобритании из состава ЕС. В этих условиях Николе Стерджен удалось в марте 2018 г. убедить шотландский парламент добиваться повторного референдума через полтора года. ШНП активно готовится к нему.

В мае 2018 г. ШНП опубликовала объёмный отчёт, в котором изложены перспективы Шотландии в случае обретения независимости. В нём содержатся рекомендации по целому ряду областей, включая банковское дело, иммиграцию и валюту. В то же время шотландские националисты не учитывают, что поддержка шотландской независимости среди местного населения со времени референдума 2014 г. снизилась и составляет 40%.

Н. Стерджен пытается как можно чаще напоминать своему электорату, что ШНП остаётся верна своим принципам и будет добиваться независимости региона. Однако отчётливо виден кризис доверия к Первому министру со стороны избирателей. Согласно опросам общественного мнения Ipsos/Mori, с осени 2017 г. рейтинг популярности Н. Стерджен снизился на 18 п.п.⁷⁸ Позиции самой ШНП к очередным парламентским выборам остаются прочными, но внутри партии может разгореться борьба за место лидера.

⁷⁸ Sturgeon rating slumps as voters reject SNP's record. The Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/sturgeon-rating-slumps-as-voters-reject-snps-record-3pzxz256c> (28.06.2018).

На инициативу Первого министра Шотландии обрушился с критикой лидер шотландских лейбористов Р. Леонард, обвинив её в «жестком национализме». Он заявил, что разделительная линия в Соединённом Королевстве проходит не через нации, а через богатых и бедных⁷⁹. Р. Леонард подчеркнул, что шотландским националистам следует больше времени уделять докладам Комиссии по устойчивому экономическому росту, которую они учредили для прогнозирования экономического будущего региона.

Повторный референдум о независимости должен пройти обязательную процедуру согласования с Лондоном, а Т. Мэй пока не спешит вести диалог с шотландскими националистами, чтобы не усложнять взаимоотношения с ЕС. Она заявила: «Сейчас не время для ещё одного несущего раздор референдума о независимости, и в нём нет нужды»⁸⁰.

Формально британское правительство не может отказать шотландцам в проведении референдума о независимости, потому что это условие записано в Акте о Шотландии 1998 г., но Консервативная партия может в принципе отказаться от обсуждения этого вопроса в Палате общин. Однако, скорее всего, так не будут поступать, дабы ШНП не смогла потом выдвинуть обвинение в ущемлении прав автономии Шотландии.

Окончательные условия брекзита не определены, но можно быть уверенным, что в любом случае они разочаруют Н. Стерджен и её партию. Страны ЕС не согласятся предоставить особые экономические привилегии отдельным регионам Великобритании, потому что это создаст дополнительные сложности в формировании новых торговых отношений и в обеспечении пограничного контроля. Если Шотландия захочет отделиться от Великобритании, то её придётся с нуля проходить процедуру вступления в ЕС.

В то же время в Соединённом Королевстве не утихают голо-

⁷⁹ Richard Leonard to attack «austerity economics of nationalism» in speech in Glasgow. Web-site Glasgow Life. URL: <https://www.glasgowlive.co.uk/news/glasgow-news/richard-leonard-attack-austerity-economics-14739536> (28.06.2018).

⁸⁰ Мэй даже слышать не хочет о референдуме в Шотландии. Информационное агентство «Новостной фронт». URL: <https://news-front.info/2018/05/22/mej-dazhe-slyshat-ne-hochet-o-referendume-v-shotlandii/> (28.06.2018).

са принципиальных противников брекзита, желающих повернуть процесс вспять. Чтобы заручиться дополнительной поддержкой, они делают ставку на региональные партии, в том числе на ШНП. В апреле 2018 г. лидер либерал-демократов В. Кейбл призвал Н. Стерджен поддержать свою кампанию за новый референдум по брекзиту. Он заявил, что общественность должна иметь возможность проголосовать по окончательному соглашению о выходе Великобритании из ЕС, отметив, что голоса шотландских националистов могут иметь весомое значение.

В любом случае вопрос отделения Шотландии от Великобритании представляется не таким серьёзным, как в 2014 г. ШНП постепенно будет терять своё влияние, о чём наглядно свидетельствует потеря почти половины мандатов на парламентских выборах 2017 г. Даже если сценарий Стерджен воплотится в жизнь, то, как будет развиваться экономика маленькой независимой Шотландии?

Неоднозначной остаётся ситуация в Северной Ирландии, поскольку вопрос о границе между ней и Республикой Ирландия не был окончательно решён на переговорах Британии с ЕС. Около 30 тыс. человек ежедневно пересекают эту границу без таможенных и паспортных проверок.

Британское правительство предполагает, что вдоль границы Северной Ирландии и Республики Ирландия для местных производителей может быть создана 16-километровая торговая буферная зона, которая устранил необходимость в пограничных контрольно-пропускных пунктах.

Однако этим планам противостоит Демократическая юнионистская партия (ДЮП), которая выступает против любых соглашений, предусматривающих для провинции правила, отличные от остальной части Соединённого Королевства. Лидер ДЮП Арлин Фостер заявила, что иначе юнионисты не станут поддерживать консерваторов в Вестминстере⁸¹.

Самым приемлемым сценарием для Северной Ирландии будет членство в едином европейском рынке, потому что это поз-

⁸¹ DUP would not back May if NI treated differently post-Brexit. The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/dup-would-not-back-may-if-ni-treated-differently-post-brexit-1.3518259> (28.06.2018).

волит ей так же свободно, как и раньше, торговать с соседней Республикой Ирландия. В случае если Великобритания выйдет из ЕС без этой договорённости, то ВВП Северной Ирландии снизится на 7%, а экспорт на 7,7%. В результате в регионе резко возрастёт безработица и социальная напряжённость⁸².

Чтобы отстоять свободные экономические границы региона ДЮП и Шинн Фейн, отодвинув на второй план свои разногласия, выступили единым блоком против правительства. Выглядит невероятным, что две ведущие региональные партии, которые больше года не могут договориться о восстановлении работы Стормонта, сейчас совместно решают пограничный вопрос. Если углубиться в их мотивацию, то становится понятным, что для ирландцев установление границы на их территории будет служить напоминанием о прошлых вооружённых конфликтах и станет дополнительным фактором напряжённости в регионе. Возмущение у обеих партий вызвал и тот факт, что центральное правительство не стало обсуждать с ними методы решения пограничного вопроса.

Очевидно, что именно вопрос о статусе Северной Ирландии сильнее всего ударит по договорённостям между Лондоном и Брюсселем, тем не менее, правительство Терезы Мэй как обычно посвящает в свои планы лидеров региональных партий в самый последний момент. Объяснение подобной линии поведения следует искать в том, что Брюссель требует от Мэй оперативного решения проблемы североирландской границы. Зная по собственному опыту, как долго обычно длятся переговоры с региональными партиями, премьер-министр решила снова действовать в обход их мнения.

Инициатива по созданию буферной зоны между Северной Ирландией и Республикой Ирландия не нашла поддержки не только у лидеров региональных партий, но и у ряда ведущих экономических экспертов. В частности, Дж. МакГрэйн, генеральный директор Торговой палаты Ирландии отклонил её, назвав

⁸² New report reveals negative impacts of Brexit on Irish economy in all scenarios. The Irish Examiner. URL: <https://www.irishexaminer.com/breakingnews/ireland/new-report-reveals-negative-impacts-of-brexit-on-irish-economy-in-all-scenarios-827891.html> (28.06.2018).

слишком абстрактной и неработоспособной⁸³.

Подводя итоги относительно позиций региональных партий Великобритании в свете брекзита, следует сказать, что изменилась не столько их система взглядов по этому вопросу, сколько решительность в давлении на Лондон. Эта тенденция стала закономерным следствием скрытной и осторожной политики консервативного правительства, которое не хочет привлечь лидеров региональных партий к обсуждению ключевых пунктов брекзита, опасаясь выдвижения новых требований с их стороны.

*М.О. Шибкова**

ИТАЛЬЯНСКИЕ ЕВРОСКЕПТИКИ: ПУТЬ ИЗ ОППОЗИЦИИ В МЭЙНСТРИМ

1 июня 2018 г. после 88 дней правительственного кризиса в Италии был утверждён состав нового кабинета министров. После объявления результатов выборов эксперты делали самые различные предположения о том, кто войдёт в правящую коалицию, поскольку очевидного победителя голосование итальянцев не выявило (32% у Движения «Пять звёзд» (ДПЗ), 37% – у правоцентристов, 23% – у левоцентристов). В итоге, несмотря на изначальную жёсткую взаимную критику, а также заверения Лиги (до 2017 г. Лига Севера) о нерушимости правоцентристской коалиции, в которую кроме неё входили «Вперёд, Италия» Сильвио Берускони и «Братья Италии» Джорджии Мелони, правящую коалицию составили евро-скептические партии – Лига и ДПЗ. Причём если для первой приход к власти не новшество, поскольку она неизменно была многолетним партнёром партии Берлускони в его правительствах, то в случае со второй партией, которую ещё три года назад никто в ЕС не рассматривал всерьёз, поставив на ней клеймо «популистов», участие в правительстве стало настоящей сенсацией.

⁸³ UK considering giving Northern Ireland joint UK, EU status – source. The Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-britain-nireland-brexite/uk-considering-giving-northern-ireland-joint-uk-eu-status-source-idUSKCN1IX3YA> (28.06.2018).

* Шибкова Мария Олеговна, аспирантка МГИМО (У) МИД.

Наиболее часто употребляют определения в отношении партий Лига и Движения «Пяти звёзд» «популистские» и «евроскептические». Между тем, если отвлечься от декларативных заявлений лидеров партий обратиться именно к политической практике, можно отметить, что их евроскептическая риторика с последних выборов в Европейский парламент в 2014 г. существенно смягчилась, что и позволило им привлечь электорат и добиться таких выдающихся результатов.

Евроскептицизм стал лейтмотивом предвыборных программ обеих партий к выборам 2014 г. в Европейский парламент. Лига характеризовала ЕС как «средневековую империю»⁸⁴ до вестфальского периода, при этом светская власть, или новая Священная Римская империя, находится в Брюсселе, а папский престол олицетворяет Европейский суд по правам человека, расположившийся в Страсбурге. Таким образом, положение дел свидетельствовало, по мнению партии, об очевидном дефиците демократии в ЕС. Устранить его предлагалось следующими мерами: выносить каждый договор ЕС на национальный референдум, наделить Европейский парламент полномочиями по изменению или отмене любого действующего европейского закона, а национальные парламенты – возможностью отклонить квалифицированным большинством законодательные акты ЕС. В программе содержался призыв к скорейшему выходу из зоны евро, так как отсутствие валютного суверенитета низводит государство до уровня «страны третьего мира, где правят “назначенцы”, призванные выполнять “домашнее задание” и выбранные за их способность проводить “реформы”»⁸⁵, сводимые, главным образом, к урезанию зарплат и социальных выплат. Отказ от евро виделся как первоочередной шаг на пути к независимости, и евроскептицизм Лиги в этот период имел все основания квалифицироваться как жёсткий.

Считая панацеей от всех бед введение прямой демократии, то есть принятия любых решений путём общенародных рефе-

⁸⁴ Elezioni Europee 25 maggio 2014. Programma Elettorale. URL: <http://new.leganord.org/phocadownload/elezioni/europee/Programma%20elettorale%20europee%202014.pdf> (05.05.2016).

⁸⁵ Ibid.

рендумов, Движение «Пять звёзд» не раз предлагало провести всеобщее голосование о членстве Италии в еврозоне, а в 2014 г. начался сбор подписей в поддержку этой инициативы. Сам основатель Движения Беппе Грилло намекал, что он выступает за возврат национальной валюты, так как без неё Италия лишена валютного суверенитета, не имея возможности использовать инструмент девальвации, чтобы повысить конкурентоспособность, к которому правительство не раз прибегало в периоды кризиса во времена хождения итальянской лиры. Кроме того, согласно позиции ДПЗ, именно Евросоюз с лидирующими позициями в нём Германии, которая навязывает остальным странам меры жёсткой экономии, стала причиной острого кризиса, больно ударившего по еврозоне в целом и по Италии в частности.

Перед выборами в Европейский парламент 2014 г. ДПЗ действительно критиковало институты ЕС и «превратило вопрос о проведении в Италии референдума о членстве в еврозоне в основной компонент своей кампании»⁸⁶. На первый взгляд может показаться, что партия также проявляла максимально нетерпимое отношение к ЕС, однако, в отличие от Лиги любая критика с её стороны в адрес ЕС была производной критики национального правительства. Говоря в целом, итальянская политическая верхушка, как считает ДПЗ, не способна использовать членство в ЕС и его институтах с выгодой для национальных интересов. В свою очередь, итальянские чиновники в Европейском союзе – это «неудавшиеся политики, за которых не проголосовал их же народ и которые теперь убеждают итальянцев в правильности решений ЕС, которые сам итальянский народ никогда бы не принял»⁸⁷.

При общности взглядов на ЕС Лига и ДПЗ в Европарламенте стали членами разных фракций: ЛС – «Европы наций и свобод» под руководством М. Ле Пен, а ДПЗ – «Европы за свободу и прямую демократию» во главе с Н. Фараджем соответственно. Невзирая на то, что в обеих фракциях евроскептицизм

⁸⁶ Brack N., Startin N. Introduction: Euroscepticism, from the Margins to the Mainstream. *International Political Science Review*. 2015. Vol. 36. №3. P. 244.

⁸⁷ Corbetta P., Vignati R. The Five Star Movement and Europe. *The International Spectator*. 2014. Vol. 49. №1 . P. 56.

был основной идеологической установкой, итальянцы зачастую отходили от принципа партийной солидарности и голосовали по своему усмотрению. В связи с тем, что ДПЗ предпочло придерживаться собственной стратегии, в некоторых случаях, как указывают исследователи, скорее, близкой к «проевропейским» силам, чем к собственной фракции⁸⁸, «Европа за свободу и прямую демократию» стала самой разрозненной партией Европарламента с индексом сплочённости 51,1%, тогда как у «Европейской народной партии» этот показатель составляет 95%, у «Прогрессивного альянса социалистов и демократов» – 90%, у «Европейских консерваторов и реформистов» – 76,7%⁸⁹. Похожая ситуация наблюдается и в «Европе наций и свобод». Лига далеко не во всех случаях движется в фарватере фракционной политики. Об этом свидетельствует также довольно низкий показатель индекса сплочённости, составляющий 69%⁹⁰.

В голосованиях итальянских евроскептиков по резолюциям ЕС можно отметить одну закономерность: в отличие от французского Народного фронта и британской Партии независимости Соединённого Королевства, они голосуют только против тех решений ЕС, которые не приносят выгоду Италии, в противном же случае евроскептицизм отодвигается на второй план и партии занимают проевропейские позиции. Так, например, Лига и ДПЗ охотно поддерживают выделение Италии средств из Фонда сплочения и Фонда адаптации к глобализации, вместе с тем критикуют раздутый бюджет ЕС и чрезмерные затраты союза. Они осуждают санкции, наложенные на Польшу и Венгрию, как вмешательство в суверенные дела государства, но одновременно приветствуют участие ЕС в координации антитеррористических мер стран-членов. В этой связи можно сказать, что евро-

⁸⁸ Franzosi P., Marone F., Salvati E. Populism and Euroscepticism in the Italian Five Star Movement. *The International Spectator*. 2015. Vol. 50. №2. P. 120.

⁸⁹ Индекс сплочённости для каждой европейской партии рассчитывает ресурс VoteWatch Europe в два этапа: сначала вычисляют «индекс согласия» для каждого голосования по формуле Хиска-Ноури-Роланда, а затем выводят его среднее арифметическое, что и является индексом солидарности.

⁹⁰ One year of Far-Right Group in the EP: High Participation, Low Success Rate in Shaping EU Policies. VoteWatch Europe. URL: <http://www.votewatch.eu/blog/one-year-of-far-right-group-in-the-ep-high-participation-low-success-rate-in-shaping-eu-policies/> (25.04.2018).

скептицизм в итальянском варианте непоследователен и носит подчас прагматичный инструментальный характер.

Ещё бóльшая степень условности национального варианта евроскептицизма стала очевидна в ходе подготовки к выборам в Национальный парламент 2018 г. Идея скорейшего отказа от членства в еврозоне, которую настойчиво продвигала Лига, перестала быть краеугольным камнем её программы. В начале 2017 г. партия выдвинула кардинально новое предложение, призванное оздоровить итальянскую экономику, не выходя из зоны евро. Речь идёт о т.н. «миниботах»⁹¹ – краткосрочных беспроцентных ценных бумагах, которые будут выполнять роль дополнительной национальной валюты, похожей внешне на банкноты евро и циркулирующей в стране наравне с ними.

Суть нововведения заключается в том, что миниботы, будучи фактически фискальными деньгами, будут выплачивать юридическим и физическим лицам, имеющим право на налоговые льготы. Каждому человеку или предприятию в зависимости от величины полагающейся ему фискальной льготы будет эмитировано соответствующее количество банкнот фискальной валюты. Таким образом, неликвидный долг государства перед гражданами и бизнесом превратится в готовое к немедленному запуску в обращение средство оплаты.

Такой разворот стратегии представителя Лиги старательно выставляли как подготовительную стадию выхода из еврозоны, настаивая таким образом на последовательности своей политической программы и приверженности заявленным долгосрочным целям. Тем не менее, с первых лозунгов «Хватит евро!» (*Vasta euro*) в 2013 г. положение партии на внутривнутриполитической арене изменилось. Если раньше партия преследовала цель поднять протестную волну против правительства М. Ренци и использовала для этого весь свой арсенал, в том числе и антиевровскую риторику, то в период предвыборной кампании от партии ждали конкретных предложений. Таким образом, отказ от выхода из еврозоны и идея введения дополнительной валюты иллюстрировали способность партии «формулировать решения

⁹¹ Название произошло от итальянского «ВОТ» – аббревиатура «*Buoni Ordinari del Tesoro*» (Государственные краткосрочные обязательства).

в рамках допустимых институциональных границ»⁹². В самой предвыборной программе правоцентристской коалиции, с которой вышла на выборы Лига, отмечается недопустимость политики мер жёсткой экономии, однако нет ни слова ни о выходе из еврозоны, ни, тем более, из ЕС.

Претерпели существенную эволюцию и евроскептические установки Движения «Пять звёзд». Преемник Б. Грилло, лидер партии Л. ди Майо заявил, что партия не настроена против Евросоюза в целом, хотя и считает, что некоторые коммунитарные договоры, среди которых и Европейский бюджетный пакт, подлежат пересмотру. Что касается выхода из еврозоны, то подобная исключительно крайняя мера может быть предпринята только в случае, если требования Италии о более справедливой денежной политике ЕС не будут услышаны. Возвращаясь к вопросу референдума, который так настойчиво пропагандирует партия со своего основания, кандидат на пост премьер-министра заявил, что ДПЗ «преследовало цель разжечь дискуссию, и именно для этого нужна была тема референдума по евро как условие переговоров»⁹³. Таким образом, была фактически подтверждена гибкость политической программы ДПЗ, отсутствие её привязки к некогда ключевому вопросу повестки дня – выходу из еврозоны – и готовность партии продвигаться на политической арене без этого радикального требования.

Чем можно объяснить такую трансформацию повестки дня евроскептических партий? Прежде всего, изменением политического контекста в целом. По итогам выборов в Европейский парламент в 2014 г. эксперты высказывали мнение о том, что «евроскептицизм стал основой для программы ряда политических партий, получивших весомую поддержку населения»⁹⁴ и предупреждали о возможном переходе евроскептицизма с над-

⁹² Caiani M., Conti N. In the Name of the People: The Euroscepticism of the Italian Radical Right. Perspectives on European Politics and Society. 2014. Vol. 15. №2. P. 189.

⁹³ Di Maio a Cernobbio, Vogliamo un'Italia Smart nation. No all'uscita dall'euro. Il Sole 24 Ore. 03.09.2017. URL: <http://www.ilsole24ore.com/art/notizie/2017-09-03/di-maio-cernobbio-vogliamo-italia-smart-nation--102342.shtml?uuid=AEzXvuMC> (01.06.2018/)

⁹⁴ Шибкова М.О. Идеологический и стратегический евроскептицизм в политической жизни Евросоюза. Сравнительная политика, №4, 2016. Т.7. С. 14.

национального уровня на национальный. Выборы во Франции, Нидерландах и Германии не подтвердили этих опасений, так как, несмотря на заметную роль евроскептиков в политической жизни этих стран, власть в них удержали традиционные силы. Единственной партией, достигшей успеха и выполнившей свои предвыборные обещания, стала Партия независимости Соединённого Королевства, однако ситуация, развернувшаяся вокруг брексита, далека от определённости, что грозит Великобритании ростом безработицы, падением курса фунта стерлингов, крахом лондонской биржи, сокращением ВВП, снижением экспорта. Таким образом, реальность оказалась гораздо прозаичнее, чем красочные обещания британских евроскептиков. Эту тенденцию в своё время почувствовала и Марин Ле Пен – некогда одна из самых жёстких националистов в ЕС – когда заявила накануне второго тура президентских выборов о том, что «с выходом из еврозоны можно подождать»⁹⁵.

Не могли не почувствовать изменение этих условий и итальянские евроскептики. Накануне выборов в Европейский парламент в 2014 г. на пике популярности евроскептицизма основной проблемой была Греция. Сейчас количество острых проблем увеличилось: к ним добавились обеспечение безопасности, миграционные сюжеты, исламский терроризм. По данным опросов общественного мнения, экономический кризис по-прежнему вызывает у итальянцев самую большую обеспокоенность (40%) по сравнению с иммиграцией – (24%) и исламским терроризмом – (24%)⁹⁶. Более того, выход из зоны евро влечёт ещё большую неопределённость, которая пугает как граждан, так и бизнес. При вероятности войти в правительственное большинство итальянские евроскептики ставили перед собой задачу создать более внятную и, что немаловажно, реалистичную программу, до-

⁹⁵ Le Pen Fa un Passo Indietro: «L'uscita dall'Euro Può Attendere». Il Sole 24 Ore. 29.04.2017. URL: <http://www.ilsole24ore.com/art/mondo/2017-04-29/le-pen-fa-passo-indietro-l-uscita-dall-euro-puo-attendere-123439.shtml?uid=AEv3utDB> (21.01.2018).

⁹⁶ Cosa preoccupa gli italiani. Rilevazione ISPI/RaiNews realizzata da IPSOS. Istituto per gli Studi di Politica Internazionale. URL: <http://www.ispionline.it/it/publicazione/cosa-preoccupa-gli-italiani-rilevazione-ispirainewsrealizzata-da-ipsos-17817> (11.04.2018).

стойную правительственного мэйнстрима, что им удалось.

В целом, судя по переговорам, содержанию правительственного контракта партий и фигурам министров, есть все основания полагать, что евроскептицизм был лишь способом отличиться от правившей Демократической партии, добиться расположения электората и вырваться из оппозиции в мэйнстрим, но он не станет центральной установкой политического курса нового правительства.

*А.В. Авилова**

ИТАЛИЯ: ПЕРВАЯ КРУПНАЯ ПОБЕДА ЕВРОПЕЙСКИХ ПОПУЛИСТОВ

Парламентские выборы 4 марта 2018 г. привели к власти в Италии первое в Западной Европе правительство, образованное «еврокритиками» – национал-популистской Лигой (бывшая Лига Севера) под руководством М. Сальвини и антисистемным Движением «Пять звёзд» (ДПЗ) во главе с Л. Ди Майо. Оба лидера заняли посты вице-премьеров. Первый также стал главой МИД, второй – возглавил «суперминистерство» экономического развития и труда. Немногочисленным технократам – премьер-министру Дж. Конте, министру иностранных дел Э. Моаверо Миланези, министру экономики Дж. Триа – отведена функция связующих звеньев с европейскими партнёрами, которые испытывают определённое беспокойство по поводу соблюдения Италией общего для ЕС политического курса.

Популистский сдвиг назревал в Италии с прошлого выборного цикла. Победа ДПЗ на парламентских выборах 2013 г. (25% голосов), одержанная под лозунгом отстранения от власти прежнего политического руководства («Всех по домам!»), стала только первым его проявлением. Поворот был подготовлен ростом недовольства структурными реформами, которые в условиях затянувшейся экономической депрессии стремилось проводить под давлением ЕС левоцентристское правительство. Свою

* Авилова Агнесса Викторовна, к.э.н., в.н.с. НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

роль сыграла и всё более неустойчивая внутривластная ситуация. В ходе региональных выборов 2016–2017 гг. правительство постепенно теряло поддержку, уступая оппозиции управление крупнейшими городами, в том числе и столицей. Ключевым моментом стал проигранный М. Ренци конституционный референдум 4 декабря 2017 г., приведший к его отставке. Парламентские выборы 2018 г. ознаменовались не только историческим минимумом электоральной поддержки левого центра и, прежде всего, самой Демократической партии (ДП), но и превращением популистской Лиги в лидера правоцентристского лагеря, а ДПЗ – в первую по влиянию политическую силу Италии.

Политическая география страны претерпела серьёзные изменения. Почти весь Север проголосовал за правоцентристов, почти весь Юг – за ДПЗ. В Центральной Италии резко сократилась так называемая «красная зона» – ранее симпатизировавшие ДПЗ области Эмилия–Романья, Тоскана Умбрия и Марке, оплотом левых осталась только Тоскана⁹⁷. Характерно, что Лига победила почти во всех промышленных округах Севера с определённой производственной специализацией (машиностроение, текстильная промышленность), всегда составлявших основу экономики и экспортную базу Италии. Сильнее всего Лига продвинулась в населённых пунктах с численностью жителей более 300 тыс. В крупных городах Севера по-разному голосовали центральные и периферийные районы: первые в большей мере, чем в среднем по стране, поддержали левых центристов, вторые отдали большее предпочтение Лиге и ДПЗ.

Опрос специализированных агентств Quorum и You trend в

⁹⁷ Лига (при общем показателе в 17,4% голосов) получила 33% в Венето, 29% в Ломбардии, 24% в Пьемонте; в 20 избирательных округах Севера она набрала абсолютное большинство голосов. В Центральной Италии её поддержка по сравнению с выборами 2013 г. увеличилась с 1 до 17% (в том числе до 20% в Эмилии-Романье, 18% в Тоскане). Даже на Юге, где её присутствие было незначительным (0,2%), прирост был заметен – 6%. ДПЗ (32,7% голосов) победила на Юге в 70 из 73 избирательных округов, получив абсолютное большинство в 22 округах. Левый центр сумел одержать победу только в 16 из 40 округов Центральной Италии; в Эмилии Романье ДП потеряла 35% голосов по сравнению с 2013 г. (Здесь и ниже – данные из: Cavallaro, Diamanti G., Pregliasco L. Una nuova Italia. Dalla comunicazione ai risultati, un'analisi delle elezioni del 4 marzo. Roma, 2018. P. 80-111).

последнюю предвыборную неделю⁹⁸ даёт представление о составе и различиях электората Лиги и ДПЗ. Одна из главных тенденций этих выборов – массовая поддержка ДПЗ молодыми избирателями. При среднем показателе 32,7%, в возрастной группе 18-24 года за ДПЗ голосовал 41%, в группе 25-34 года (а также 45-54 года) – 38%. Лига имеет более возрастной электорат: при 17,4% общей доли голосов, в группе 55-64 года её поддержали 22%. По уровню образования электорат Лиги и ДПЗ также заметно различается, в пользу ДПЗ:

	ДПЗ	Лига
Процент полученных голосов	32,7%	17,4%
Среди лиц, имеющих высшее образование	36,0%	15,6%
полное среднее	23,0%	13,2%
неполное среднее и начальное	32,8%	19,6%

Массовую социальную базу Лиги на Севере формируют мелкие предприниматели, ремесленники и наёмные работники малых предприятий. На этих выборах Лига добилась капиллярного проникновения в среду наёмного труда как в государственном, так и в частном секторе. ДПЗ пользуется поддержкой более 20% электората всех социальных категорий, кроме пенсионеров, и около 30% – студентов и наёмных работников частного сектора, а также безработных. Его поддержка возросла почти во всех слоях населения.

Опрос показывает максимальное сходство позиций электората Лиги и ДПЗ в отношении наиболее острых социальных проблем. Общий вектор этих настроений – стремление к разрыву с политикой реформ, которые проводило предыдущее правительство «по настоянию Брюсселя» и «в интересах давосских глобалистов». Так, за отмену повышения пенсионного возраста, введённого правительством М. Монти в кризисном 2012 г., высказалось 76% сторонников Лиги и 86% – ДПЗ. Полностью поддерживают снижение «расходов на политику» и ликвидацию привилегий соответственно 92 и 94%, абсолютное большинство выступает за бесплатное высшее образование для всех (69% и 76%). Достаточно близки и позиции по отношению к «Евро-

⁹⁸ Выборка – 3240 чел., разбивка по полу, возрасту, месту жительства, уровню образования и роду занятий; статистическая погрешность – 1,4%. Ibid. P. 107.

пе», хотя в этом вопросе популистский электорат проявляет определённую умеренность. Выход из еврозоны считают допустимым только 40% респондентов, в то время как 42% голосовавших за Лигу и 47% – за ДПЗ полагают, что для страны это стало бы катастрофой. Желание большей независимости Италии от экономического курса ЕС («вернуть суверенитет») высказали 65% сторонников Лиги и 60% – ДПЗ.

По двум другим главным проблемам предвыборной кампании, иммиграционной политике и введении плоской шкалы налогообложения, позиции электората Лиги и ДПЗ заметно расходятся. Эти темы более важны для Лиги, чем для ДПЗ. Негативное отношение к иммигрантам характерно для 70% избирателей Лиги и менее чем для 50% - ДПЗ. Плоскую шкалу налогообложения поддерживают 70% избирателей Лиги и не более 40% – ДПЗ. Здесь заложено зерно возможных разногласий между М. Сальвини и Л. Ди Майо, которым неизбежно придётся соперничать при изыскании ресурсов для выполнения своих предвыборных обещаний.

Главные из этих обещаний, зафиксированные в межпартийном соглашении из 30 пунктов, которое считается правительственной программой действий, следующие.

Реформа пенсионной системы: вместо повышения пенсионного возраста – введение «квоты 100» (суммирование возраста и пенсионного стажа: например, уход на пенсию в возрасте 60 лет при 40 годах уплаченных взносов). Повышение минимальных пенсий до 780 евро, сокращение «золотых» (свыше 5 тыс. евро), что характерно для чиновников.

Реформа налогообложения (под лозунгом Лиги «платите меньше, но платите все»): введение плоской шкалы с двумя ставками (15 и 20%) для физических и юридических лиц, чтобы повысить потребительский спрос и противодействовать уклонению от налогов.

Введение с 2020 г. «дохода от гражданства» (главное предвыборное обещание ДПЗ): ежемесячная выплата 780 евро, сроком до двух лет, безработным и пожилым людям с низким доходом. Бенефициар должен искать работу и может не более трёх раз отказаться от места, предлагаемого Центром занятости.

Резкое ужесточение иммиграционной политики: экстрадиция нелегальных мигрантов, закрытие неразрешённых мечетей и цыганских лагерей, немедленная высылка беженца за совершённое им преступление. Отказ от Дублинского протокола, установившего правило рассмотрения просьбы об убежище в той стране, которая первой приняла иммигранта.

Институты: сокращение численности депутатов с 630 до 400, сенаторов – с 318 до 200. Избрание всех прямым голосованием, запрещение менять политическую группу в течение срока действия мандата. Осуждённые за коррупцию или за тяжкие преступления (а также масоны) не смогут становиться членами правительства.

Внешняя политика: «приоритет национального интереса и принцип невмешательства во внутренние дела других стран». Подтверждение принадлежности Италии к НАТО и роли США как главного стратегического партнёра. Отмена санкций ЕС против России, которую считают «торговым и экономическим партнёром первого плана». В соглашении нет тезиса о возможном выходе Италии из ЕС, незадолго до выборов исчезнувшего из программ ДПЗ и Лиги.

Главное уязвимое место программы – её стоимость, которую эксперты оценивают в более чем 100 млрд евро. Правительство рассчитывает на ускорение роста экономики благодаря новой налоговой политике и повышению покупательной способности населения, особенно на Юге. Проблема в том, как согласовать эту «политику перемен» с бюджетной дисциплиной ЕС и с наличием у страны огромного государственного долга (132% ВВП). Стратегия Италии будет заключаться в поиске «новых пространств гибкости» через переговоры с партнёрами, а также в содействии пересмотру европейских институтов в части, касающейся финансовой политики.

Сложная диалектика предстоящих взаимоотношений Италии и ЕС, а также внутренняя противоречивость её нового политического руководства (интересы социальных слоёв, поддерживающих Лигу и ДПЗ, во многом различны или противоположны, а между лидерами наблюдается явное соперничество), не обещают спокойной жизни Аппенинскому государству, поэто-

му вполне объясним тот особый интерес к первому в Западной Европе крупному популистскому эксперименту, который, безусловно, проявят сподвижники Италии по Евросоюзу.

*П.П. Яковлев**

ИСПАНИЯ: СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ

25 мая 2018 г. генеральный секретарь Испанской социалистической рабочей партии (ИСПР) П. Санчес внёс в нижнюю палату испанского парламента – Кортесы – вотум недоверия председателю правительства, лидеру Народной партии (НП) М. Рахоя. Используя в качестве предлога приговор суда по громкому коррупционному делу, в котором оказались замешены высокопоставленные члены НП, и опираясь на широкое недовольство правительством (в частности, в связи с событиями в Каталонии), руководителю социалистов удалось обеспечить необходимое большинство депутатских голосов и добиться ухода М. Рахоя в отставку. В результате уже 2 июня П. Санчес принёс присягу в качестве нового главы правительства Испании и заявил о решимости проводить курс, во многом альтернативный правоцентристской политике М. Рахоя⁹⁹.

* * *

Беспрецедентно поспешная (в течение 10 дней, которые «потрясли Испанию») и для подавляющего большинства политиков, экспертов и рядовых граждан неожиданная «смена политического караула» в Мадриде произвела эффект разорвавшейся бомбы и в новой плоскости поставила целый ряд вопросов о положении дел в испанском государстве и стратегических перспективах общественного развития страны.

Реакция ряда СМИ и многих представителей испанского истеблишмента на победу П. Санчеса была на грани истерики. Утверждалось, что Испания утратит стабильность, с трудом обре-

* Яковлев Пётр Павлович, д.э.н., рук. Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

⁹⁹ Яковлев П.П. Испания: посткризисная модель развития. Мировая экономика и международные отношения. М., 2015. №10. С. 32–47.

тённую после кризисных потрясений 2008–2009 гг., что страна лишится управляемости и окажется на краю бездны.

Следует подчеркнуть, что политические события в Испании органично вписываются в европейские тренды и в картину меняющегося глобального порядка. Брекзит, избрание Д. Трампа, подъём популистской волны, раздувание тлеющих очагов сепаратизма, смена власти в Италии – всё это звенья одной длинной цепи перемен, прокладывающих себе дорогу на политической карте Европы и мира.

По сути, отстранение М. Рахоя от власти стало кульминацией институционального кризиса, старт которому был дан в декабре 2015 г., когда итоги очередных всеобщих выборов зафиксировали конец испанского бипартизма. Напомню, что тогда доминировавшие в течение десятилетий социалисты и «народники» получили 213 депутатских мест, потеряв по сравнению с 2011 г. 83 мандата, а по сравнению с 2008 г. – 110. Именно в декабре 2015 г. в полный голос заявили о себе новые политические силы – партии Подемос (Podemos – «Мы можем») и «Граждане» (Ciudadanos), получившие в совокупности 109 мест в конгрессе депутатов. В Испании начался отсчёт нового политического времени, поскольку образовались альтернативы двум ведущим партиям, и межпартийная борьба стала более сложной.

История демократической Испании знает четыре попытки вынесения вотума недоверия действующему главе правительства, чтобы сместить его. Первую предпринял 21 мая 1980 г. лидер социалистов Ф. Гонсалес в отношении А. Суареса, но не получил необходимой поддержки. Вторая состоялась 23 марта 1987 г. уже против самого Ф. Гонсалеса, но также провалилась. 27 апреля 2017 г. лидер Подемос П. Иглесиас инициировал вынесение вотума недоверия М. Рахою, но и в этом случае потерпел неудачу: парламент выразил ему доверие. В результате «удалить с политического олимпа» лидера «народников» удалось социалистам, которые таким образом добились реванша за сокрушительное поражение на выборах в 2011 г.¹⁰⁰

Сам факт стремительного восхождения П. Санчеса на вер-

¹⁰⁰ Яковлев П.П. Испания: вызовы и риски нового политического цикла. М., 2012. ИЛА РАН. С. 19-21.

шину власти производит сильное впечатление и характеризует 46-летнего социалиста с фундаментальным экономическим образованием как настоящее «политическое животное» новой формации. В самом деле, став генеральным секретарём ИСРП в июле 2014 г., он уже в сентябре 2016 г. был технически смещён с этого поста другими влиятельными членами партии, недовольными её электоральными результатами. Однако П. Санчес не сложил оружия и в мае 2017 г. вернул себе пост генсека, уверенно победив на внутривыборных выборах противников из правого крыла ИСРП. Впрочем, его шансы возглавить правительство оставались весьма призрачными по трём основным причинам. Во-первых, социалисты понесли тяжёлые политические (и имиджевые) потери и сократили своё представительство в конгрессе со 110 депутатов в 2011 г. до 84 в настоящее время. Во-вторых, сравнительно динамичный рост испанской экономики на выходе из кризиса играл на руку М. Рахою, позволяя использовать этот фактор в политических целях. В-третьих, наблюдалось поступательное укрепление позиций «Граждане», начинающей претендовать на роль главной общенациональной политической силы.

Всё это несколько не смутило лидера социалистов, сумевшего без промедления воспользоваться сложившейся вокруг НП неблагоприятной ситуацией. 24 мая 2018 г. последовало судебное решение по самому громкому коррупционному делу последнего десятилетия – так называемому «делу Гюртель» (caso Gürtel), в котором были замешаны многие видные «народники». Десятки обвиняемых получили тюремные сроки, а сама партия (как бенефициар преступления) была оштрафована почти на 250 тыс. евро¹⁰¹. Самому М. Рахою долгое время удавалось дистанцироваться от скандала, но, в конце концов, выяснилось, что он был в курсе финансовых махинаций. Сразу же по оглашению приговора П. Санчес перешёл в атаку и поставил вопрос о вотуме недоверия правительству НП. Далее события развивались со скоростью локомотива: социалистам удалось перетянуть на свою сторону большинство депутатов – решающей оказалась поддер-

¹⁰¹ Consulta un resumen oficial de la sentencia del caso Gürtel. El País. Madrid, 25.05.2018.

жка со стороны радикально левой Юнидос Подемос (Unidos Podemos). Главное – националисты и сепаратисты, поддержав инициативу лидера соцпартии, «свергли» центральное правительство Испании.

1 июня состоялось голосование, в ходе которого 180 депутатов выразили недоверие, 169 – поддержали правительство, один – воздержался (см. таблицу). М. Рахой ушёл в отставку, а П. Санчес 2 июня принёс присягу королю Филипе VI в качестве нового главы исполнительной власти.

Результаты голосования по вотуму недоверия правительству М. Рахой

За		Против		Воздержались	
Партия	Голоса	Партия	Голоса	Партия	Голоса
PSOE	84	PP	134	Coalición Canaria	1
Unidos Podemos	67	Ciudadanos	32	-	-
ERC	9	UPN	2	-	-
PDeCAT	8	Foro Asturias	1	-	-
PNV	5	-	-	-	-
Compromis	4	-	-	-	-
EH Bildu	2	-	-	-	-
Nueva Canarias	1	-	-	-	-
Всего	180	Всего	169	Всего	1

Источник: Congreso de los Diputados. URL: <http://www.congreso.es/>

Придя к власти, П. Санчес подчеркнул, что он сознаёт возложенную не него ответственность и понимает сложность ситуации, в которой находится страна, нуждающаяся «в изменениях и модернизации». Особое внимание новый председатель правительства обещал уделить решению социальных проблем, в частности, созданию значительного количества рабочих мест. П. Санчес отверг идею формирования коалиционного кабинета, отметив, что его правительство будет «социалистическим, однопартийным, евроориентированным», действующим в рамках конституции и способным гарантировать стабильность и выполнение всех внутренних и внешних государственных обязательств¹⁰².

Какие можно сделать выводы?

Как уже отмечалось, непосредственным поводом смещения

¹⁰² Pedro Sánchez, presidente. URL: www.psoe.es/actualidad/noticias-actualidad/pedro-sanchez-presidente/ (18.06.2018).

М. Рахоя стал коррупционный скандал. По большому политическому счёту, отстранение НП от власти было обусловлено рядом веских причин. Среди них: стратегия выхода из кризиса с помощью так называемого бюджетного аскетизма и снижения реальных доходов населения; неспособность дать адекватные ответы на новые вызовы (стремление граждан к равенству и национальной идентичности, дискредитация либерально-демократических порядков, кризис институтов власти и т.д.). «Народники» не нашли общий язык с миллионами недовольных и «рассерженных» граждан и утратили значительную часть электората.

Социалисты должны будут решить задачу политической квадратуры круга: не оттолкнуть от себя те силы, которые их поддерживали, и в то же время приступить к структурным реформам, для чего необходимо преградить путь популизму. Как этого добиться, пока не вполне понятно.

Главный вызов перед правительством ИСРП – разрубить «гордиев узел» конфликта между Мадридом и Барселоной и найти выход из острейшего институционального кризиса, в который ввергли Испанию авантюристические действия каталонских сепаратистов и неудачная политика М. Рахоя, не сумевшего сыграть на опережение и предотвратить лобовое столкновение центральной власти со сторонниками независимости Каталонии.

Знаковым совпадением стал тот факт, что одновременно с приходом к власти ИСРП 2 июня 2018 г. в каталонской столице принёс присягу новый глава региона Жоаким (Ким) Торра, завершив тем самым период прямого управления Каталонией из Мадрида.

П. Санчес выразил готовность встретиться с К. Торрой и вступить с ним в диалог в рамках действующей испанской конституции. Лидер социалистов считает Испанию многонациональной страной, но не признаёт за автономиями право на государственный суверенитет. В руководстве ИСРП подчёркивают, что только путём прямого политического диалога можно продвигаться в решении проблем между Мадридом и Барселоной. В этом, подчёркивают социалисты, отличие их подхода от позиции М. Рахоя, который «прикрывался юридическими нормами» и избегал непосредственных переговоров с сепаратистами. В

отношениях Мадрида с руководством Каталонии сложность положения в том, как отмечалось в редакционной статье газеты «El Mundo», что «Пучдемон, Торра и их сподвижники стремятся не к реставрации государства, а к его разрушению»¹⁰³.

Таким образом, перед правительством социалистов стоят различные задачи, не имеющие скорого и простого решения. Всё это чрезвычайно осложняет проведение в жизнь альтернативного политического курса.

*Ю.Д. Квашнин**

ГРЕЦИЯ: НАЗАД В ПРОШЛОЕ?

В результате многолетнего системного кризиса (финансового, экономического, социального, политического, миграционного), последствия которого не преодолены до сих пор, политический ландшафт в Греции изменился до неузнаваемости. Выборы 2012 г., в результате которых в парламент прошли сразу семь партий, положили конец существовавшей с 1974 г. партийно-политической системе, где доминировали две партии – Всегреческого социалистического движения (ПАСОК) и правоконсервативной «Новой демократии». Они поочередно сменяли друг друга у власти. В 2015 г. дальнейшая радикализация общественных настроений привела к победе левой партии СИРИЗА, которая совместно с небольшой правопопулистской партией «Независимые греки» сформировала коалиционное правительство. Таким образом, Греция стала первой страной объединённой Европы, где стали преобладать партии, позиционирующие себя альтернативой политическому истеблишменту, ответственному за экономические и социальные потрясения.

Усиление радикалов произошло как на левом, так и на правом политическом фланге (см. табл. 1). Слева от центра в роли главной политической силы закрепились СИРИЗА, которая фактически заняла место ПАСОК, растерявшей большую часть сво-

¹⁰³ Los «riesgos» de Torra ya aguardan al nuevo presidente Sánchez. El Mundo. Madrid, 03.06.2018.

* Квашнин Юрий Дмитриевич, к.и.н., зав. сектором исследований Европейского союза НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

его электората в начале 2010-х гг. «Новая демократия» по-прежнему доминирует на правом фланге, но её рейтинг заметно ниже, чем в докризисный период. Тяжёлым ударом по позициям партии стал раскол 2012 г., в результате которого 10 депутатов во главе с П. Камменосом образовали собственную партию «Независимые греки», выступавшую с жёсткой критикой проводимой греческими властями рестриктивной бюджетной политики и успешно игравшей на антиевропейских и патриотических настроениях граждан. Серьёзным вызовом для всей политической системы стал рост популярности неонацистской партии «Золотая заря», которая в 2012 г. впервые прошла в парламент, а по итогам выборов в сентябре 2015 г. сформировала третью по величине фракцию.

Ещё одной заметной тенденцией стала фрагментация политического центра: в 2012–2015 гг. на греческой политической сцене появилось множество новых партий («Демократическая левая», «Река», Движение демократических социалистов), которые вели борьбу за «наследие ПАСОК», возлагая на неё ответственность за коррупцию, клиентелизм и создание крайне неэффективной системы государственного управления. Однако в 2017 г. центристские партии, включая ПАСОК, столкнувшись с быстрым снижением электоральной поддержки, начали переговоры об объединении, которые в марте 2018 г. увенчались созданием Движения за перемены.

Таблица 1

Конфигурация политических партий в парламенте Греции
(по состоянию на 1 июня 2018 г.)

Название партии	Идеология	Кол-во мест в парламенте Греции
Коммунистическая партия Греции	Коммунизм, марксизм-ленинизм, евро-скептицизм	15
СИРИЗА	Демократический социализм, левый популизм, антиглобализм, эосоциализм	145
Движение за перемены (объединение фракций ПАСОК и партии «Река»)	Социал-демократия, еврооптимизм	26
Союз центристов	Либерализм, борьба с истеблишментом	6
«Новая демократия»	Либерализм, консерватизм	76
«Независимые греки»	Правый популизм, национал-консерватизм, евроскептицизм	9

«Золотая заря»	Ультранационализм, неонацизм, евро-скептицизм	16
Независимые депутаты		7

Источник: Hellenic Parliament – Organization & Operations: Parliamentary Groups. URL: <https://www.hellenicparliament.gr>.

Многие эксперты расценивают произошедшие в первой половине 2010-х гг. изменения как необратимые и свидетельствующие о вступлении Греции в принципиально новый этап политического развития¹⁰⁴. В действительности, однако, это верно лишь отчасти. При более внимательном рассмотрении программ и идеологических установок новых партий выясняется, что предлагаемая ими политическая альтернатива – в большинстве случаев повторяет идеи, которые уже давно стали неотъемлемой частью греческого политического дискурса. Их в своё время активно продвигали партии, стоявшие у истоков демократической Греции – ПАСОК, «Новая демократия» и Коммунистическая партия (КПГ). Так, социально-экономическая программа партии СИРИЗА фактически предлагала вернуться к «золотым годам» правления ПАСОК, развернув на 180° нелиберальную политику периода кризиса. В частности, партия обещала национализировать все предприятия, которые удалось приватизировать во второй половине 1990-х – 2000-е гг., вернуться к практике коллективных трудовых договоров, повысить заработные платы до предкризисного уровня. Очевидно, что после прихода к власти и неудачной попытки пересмотреть условия кредитных соглашений с ЕС и МВФ, СИРИЗА была вынуждена «дезаурировать» большую часть предвыборных обещаний и проводить ту же политику, которую под давлением международных кредиторов осуществляли правительства ПАСОК и «Новой демократии».

СИРИЗА – не единственная партия, обещавшая своим избирателям «обратить время вспять». Обещания вернуть Греции былое величие занимают центральное место в риторике «Независимых греков», которые отобрали у «Новой демократии»

¹⁰⁴ См., например: Verney S. «Broken and Can't be Fixed»: The Impact of the Economic Crisis on the Greek Party System. *The International Spectator*. 2014. Vol. 49(1). P. 18-35; Kompsooulos J., Chasoglou J. The Collapse and Transformation of the Greek Party System. *Socialism and Democracy*. 2014. Vol. 28(1). P. 90-112.

часть консервативного электората, продвигая такие идеи, как защита национальной идентичности, сохранение роли православной церкви, поддержка семьи и брака, максимально независимая внешняя политика, жёсткая линия в миграционном вопросе. Все эти идеи присутствуют (хотя и не в столь артикулированном виде) в идеологических установках «Новой демократии» или, по крайней мере, её консервативного крыла.

Апелляция к историческому прошлому характерна и для «Золотой зари», с той лишь разницей, что греческие неофашисты считают «золотым веком» греческого государства времена диктатора И. Метаксаса (1936–1941 гг.) и хунты «чёрных полковников» (1967–1974). Своей целью эта партия видит возрождение патерналистского государства, основанного на традиционных греческих ценностях и изолированного от глобализации. Её экономическая программа включает установление жёсткого контроля государства над стратегическими отраслями экономики, в том числе над банковским сектором; переход к экономическому самообеспечению страны, минимизацию зависимости от импорта; ограничение влияния (вплоть до полного запрета) профсоюзов¹⁰⁵.

Одно из объяснений феномена устремлённости греческой политики в прошлое – специфика генезиса так называемых альтернативных партий и движений. Практически все партии, на том или ином отрезке времени добившиеся успеха, были созданы выходцами из ПАСОК, «Новой демократии», КПП или сформированных на их основе партий и коалиций (см. табл. 2). В роли учредителей большинства партий выступали уже известные и состоявшиеся политики, которые за счёт обвинений «материнской партии» в отступлении от прежнего политического курса отбирали у неё часть голосов избирателей и получали заветные депутатские мандаты. В идеологическом плане новые партии мало отличались от традиционных (хотя их лозунги звучали громче и радикальнее) и впоследствии, не выдержав конкуренции, уходили в политическое небытие или воссоединялись с теми партиями, от которых в своё время «отпочковались».

¹⁰⁵ Подробнее см.: Квашнин Ю.Д. Политический кризис в Греции: новые партии и старые идеи. Вопросы экономики, №7, 2012. С. 154-160.

Наиболее ярким примером такой «альтернативной» партии является «Политическая весна», которая смогла продержаться всего в одном парламентском созыве, но стала для её лидера А. Самараса политическим трамплином для последующего возвращения в «Новую демократию» уже на руководящих ролях (в 2012–2015 гг. он занимал должность премьер-министра).

Таблица 2

Генезис «альтернативных» политических партий Греции,
1974–2017 гг.

Название партии	Год основания партии	Происхождение партии	Прохождение в парламент
«Синаспизмос»	1989 (коалиция), 1991 (партия)	Объединение левых партий с доминирующей ролью КПГ в 1989–1991 гг. и «Греческой левой» (бывшей партии «КПГ–внутренняя») с 1991 г.	1989, 1990, 1996, 2000
«Политическая весна»	1993	Основана бывшим членом «Новой демократии», министром иностранных дел Греции (1990–1992) А. Самарасом	1993
Демократическое социальное движение	1995	Основано несколькими бывшими членами ПАСОК во главе с министром финансов Греции (1985–1989) Д. Цоволасом	1996
СИРИЗА	2004 (коалиция), 2012 (партия)	Объединение партии «Синаспизмос» и ряда мелких партий («Обновлённая коммунистическая экологическая левая», «Интернациональная рабочая левая», «Активные граждане» и др.)	2004, 2007, 2009, 2012, 2015
Народный православный сбор	2000	Основан бывшим членом «Новой демократии» Г. Карадзаферисом	2007, 2009
«Независимые греки»	2012	Основана бывшими членами «Новой демократии» во главе с П. Камменосом	2012, 2015
«Демократическая левая»	2010	Основана в результате выхода «обновленческой платформы» во главе с Ф. Кувелисом из партии «Синаспизмос»	2012, 2015 (в союзе с ПАСОК)
«Золотая заря»	1980	Основана Н. Михалолиакосом, до этого входившим в различные националистические организации	2012, 2015
«Река» (греч. – «То Ποτάμι»)	2014	Основана известным журналистом С. Теодоракисом при поддержке ряда политиков и СМИ, аффилированных с ПАСОК. В 2018 г. совместно с ПАСОК образовала Движение за перемены	2015
Союз центристов	1992	Создан В. Левентисом, одним из основателей партии ПАСОК	2015

Источник: составлено автором по материалам официальных сайтов греческих партий.

Единственная партия современной Греции, которая была создана с нуля политиком, не имевшим отношения к политическому истеблишменту – «Золотая заря». Однако и в случае с этой партией следует сделать одну важную оговорку: её лидер Н. Махалолиакос в середине 1980-х гг. входил в Национальный политический союз – ультраправую организацию под руководством Г. Пападопулоса — находившегося под арестом главы хунты «чёрных полковников».

Безусловно, в Греции, как и в любой другой европейской стране, время от времени появляются партии, формируемые «снизу» и предлагающие избирателем альтернативные, не укоренённые в греческой политике идеи. Однако все они либо не достигают электоральных успехов, либо присоединяются к более крупным партиям, постепенно в них растворяясь. Так, «Экологические зелёные» вынуждены избираться в парламент по спискам СИРИЗА, партия «Драси», продвигающая идеи классического либерализма, примкнула к левоцентристской «Реке», а движение «Я отказываюсь платить», выступающее против «несправедливых» налогов и сборов, влилось в «Народное единство», основанное в 2015 г. выходцами из партии СИРИЗА.

Есть и другая, не менее важная причина, по которой греческая политика по-прежнему вращается вокруг прошлого и невосприимчива к альтернативным идеям и концепциям, а именно – неготовность подавляющей части населения к реформам.

С одной стороны, греческое общество отвергает – и чем дальше, тем явственнее – «жёсткий» евроскептицизм. Оказавшись в 2015 г. перед непосредственной угрозой полномасштабного банковского кризиса и выхода страны из еврозоны, большинство греков убедилось в том, что европейскому пути развития нет альтернативы. Партия «Народное единство», выступавшая за переход Греции к национальной валюте (драхме), потерпела сокрушительное поражение на выборах, а остальные радикальные партии были вынуждены сфокусировать внимание избирателей на других проблемах (коррупция во власти, неконтролируемая миграция, вопрос о государственном названии Республики Македония и пр.). С другой стороны, к полномасштабным реформам в соответствии с неолиберальными рецептами

(ускоренная приватизация, сокращение работников государственного сектора, отказ от социальных завоеваний 1980-90-х гг.) греки также не готовы, что создаёт питательную почву для расцвета популизма, характерного как для альтернативных, так и для традиционных партий. Ещё одна особенность греческих электоральных предпочтений – невосприимчивость избирателей к «нишевым партиям» – пиратским, зелёным, регионалистским: на фоне социально-экономических сложностей в стране предлагаемая ими повестка дня воспринимается как «мелкотемье».

Перечисленные выше ограничительные факторы объективно препятствуют появлению политических сил, способных предложить реальную, а не мнимую альтернативу той политике, которая спровоцировала системный кризис в Греции.

*С.В. Погорельская**

ПАРТИЯ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» В ПОИСКЕ ДЕЙСТВЕННОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Став третьей по величине силой на выборах в бундестаг в 2017 г. партия «Альтернатива для Германии» (АдГ)¹⁰⁶ готовится к предстоящим выборам в ландтаги федеральных земель ФРГ. Созданная в 2013 г. как партия консервативно-либеральных элит, покинувших свои партии (ХДС и СвДП) в силу своего несогласия с политикой «спасения евро», она основной своей идеей провозгласила умеренный «евроскепсис» и некоторое время имела репутацию «профессорской», далёкой от жизни партии. Её основателем был профессор-экономист Б. Луке, среди его соратников были ведущие учёные, депутаты бундестага, топ-менеджеры и влиятельные бизнесмены. Поскольку бесконечные меры по спасению сначала Греции, а потом и евро, проводившиеся по ходу мирового финансового кризиса, существенно ударили по благополучию немецкого бюргера и поколебали его симпатии к европейской интеграции, «профессорская» партия

* Погорельская Светлана Вадимовна, к.полит.н., с.н.с. ИНИОН РАН, с.н.с. ИЕ РАН.

¹⁰⁶ Alternative für Deutschland, AfD. URL: <https://www.afd.de/>

успешно раскрутилась на своём евроскепсисе и быстро перешагнула 5%-ную планку в ландтагах некоторых федеральных земель. В 2015 г. грянул «иммиграционный кризис», а с ним – звёздный час АдГ. Единственная из всех немецких партий, открыто заговорившая о неспособности ЕС преодолеть кризис и подвергшая критике политику канцлера Меркель, АдГ буквально взлетела на волне гражданских симпатий и начала отбирать электорат у системных партий. К этому времени относится и первый серьёзный разлом внутри партии, связанный с её политическим профилем.

«Альтернатива для Германии» развивалась, приспособливаясь к актуальным запросам избирателей по ходу земельных выборов. Она не принимала в свои ряды бывших членов праворадикальной НДПГ, зато приросла молодыми политиками из новых федеральных земель (бывшей ГДР), для которых евроскепсис был лишь частью масштабной «народнической» (völkisch) идеи. Следует знать, что само это понятие в Германии считалось скомпрометированным гитлеризмом и не употреблялось в системной политике. Для основателей партии такой масштабный сдвиг «вправо» был неприемлем и после жёстких внутрипартийных споров в 2015 г. Б. Луке и ряд его сторонников покинули партию. Однако надежды системного истеблишмента, что с уходом лидера умрёт и созданная им партия, не оправдались. АдГ к тому времени уже не была «вождистской» партией, она стала политическим брендом для популистских идей. Её новый руководитель, 36-летняя Фрауке Петри, по профессии – научный работник, по убеждениям – национал-консерватор, всеми силами демонстрировала избирателю симпатичное «гражданское» лицо партии. Тем не менее, весной 2017 г. в партии наметился второй раскол. Петри вынесла на партийный суд программу «Будущее»¹⁰⁷, предложив, в преддверии осенних выборов в бундестаг, занять «более реалистичные» позиции, чтобы стать приемлемым партнёром для формирования правящих коалиций. Так, предлагалось смягчить непримиримость партии в вопросах

¹⁰⁷ Steffen T. Petry will Entscheidung über Parteistrategie herbeiführen. Die Zeit, 24. April 2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-04/afd-parteitag-frauke-petry-strategie>.

европейской валюты и иммиграции и чётче отмежеваться от ультраправых. Впрочем, другие лидеры, не желая ослаблять партию перед выборами, предпочли перенести обсуждение тем, чреватых расколом, на неопределённое будущее. Поэтому после выборов Петри вместе со своим мужем М. Претцелем, главой партийной организации земли Северный Рейн-Вестфалия, и рядом сторонников покинули партию. Немецкие СМИ проводили параллели с уходом Луке. Однако АдГ, осилив уход Луке, пережила и уход супружеской пары.

В начале декабря 2017 г. партия провела свой первый «послевыборный» съезд. Дебаты показали, что крыло «реалистов» с уходом Петри отнюдь не ослабло. Те, кто ранее был связан с системными партиями, не желали мириться с ролью вечной принципиальной оппозиции. Их взгляды артикулировал бывший полковник бундесвера Г. Паздерски. Однако и ему не удалось выиграть бой у тех, кто не желает поступаться принципами.

Став самой численно крупной оппозиционной силой в бундестаге, партия не смогла стать конструктивной оппозицией. Если, конечно, под конструктивностью подразумевать целостную альтернативу правительственному курсу, АдГ же, внутренне неоднородная и не определившаяся до конца сама с собой, избрала себе роль «охотника». «Мы будем охотиться за вами! – заявил после выборов 2017 г. А. Гауланд. – Мы будем гнать фрау Меркель или кого бы там ни было – и мы вернём себе свою землю и свой народ!»¹⁰⁸. Такая позиция смущает гражданского избирателя, ожидающего решений, а не охоты одних политических элит за другими.

АдГ – последний рубеж на грани с крайне правыми, за которым начинается ультрарадикальная политическая маргинальность. Её партийная программа – типичная правопопулистская, обслуживающая те желания, заботы и страхи населения, которые официальная политика оставила на обочине политических волеизъявлений. Начинается она с положений о «защите демократии в Германии» и требует конституционно оформленного

¹⁰⁸ AfD-Politiker Gauland über Merkel: «Wir werden sie jagen». BR24, 24.09.2017. URL: <https://www.br.de/bundestagswahl/afd-politiker-gauland-ueber-merkel-wir-werden-sie-jagen-100.html>.

права на всенародные референдумы в любых жизненно важных для страны случаях. АдГ хочет усилить народовластие, введя прямые выборы федерального президента и изменив порядок финансирования партий, подчинив его контролю Счетной палаты. Предлагается также покончить с социальными привилегиями политиков, обязав депутатов бундестага перейти на частное пенсионное страхование. Европейский союз, в своём нынешнем качестве препятствующий народовластию в странах-членах, должен вернуться к своему прежнему формату союза независимых суверенных государств. Вторая часть программы посвящена евро. АдГ считает его «неудавшейся валютой» и предлагает Германии выйти из еврозоны, чтобы не нести тяготы чужих долгов.

Внешняя политика и оборона должны отвечать немецким национальным интересам, а не «общеевропейским», следует провести военную реформу и возобновить воинскую повинность, отменённую в 2011 г.

Помощь развивающимся странами АдГ предлагает сократить, полагая, что справедливая интеграция этих стран в мировой рынок принесёт больше эффекта, чем бесконечный трансферт денег.

В вопросах внутренней безопасности партия требует усилить борьбу с преступностью мигрантов, облегчив процедуру выдворения, отказывая в гражданстве, ужесточая уголовное право для несовершеннолетних, а также улучшая условия работы полицейских. Особым параграфом АдГ требует ограничить права коллекторов («инкассо-фирм», скупающих чужие долги), которые и в Германии печально прославились грубым обращением с должниками.

Самой выгодной теме – миграции – посвящена специальная часть программы: во избежание саморазрушения Германия должна изменить миграционную политику, подчинив её только национальным интересам и принимать лишь тех, кто нужен стране. Особому контролю должно подлежать предоставление политического убежища. Лица с неясной идентичностью не имеют на него права. Отклонённых соискателей следует немедленно выдворять в страны, из которых прибыли, а если там их не при-

нимают, следует оказывать давление на эти страны, отказывая им в «помощи в развитии». Въезд к беженцам членов их семей должен быть прекращён. Ислам «не имеет отношения к Германии»¹⁰⁹, находясь в противоречии с её политическим порядком.

Семейная политика (седьмая часть), отмечается в программе, должна стать центральной темой. АдГ выступает за традиционное понимание семьи. «Сохранение государствообразующего народа (т.е. этнических немцев – С.П.) должно стать целью государства и быть внесено в конституцию»¹¹⁰.

В вопросах образования АдГ выступает за возвращение к традиционной немецкой школьной системе (основные школы, реальные школы, гимназии), развитие профтехобразования, сохранение спецшкол, отказ от Болонской системы и возврат к немецкой в высшем образовании.

Культура должна быть однозначно «немецкой». Основной тезис культурной политики АдГ – «немецкая руководящая культура вместо мультикультурализма».

Налоговая и бюджетная политика предполагает реформу налоговой системы: АдГ хочет облегчить, в числе прочего, налоговое бремя для людей с небольшими доходами, отменить налог на наследство. «Альтернатива» не только поддерживает установленную законом минимальную границу заработной платы, но и, в интересах создания постоянных рабочих мест, требует ввести 15% квоту для найма работников по контрактам и работников из посреднических фирм.

Тема социальной политики и здравоохранения тесно связана с требованием ограничения миграции. АдГ выступает за то, чтобы в Германии работали врачи, получившие немецкое образование или, по крайней мере, говорящие по-немецки.

Вопросы защиты климата связаны для Германии с членством в невыгодных ей организациях и союзах, поэтому партия предлагает выйти из Парижского соглашения по климату и из всех международных организаций, связанных с ограничением

¹⁰⁹ AfD. Wahlprogramm Bundestagswahl 2017. S. 34. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf.

¹¹⁰ Ibid. S. 37.

эмиссий окиси углерода, поскольку тезис о том, что изменение климата носит антропогенный характер, не получил достаточного научного подтверждения.

В целом программа оставляет ощущение, что партия хоть и предлагает избирателю альтернативы, однако они не проработаны с точки зрения их реализации, учитывая уровень интеграции современной Германии в западные структуры и альянсы.

Тем более что даже на уровне лозунгов единства в партии до сих пор нет, поэтому и соответствующие программные положения остаются неразвитыми. Социальная политика, по мнению руководства партии, должна стать одной из центральных тем АдГ – но не может, ибо в этих вопросах коллизия интересов различных групп внутри партии особенно сильна. Это показал последний, десятый съезд летом 2018 г в баварском Аусбурге¹¹¹. Бавария была выбрана ввиду предстоявших осенью 2018 г. выборов в ландтаг этой федеральной земли, на которые партия, занимающая там по результатам опросов второе после правящей ХСС место, решила идти под лозунгом «Мы – оригинал!».

На самом деле АдГ со своего основания присваивала и выносила в политику те идеи с правых флангов системных партий (прежде всего, ХДС и либеральной СвДП), которые в них в силу национал-радикальности, за последние десять лет не имели шанса быть реализованными, а подчас даже и официально высказанными. Начав с правоконсервативного и национал-либерального евроскепсиса, она взлетела на миграционной теме, вызвав страхи перед «иноплеменным нашествием». Более того, она идейно и электорально потеснила «Левую», партию – наследницу Партии демократического социализма, долгие годы сохранявшую особую популярность в новых федеральных землях – выдвигая те же социальные лозунги, что и она левая, но с национальным акцентом. После непонимания: «почему люди избирают АдГ, когда есть мы?» «Левая», устами своего лидера, Сары Вагенкнехт, пришла к выводу: «Наш электорат – те, кто оказался в конкуренции с мигрантами, будь то поиски жилья, социальное пособие или работа»¹¹². Интернационализм «Ле-

¹¹¹ AfD. Parteitag in Augsburg. Über. URL: <https://www.afd.de/bpt-augsburg-2018/>

¹¹² Wählerpotenzial von 27 Prozent: Wie Sahra Wagenknecht um sozial Abge-

вой» оказался им не ко двору.

Опросы показывают, что после того, как АдГ «повернулась к народу» в социальных вопросах, ей удалось потеснить не только «Левую», но даже и СДПГ. Отнимая у левых партий «социальные» ядра их программ и национализируя их, АдГ озвучивает крик беднеющего населения: «сначала немцы – а потом уже все остальные!».

Успех АдГ в её тренде «влево» в социальных вопросах при безусловной «правизне» в вопросах миграции означает, судя по всему, сдвиг в сторону социализма национального образца. Однако готова ли к этому партия? Представляется, что именно в социальных вопросах она ещё долго будет не в состоянии преодолеть свою собственную противоречивость. На последнем съезде, попытавшемся заняться социальной политикой, право-консервативные и право-либеральные эксперты, с которыми партия когда-то стартовала в политическую жизнь, столкнулись как с «реалистами», ищущими союза с властью, так и с бескомпромиссными «народническими» политиками из новых федеральных земель, озвучившими идеи немецкой социальной политики. Социальная тематика в партийной программе проработана хуже всего: выдвигая приятные, но расплывчатые лозунги типа «инвестиций в немецких детей» и «заботы о немецких семьях», партийцы ожесточённо сражаются между собой по конкретным вопросам. Так, в дебатах о пенсионном обеспечении (теме, важной для Германии с её стареющим населением) лидер партии Й. Мойтен продвигал типично либеральную идею частного пенсионного обеспечения, в то время как восточногерманские политики, цели которых выражает Б. Хоке, ввели в оборот лозунг «пенсии для немецких граждан». Они предлагают прекратить государственную пенсионную уравниловку и платить немцам (как работавшим, так и воспитывавшим детей) значительно более высокие пенсии, нежели мигрантам. Решения достичь не удалось, и партия перенесла споры о «социальной» части своей программы на следующий съезд, который уже заранее окрести-

hängte wirbt. Fokus, 09.07.2018. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/linke-sammelbewegung-waehlerpotenzial-von-27-prozent-wie-sahra-wagenknecht-um-sozial-abgehaengte-wirbt_id_9230454.html.

ли «социальным партийным съездом». Зато на нынешнем съезде она основала свой политический фонд по образцу системных партий. Через эти фонды партии «осваивают» бюджетные средства для своей идейной и политико-образовательной работы с населением, как в Германии, так и за пределами страны.

В 2019 г. в Германии пройдут выборы в ландтаги Бранденбурга, Тюрингии и Саксонии. Тактика коалиций, посредством которых системные партии пока что не пускают АдГ во власть, оставляя её оппозиционной силой, может дать сбой, если АдГ успешно разработает свои социальные программы.

*В.С. Грибовский**

АНТИИСЛАМИЗМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ АВСТРИИ И ШВЕЙЦАРИИ

Рост популярности Австрийской партии свободы (АПС) и Швейцарской народной партии (ШНП), наблюдаемый с последнего десятилетия XX в., связан, прежде всего, с нерешённостью вопроса иммиграции в странах Альпийской Европы. В результате на выборах 2017 г. АПС набрала 26%, сумев стать в коалиционном правительстве младшим партнёром Народной партии. На выборах 2015 г. ШНП получила 29,4%, нарастив электоральную базу и сохранив два места из семи в Федеральном Совете – правительстве Швейцарии.

Каковы же идеологические приоритеты этих партий в вопросах иммиграции? На примере программы АПС, основные тезисы которой совпадают с программой ШНП, можно проследить почти тождественные взгляды этих партий по иммиграции. В документах АПС ислам рассматривается как агрессивное религиозное учение, в представлении которого весь мир – театр военных действий, где часть земли уже завоёвана мусульманами, а другая часть – пока ещё нет. АПС критикует Коран, в котором пророк Мухаммед одобряет насилие против инакомыслящих.

* Грибовский Василий Сергеевич, м.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

Вместе с тем, АПС выражает приверженность свободе вероисповедания. Однако, в отличие от системных партий, Партия свободы толкует её не в либертарианском ключе, а с точки зрения национализма. АПС считает, что свобода вероисповедания означает не только принадлежность к любой религиозной группе, но и право на защиту от религиозного фундаментализма и экстремизма. Особую актуальность это предложение приобретает в связи с тем, что сегодня в Австрии функционируют более двухсот мечетей, в которых проповеди ведут сторонники исламистских и салафитских взглядов. По этой причине религиозные сообщества, отрицающие разделение церкви и государства, государство не должно признавать в качестве официальных организаций.

Тем не менее, АПС признаёт право мусульман на строительство мечетей, понимая, что часть граждан Австрии уже более века исповедует ислам. В то же время партия решительно выражает против строительства минаретов, которые олицетворяют гегемонию над определённой территорией, отказ от секулярного общества и, как следствие, притеснение всех иноверцев и особенно неверующих. Кроме того, АПС требует проводить государственный мониторинг исламизации и практики шариата – исламского религиозного права, угроз терроризма, образа жизни и существования параллельных обществ, религиозного воспитания, принуждения к браку и кровной мести. Партия также призывает запретить ношение хиджабов и никабов в общественных местах. Одно из требований австрийских националистов состоит в обязательном употреблении немецкого языка в общении с верующими в мечетях.

В плане практической политики в отношении иммигрантов АПС предлагает ряд мер, которые помогли бы им стать частью австрийского общества. Основная ставка делается на изучение немецкого языка. В частности, дети тех людей, которые не имеют гражданства Австрии и не говорят на немецком как на родном языке, должны освоить его перед началом школьного обучения. Предлагается также ввести модель гостевой работы, которая определяет временное пребывание квалифицированной рабочей силы на территории страны и одновременно исключает

последующее прибытие семьи мигранта после его устройства. Относительно беженцев АПС считает необходимым предоставлять убежище только тем из них, кто подвергается преследованию по политическим, религиозным и расовым причинам. При этом они должны въезжать в Австрию не напрямую из опасной для них страны, третьей страны¹¹³.

Эти меры претворяются в жизнь с декабря 2017 г., после формирования по итогам выборов коалиционного правительства Австрийской партии свободы и Австрийской народной партии. В апреле 2018 г. начались проверки мечетей. В результате 60 из 260 имамов были поставлены под постоянное наблюдение компетентных органов. В отношении 40 имамов проводятся проверки на предмет нарушения австрийского законодательства о запрете финансирования из-за границы. С позицией АПС солидарен канцлер С. Курц, который в июне заявил, что «параллельным обществам, политическому исламу и радикализации не место в нашей страны». Правительство постановило закрыть семь мечетей и выслать несколько имамов из Австрии. Эти меры направлены, прежде всего, против «Турецко-исламского союза за развитие культурного и социального сотрудничества в Австрии», которое подчиняется Анкаре¹¹⁴.

По похожему сценарию действует Швейцарская народная партия. В начале 2016 г. она выступила с призывом высылать иммигрантов, уличённых в преступлениях, даже мелких правонарушениях. По статистике, в настоящее время правительство ежегодно высылает 500 иммигрантов. ШНП планировала увеличить этот показатель до 10 тыс. и сделать его равным количеству приезжих, совершающих преступления. Этой мерой ШНП намеревалась снизить уровень преступности и уменьшить нагрузку на социальную систему. Кроме того, националисты постоянно подчёркивают, что нелегальные мигранты, совершающие преступления, бросают тень на всех прибывающих и формируют к ним заведомо отрицательное отношение у коренного

¹¹³ Handbuch freiheitlicher Politik. Wien, FPÖ-Bildungsinstitut, 2013. S. 37-54.

¹¹⁴ Regierung will Moscheen schließen. Die Zeit. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2018-06/oesterreich-oevp-fpoe-schliessung-moscheen-ausweisung-imame> (25.05.2018).

населения¹¹⁵. Следовательно, ШНП пытается выступить в непривычном образе защитницы добропорядочных иммигрантов, а заодно и показать, что она отнюдь не против иммиграции как таковой, а лишь стремиться оградить граждан страны от тех, кто не хочет жить по законам человеческого общежития и преступает закон.

Отметим, однако, что на нескольких последних референдумах инициативы ШНП не получили ожидаемую националистами поддержку. Так, в феврале 2016 г. лишь 41,1% участников референдума об ограничении прав мигрантов поддержали ШНП в их радикальных антииммигрантских позициях. И ШНП, и АПС лишь частично могут реализовать свои идеи, ведь системные партии Австрии и Швейцарии не готовы идти на уступки националистам.

Можно сделать вывод о том, что протестные партии в целом выполняют предвыборные обещания в миграционной сфере. Австрийской партии свободы и Швейцарской народной партии удаётся последовательно проводить мероприятия по предотвращению исламизации своих стран, хотя неполный контроль над исполнительной властью не позволяет им реализовать свою стратегию полностью.

*В.Я. Швейцер**

АВСТРИЙСКАЯ ПАРТИЯ СВОБОДЫ: ПЕРВЫЕ ШАГИ «МАЛОЙ КОАЛИЦИИ»

18 декабря 2017 г. президент Австрии А. ван дер Беллен принял присягу у нового правительства Австрии – коалиции Австрийской народной партии (АНП) и Австрийской партии свободы (АПС). В послевоенной истории центрально-европейского государства это стало третьей попыткой инкорпорации своеобразной политической силы в высший орган исполнительной

¹¹⁵ Warum ein JA. URL: <https://www.svp.ch/kampagnen/uebersicht/durchsetzungsinitiative/warum-ein-ja/> (25.05.2018).

* Швейцер Владимир Яковлевич, д.и.н., г.н.с., рук. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН, сопредседатель НС «Партийно-политические системы Европы XXI века».

власти. Исторически она была связана с национал-социалистическим прошлым, а в начале XXI в. зарекомендовала себя одним из наиболее активных представителей евроскептического направления в странах – членах Евросоюза. Напомним, что АПС в качестве младшего партнёра входила в 1983–1986 гг. в коалиционный кабинет с социал-демократами, а в 2000–2006 гг. в правительство, возглавляемое Народной партией.

На пути в Хофбург

Итоги парламентских выборов от 15 октября 2017 г. не стали неожиданными как для самой Австрии, так и для Европы в целом. Всё второе десятилетие XXI в. можно, без особого преувеличения, назвать «триумфальным шествием» австрийских националистов во власть. На выборах в Национальный совет (парламент Австрии) 2013 г. АПС получила 20,5% голосов избирателей. В межвыборный цикл 2013–2017 гг. были одержаны важные победы практически на всех земельных выборах. В президентском марафоне 2016 г., хотя кандидат от АПС Н. Хофер и не достиг желаемого результата, цифра в 35% в первом туре и окончательные 47% свидетельствуют о серьёзных претензиях АПС на высшие посты в государстве¹¹⁶. Итог всенародного волеизъявления 15 октября 2017 г. лишь подтвердил обозначенную тенденцию. АНП завоевала 31,5% голосов избирателей, её прежний партнёр по «большой коалиции» СПА – 26,9%, а АПС отстала от социал-демократов менее чем на один процент – 26%. Отметим, что АПС стала своеобразным лидером радикал-националистов в странах ЕС как партия, продемонстрировавшая в нынешнем тысячелетии наибольшую электорально-политическую устойчивость.

Об этом свидетельствовало и полученное ей в новом коалиционном правительстве солидное партийное представительство. Из 11-ти министерских кресел АПС получила пять, причём все должности имели прямое отношение к той проблематике, прежде всего, иммиграционной, на волне которой партия и добилась ощутимого электорального успеха. Здесь важнейшим представляется пост министра внутренних дел, который занял

¹¹⁶ Швейцер В.Я. Австрийская партия свободы: путь во власть. Современная Европа, №2, 2018. С. 111-112.

видный деятель АПС Х. Кикль. Это министерство по своим основным функциям как раз и должно практически регулировать «иммиграционный вопрос». Важную роль в этом деле играет министерство труда, социальных дел и здравоохранения, возглавляемое сегодня Б. Хартингер-Кляйн. В сферу интересов этого органа государственной власти входят вопросы, касающиеся условий пребывания на территории Австрии десятков тысяч иммигрантов и беженцев. Бывший кандидат в президенты Н. Хофер получил пост министра транспорта, инноваций и технологий, которые также связаны с иммиграционной проблематикой. Напомним о перемещении на территории страны в 2015–2016 гг. десятков тысяч беженцев с Ближнего Востока. Далеко не второстепенное значение представляет и ситуация на границе Австрии, входящая в компетенцию министерства обороны, которое возглавил другой лидер АПС – М. Кунасек. Отметим, что руководство Партии свободы привлекло к работе в своей команде и формально беспартийную К. Кнайсель – она стала новым министром иностранных дел, продолжив тем самым гендерную линию в этой сфере государственной деятельности, уже освоенную в прошлые годы старшим партнёром АПС по коалиции – АНП. Правда, имело место и небольшое по форме, но весьма важное по существу исключение из прежних правил. Тематика взаимоотношений с Евросоюзом была передана в ведомство Федерального канцлера. Формировавший правительство С. Курц, безусловно, учёл прежние громкие заявления лидеров АПС евроскептического свойства, постоянно раздражавшие руководство ЕС.

Вполне естественно, что ЕС был удовлетворён тем, что канцлером Австрии стал именно С. Курц, кредит доверия к которому в Брюсселе далеко не исчерпан. Стоит заметить, что сам канцлер по ряду проблем союза был весьма близок в оценках к евроскептикам из стана своего младшего партнёра по коалиции. Что касается лидера АПС Х.-К. Штрахе, то он вместе с постом вице-канцлера получил в своё ведение сферы спорта и государственной службы. Весь экономико-финансовый блок остался у Народной партии. Правда, в ряде министерств АПС для подстраховки получила посты статс-секретарей.

Итак, правительственные здания в бывшем императорском дворце Хофбург обрели новых хозяев. Дело осталось за малым – реализовать и согласовать тот сложившийся комплекс проблем, с которыми подошла Австрия к началу новой правительственной легислатуры.

АПС и «программа действий» малой коалиции

Отправной точкой для любого правительства служит его программное заявление. В данном случае подготовка этого ответственного документа заняла всего два месяца, что не удивительно, ибо негласные контакты лидеров АНП и АПС начались сразу после официального объявления итогов парламентских выборов 16 октября 2017 г. Обе стороны исходили из наличия в их программах совпадающих или тождественных положений. Дискуссии вызывали лишь акценты в отношении Евросоюза и некоторых сторон социальной политики. Лидеры АНП брали в расчёт евроскептицизм младшего партнёра, декларировавшего социальный популизм в некоторых вопросах внутренней политики. В конечном итоге, острые углы в позициях АНП и АПС были сглажены, а акценты сделаны там, где партнёры были едины во мнениях.

Результатом согласования точек зрения стал документ на 183 страницах с патетическим названием «Вместе. Для нашей Австрии». В его преамбуле говорилось, что коалиция будет стремиться улучшить жизнь граждан Австрии, усилит меры безопасности, наведёт порядок в миграционной политике. В социальной области была декларирована гибкая система занятости и продление рабочего дня до 12 часов при согласовании точек зрения предпринимателей и трудовых коллективов. Отметим, что уже в первом полугодии 2018 г. соответствующий законопроект получил поддержку парламента, причём к его разработчикам из АНП и АПС присоединились члены либеральной «Новой Австрии». С другой стороны, категорическими противниками нововведения стали социал-демократы, экологи и большинство австрийских профсоюзов, полагавших, что увеличение трудового дня отрицательно скажется на здоровье занятых в производстве.

Некоторые новации предлагались для налоговой системы.

Внешне это выглядело как уступка малообеспеченным слоям населения, хотя в программе правительства новая шкала налогов была лишь обозначена. Более конкретно выглядела пенсионная реформа, предполагавшая повышение пенсий до 1,2 тыс. евро в месяц. Однако это касалось только тех австрийцев, кто на протяжении сорока лет вносил средства в пенсионный фонд. Социально справедливым выглядели предложения Программы, касавшиеся ограничений на рост жалования высшим государственным чиновникам и депутатам различных органов законодательной власти. Была также провозглашена экономия средств за счёт урезания расходов на государственный аппарат. Отметим, что инициатором планов был лидер АПС Х.-К. Штрахе, в служебные обязанности которого входила и тема госслужащих. АПС также договорилась с партнёром о проведении в стране референдумов по актуальным вопросам внутренней и внешней политики, ссылаясь на положительный опыт таких мероприятий в соседней Швейцарии. В Программе была выражена общая точка зрения по вопросам, связанным с иммиграцией и беженцами. Предполагалось увеличить численность сотрудников соответствующих правоохранительных органов, повысив оплату их труда. Если в данном случае инициатором выступала АПС, то в вопросе координации этих действий с соседями по ЕС приоритет был у АНП. Принципы шенгенской зоны, относительно которых АПС неоднократно высказывала свои сомнения, были для АНП приоритетными, что и подтвердилось в программном документе.

Ещё более сложными были вопросы, связанные с взаимоотношениями Австрии и Евросоюза. Сама АПС, когда участие этой партии в правительстве стало очевидным, несколько снизила градус евроскептицизма, однако АНП не без труда добилась включения в программу чётких проинтеграционных формулировок. Однако здесь, явно с подачи «младшего партнёра» появились оговорки, дающие возможность Австрии выражать «особую позицию». Речь шла о коррективах австрийским парламентом общих для ЕС правил, если последние могут оказать негативное воздействие на некоторые австрийские регионы. За этой достаточно туманной формулировкой могли скрываться как вопросы, связанные с иммиграцией, так и тема антироссий-

ских санкций, определённым образом затрагивающих национальные экономические интересы. Мог быть использован и уже упомянутый инструмент референдумов, ибо результаты всенародного волеизъявления ставились выше решений, принимаемых на наднациональном уровне. В целом же, согласно Программе, Австрия выглядит не как безропотный соратник санкционной политики, а как посредник между Западом и Россией¹¹⁷.

Отметим, что руководство ЕС, внимательно следившее за перипетиями выборов в Австрии и формированием правительства, скрепя сердце согласилось с основными положениями её программного документа. Он, по словам, Ж.-К. Юнкера «почти на 100%» соотносится с взглядами Еврокомиссии, у которой нет претензий и к составу высшего органа исполнительной власти Австрии.

Время покажет, насколько «малая коалиция», которая внешне выглядит как команда единомышленников, сможет реализовать заявленные политические ориентиры. В истории взаимоотношений этих партий во времена Й. Хайдера (2000–2002 гг.) уже был достаточно заметный провал, который пошёл во вред, прежде всего, националистам. Очевидно, и для АПС и для АНП отсутствуют гарантии стабильного продвижения к намеченным ориентирам с учётом как австрийских, так и общеевропейских обстоятельств. Первым серьёзным электоральным испытанием для участников коалиции станут майские выборы 2019 г. в Европейский парламент.

*Н.С. Плевако**

ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ «ШВЕДСКИХ ДЕМОКРАТОВ»?

Националистические партии четырёх северных стран имеют различную историю своего становления. Однако постепенно их позиции сближаются, что объясняется не только общностью

¹¹⁷ Das Regierungsprogram von ÖVP und FPÖ. URL: <https://www.derstandard.de/story/2000070495198/regierungsprogramm-oevp-fpoe-kurz-strache-ueberblick-analyse> (14.01.2018).

* Плевако Наталия Сергеевна, к.и.н., в.н.с. Отдела страновых исследований ИЕ РАН.

политической культуры северных стран, но также и тем, что они формулируют совпадающие во многом идеи и подходы к решению актуальных проблем Северной Европы в сфере иммиграции и отношений с Европейским союзом.

Партию «Шведские демократы» (ШД) часто называют партией одного вопроса, ибо основное внимание она уделяет теме иммиграции, которая вызывает всё более ожесточённые споры как в среде политиков, так и у рядовых граждан. Растущий приток иммигрантов и беженцев, которых принимает Швеция, вывел её на лидирующее место в Европе, если соотнести количество приезжающих и численность населения страны. Несмотря на позитивное в целом отношение к гонимым судьбой иммигрантам, сочувствие и помощь, оказываемую им жителями, в стране растёт недовольство курсом иммиграционной политики правящей Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДПРШ). Опасения вызывает непомерная нагрузка на социальный сектор экономики: пособия иммигрантам и беженцам, нежелание интеграции прибывающими или её невозможность, рост безработицы среди них. Усиливается и боязнь утратить в перспективе национальную идентичность, в связи с нарастающими изменениями в этно-демографической структуре населения, вероятным снижением среднего уровня жизни.

Партия «Шведские демократы» появилась на политической арене в 1988 г., однако она долго не могла завоевать популярность среди избирателей, так как её воспринимали как националистическую, с неонацистским уклоном, что в условиях Швеции неприемлемо с моральной точки зрения. С 1995 г. началась фаза активной модернизации партии, пытавшейся изменить свой имидж. Однако избиратель до поры до времени не верил в «преображение» партии ШД, и на выборах 1998 г. её ждало очередное поражение. Вместе с тем, критику партией политики правительства многие одобряли. Но открыто поддерживать «Шведских демократов» считается в стране дурным тоном.

Модернизация ШД продолжается по сей день. Её руководители постоянно избавляются от наиболее радикально настроенных членов, дабы выглядеть более респектабельно. (Последний «развод» с радикальными элементами в партии, в основном из

молодёжного союза, произошёл в 2018 г. В результате на политической арене появилась новая партия «Альтернатива для Швеции»). Реальный сдвиг начался в 2005 г., когда председателем партии стал студент Лундского университета Й. Окессон. Он проявил себя хорошим организатором и убедительным оратором, сумев привлечь в партию новых членов. В том же году на съезде партии была принята новая принципиальная программа, в которой, помимо иммиграционных проблем, были выдвинуты требования социальной защиты пенсионеров, поднят вопрос о членстве Швеции в ЕС. Пришло понимание того, что без попыток решить социальные вопросы, широкого обсуждения темы места Швеции в Европе партия лишается притока новых людей. Руководство занялось также перестройкой организационной структуры партии.

Первый успех партии пришёлся на 2010 г., когда её представители вошли в парламент, получив 5,7% голосов избирателей и 20 мандатов. Это совпало с мощной волной иммиграции и желанием населения начать активное обсуждение возможных последствий иммиграционной политики. В условиях начатой общественной дискуссии возникает объективно обусловленный запрос на новую политическую силу, которая могла бы противопоставить своё видение проблемы официальному курсу. Шведские демократы ещё вызывают сомнение у обывательской массы, хотя они уже так не шокируют публику. Это подтверждается крупным успехом партии на парламентских выборах 2014 г., на которых ШД набрали 12,9% голосов и стали третьей партией страны. Ещё более успешно партия выступила на выборах 2018 г., набрав 17,5% голосов избирателей¹¹⁸.

В отличие от соседних северных стран, где националистические партии уже были допущены в правительства, в Швеции, несмотря на электоральные успехи ШД, в глазах политического класса они всё ещё представляют собой неких политических отщепенцев, которых терпят, голосами которых пользуются в риксдаге, но не допускают в высшие эшелоны власти. По всей видимости, отсутствие правительственной ответственности пока даже играет на руку партии. Она обладает свободой дейст-

¹¹⁸ URL: www.val.se.

вий в парламенте, составляя в удобный для неё момент ту критическую массу, которая помогает тому или иному блоку набрать необходимое количество голосов в условиях шаткого равновесия сложившихся политических объединений.

Социологи, изучавшие в течение нескольких лет практику голосования «Шведских демократов» в риксдаге, пришли к выводу, что сначала они, как правило, поддерживали правящий в данный момент блок партий, но в последние три года их симпатии сместились к оппозиционному Альянсу буржуазных партий. Это касается, прежде всего, ключевых экономических проблем. Сами руководители партии называют «Христианских демократов» и Умеренную коалиционную партию в качестве наиболее приемлемых для возможного сотрудничества. Поясняя подобный разворот вправо, один из ораторов партии в риксдаге (О. Шёстед) оправдывал позицию партии полевением экономической политики социал-демократов при министре финансов М. Андерссон¹¹⁹. Однако подобным образом ШД голосовали вместе с Альянсом не только по экономическим, но и социальным вопросам.

Риторика партии сильно зависит от того, за чей проект они голосуют. В широкой полемике они выступают в защиту пенсионеров, безработных, за развитие школьного образования, ухода за детьми и престарелыми. Однако если посмотреть, как голосовали в последние годы представители фракции ШД, то откроется иная картина. Они голосовали против повышения пособия по безработице; против внесения поправок в программу рынка труда в пользу длительно безработных; против права на труд полный рабочий день после временной занятости в течение пяти лет; против снижения налогов для пенсионеров; против того, чтобы в случае травмы женщины на производстве компенсация была бы идентична мужской; против права подвергнувшихся насилию женщин искать убежища в специальных приютах¹²⁰. Фактически, это свидетельствует о неприятии ими социальных программ, предлагаемых социал-демократией. Сам председатель партии Й. Окерссон признаёт, что он с удовольствием под-

¹¹⁹ URL: <https://www.svt.se/nyheter/sd-rostar-allt-oftare-med-alliansen>.

¹²⁰ Dala-Demokraten, 16.10.2017.

держит буржуазное правительство. Однако для такого простого, казалось бы, решения есть много препятствий, которые не может не учитывать партия, которая рассчитывает играть сейчас ключевую роль в распределении ролей после удачных для неё выборов сентября 2018 г.

Главное препятствие – неоднородность Альянса, куда входят ныне 4 партии: Умеренная коалиционная, «Христианские демократы» и две центристские партии – «Либералы» и партия Центра. Противоречия между центристами и правыми всегда были настолько велики, что вплоть до 2006 г. они не могли создать достаточно крепкий союз. Сейчас противоречия обострились вновь из-за несогласия центристских партий сотрудничать с националистами. Кроме того, Й. Окерссон в ответ на лояльное отношение Альянса к ШД намекает на гарантии для своей партии действительного влияния на правительственную политику. Тем не менее, ответ на вопрос: пойдёт ли на это руководство Умеренной коалиционной партии, остаётся открытым.

Было и ещё одно обстоятельство, осложнявшее перспективы политической ситуации, при которой партия «Шведские демократы» видела себя чуть ли не главной силой. Согласно опросам общественного мнения перед выборами, вхождение двух партий (Христианско-демократической и партии «Окружающей среды») в тот и другой блоки находилось под вопросом из-за того, что их электоральная поддержка очень слаба и они могли не преодолеть 4%-ный барьер на выборах. Так или иначе, «Шведские демократы» вынуждены делать реверанс то в ту, то в другую сторону.

Если позиции буржуазных партий в области экономической политики партий ближе для «Шведских демократов», чем социал-демократические, то, миграционная политика СДРПШ при всём критическом к ней отношении, всё же ближе им, чем политика Альянса и особенно партии Центра и либералов. Социал-демократы, по мнению Й. Окерссона, стараются внести изменения в свою иммиграционную политику и приблизить её к требованиям, выдвигаемым Евросоюзом. Соответственно, считает он, с социал-демократами можно обсудить возможности уступок и общей линии поведения. Политику же, предлагае-

мую Альянсом, он считает безответственной¹²¹. Видимо, нельзя переоценивать подобные заявления, которые можно было отнести к конъюнктурным в условиях крайней неопределённости перед сентябрьскими парламентскими выборами 2018 г.

Предвыборные опросы общественного мнения и выкладки обществоведов свидетельствовали о том, что значительная часть голосов за социал-демократов и Умеренную коалиционную партию (УКП) переходит к «Шведским демократам». Лидеры этой партии видели и видят в СДРПШ главного соперника, недвольных избирателей которой необходимо привлечь радикальными требованиями сокращения иммиграции и притока беженцев. Перед выборами идеологи партии начали кампанию по дискредитации СДРПШ, выпустив документальный фильм, обвиняющий социал-демократов в евгенике, расовой политике, приписав им главную ответственность за проводившуюся в стране стерилизацию. Этот фильм повторил в «нужный» момент все те обвинения в адрес социал-демократии, которые были выдвинуты против неё ещё десятилетия назад.

Сентябрьские парламентские выборы 2018 г. имели принципиальное значение как для ШД, так и для развития всей политической ситуации в Швеции. В условиях, когда оба блока получили фактически равное количество мест (Красно-зелёные – 144 мандата, Альянс 143 мандата), а ШД развили свой прежний успех и получили 62 мандата, возможны, по крайней мере, два варианта. Либо «Шведские демократы» войдут в соглашение с буржуазным политическим блоком одним из политических блоков, либо их голоса и влияние не будут учтены и тогда сохранится хрупкий статус-кво, чреватый политическими кризисами. Однако главное не в этом. Проблемы, породившие феномен политического национализма в Швеции, – проблемы всего Западного мира. И квотирование иммиграции, как пытается делать Евросоюз, и пресловутая стена, которую возводит на границе между США и Мексикой Д. Трамп, – всего лишь жалкие паллиативы, а не решение обостряющихся проблем, порождённых глобализацией. Бюрократические методы решения лишь усугубляют

¹²¹ URL: <https://www.expressen.se/nyheter/akesson-s-ar-valdigt-mycket-battre-an-loof/>

их, вызывая всё большее раздражение наций, ощущающих своё политическое бессилие. В этом смысле сентябрьские выборы 2018 г. в Швеции имеют и общеевропейское значение, будучи показателем тенденций в социальной и политической жизни Запада.

*В.П. Журавель**

ЕВРОСКЕПТИКИ ВНЕ ЕВРОСОЮЗА: НОРВЕЖСКИЙ ВАРИАНТ

Партию Прогресса основал Андерс Ланге 8 апреля 1973 г., первоначально под названием «Партия Андерса Ланге за значительное снижение налогов, расходов и государственного вмешательства». В то время она представляла собой в большей степени протестное движение против политики правящей Норвежской рабочей партии, нежели собственно политическую партию.

Однако на протяжении почти трёх последующих десятилетий Партия Прогресса служила типичным примером партии-изгоя. Традиционные норвежские политические силы не рассматривали Партию Прогресса как возможного партнёра по диалогу, не столько из-за идеологических разногласий, сколько по причине того, что она изначально выступала в качестве политической силы, противопоставлявшей себя всему политическому истеблишменту. После смерти А. Ланге в 1974 г. резко упала популярность партии, в результате чего на выборах 1977 г. она набрала всего 1,9% голосов и не получила ни одного места в Стортинге. Руководство партией взял на себя Карл Ивар Хаген.

На выборах 1989 г. Партия Прогресса сумела набрать 13% голосов и получила 22 из 165 мест в парламенте, став в нём третьей силой. С конца 1980-х гг. партия начала активно эксплуатировать типичные для западноевропейских популистов темы ограничения иммиграции, противодействия исламизации и т.п. Крен в сторону правого радикализма спровоцировал кризис внутри партии, кульминацией которого стал выход из её рядов про-

* Журавель Валерий Петрович, к.пед.н., доцент, в.н.с. Отдела страновых исследований ИЕ РАН.

тивников такого курса, однако этот крен, в конечном счёте, привёл к существенному росту её электоральной популярности. Так, по итогам парламентских выборов 1997 г. партия завоевала второе место и 25 (из 165) мандатов в Стортинге. На этом фоне руководство Партии Прогресса во главе с К. Хагеном постепенно пыталось преодолеть изоляцию. В преддверии выборов 2001 г. К. Хаген инициировал «чистку рядов» с целью избавить партию от наиболее одиозных функционеров. Более того, когда по итогам выборов в Норвегии было сформировано правое правительство меньшинства (второй кабинет К. М. Бондевика, 2001–2005 гг.), в которое Партию Прогресса даже не пригласили, К. Хаген пошёл на смелый шаг, высказавшись в поддержку нового кабинета.

В 2005 г. Партии прогресса на выборах вновь удалось занять второе место с 22,1% голосов, однако из-за крайне неудачных результатов правых партий к власти пришли Норвежская рабочая партия и её союзники, которые в дальнейшем сохраняли контроль над правительством в течение восьми лет.

После парламентских выборов 2005 г. Хаген, на правах лидера крупнейшей оппозиционной партии, занял кресло вице-спикера Стортинга, уйдя в последующем в 2006 г. в отставку с поста лидера партии, место которого заняла Сив Йенсен. Наряду с этим в целом значительно омолодился состав её руководящих органов. Эти перемены обозначали новый курс партии – отказ от акцента на праворадикальном дискурсе, с одной стороны, и готовность к диалогу со всеми политическими силами, включая оппонентов слева, – с другой. На практике это привело к участию партии в разнообразных межпартийных коалициях на региональном и местном уровнях. В свою очередь, в 2010 г. Э. Солберг, лидер Консервативной партии, ведущей правой политической силы Норвегии, также сделал шаг навстречу Партии Прогресса, публично заявив, что считает целесообразным привлечь её к участию в будущем кабинете.

По итогам парламентских выборов 2013 г. Партия Прогресса заняла третье место, получив 16,3% голосов и 29 мандатов в Стортинге. Несмотря на относительно скромный результат, Консервативная партия Хейре пригласила ПП в правительственную

коалицию. В сформированном в октябре 2013 г. кабинете Партия Прогресса получила 7 министерских портфелей из 18, причём С. Йенсен, которую называют не иначе как «норвежской Маргарет Тэтчер», заняла пост главы финансового ведомства. Сравнение с Тэтчер не случайно: помимо жёсткого характера и непримиримости в отстаивании своих принципов Йенсен выступает за свободный рынок, снижение роли государства в жизни общества, сравнивая себя и свою партию больше с американскими республиканцами, чем с европейскими ультраправыми движениями. Министром нефти по итогам выборов 2013 г. стал Торд Лиен. С 16 декабря 2015 г. министром по делам миграции и интеграции стала Сильви Листхауг, популярный норвежский политик и член центрального совета партии с 2005 г. Интеграция Партии прогресса в политическую систему Норвегии состоялась и, как представляется, успешно.

Партия Прогресса характеризуется радикальными идеями в вопросах традиционных ценностей, европейской идентичности, а главное исторически занимает жёсткую антииммигрантскую и антимусульманскую позицию¹²², выступая за резкое уменьшение иммиграции в страну и против мультикультурализма. Всё это придало ей популярность и рост рейтинга.

ПП критикует общеевропейскую практику предоставления убежища нелегальным иммигрантам-мусульманам в христианских церквях, называя такие действия незаконными, призывает задерживать скрывающихся в церквях и принудительно выселять их из страны. Интеграция в норвежское общество, по убеждению ПП, невозможна для иммигрантов из мусульманских стран без их отказа от религиозных традиций, в этой связи они резко выступают против строительства мечетей.

Предвыборные социологические опросы показали, что 20% избирателей считают иммиграцию и предоставление убежища беженцам важными проблемами на выборах. Партия Прогресса больше других партий видит и учитывает этот факт, обращая особое внимание на недовольство граждан поведением и требо-

¹²² Праворадикальные и экстремистские политические партии и движения современной Европы [Электронный ресурс]: учебник для вузов. И.Н. Барыгин и др. Электрон, текстовые данные. СПб., Петрополис, 2011. С. 429.

ваниями мигрантов.

Оппоненты критикуют Партию Прогресса за её антииммигрантскую и антимусульманскую позицию. В ответ на эти обвинения, представители партии отмечают, что рост националистических настроений и влияние радикальных религиозных организаций сильно осложняют коммуникацию между гражданами в Норвегии. В стране обостряется кризис идентичности в результате миграции. Модель государства всеобщего благоденствия в данном случае не помогает, а мешает интеграции мигрантов в общество. Выход из положения в построении общей площадки для диалога, а также в миграционной политике, соответствующей возможностям страны и желанию граждан учитывать её в своей повседневной жизни и деятельности.

В 2015 г. парламент Норвегии законодательно разрешил депортацию людей, в основном сирийцев, пытающихся въехать в страну. Тяжёлое положение мигрантов, в основном из Сирии, попытки попасть в Норвегию на велосипедах через пограничный переход с Россией, вызвали интенсивные дебаты. Изменились правила воссоединения семей в Норвегии, начался разговор об экономической самодостаточности беженцев, об увеличении сроков ожидания предоставления убежища. В стране стали больше обращать внимания на опасность неконтролируемой иммиграции. Мигранты, о которых заботятся государственные институты, не хотят искать работу. Программное требование прогрессистов, что каждый приезжий должен найти на новом месте работу и не злоупотреблять получением социального пособия всё больше и больше находит поддержку у коллег по парламенту. Они подчёркивают, что мультикультурная модель общества является утопией, поскольку пока что единую основу для диалога создать не удалось¹²³.

Помимо темы иммиграции основным приоритетом для Партии Прогресса стало коренное изменение модели государственного устройства и замена её на рыночную экономику неоллиберального образца. ПП объясняет свою позицию тем, что в Нор-

¹²³ См.: Большаков Г.А Сравнительный анализ политики интеграции и мультикультурализма в странах Скандинавии. Теория и практика общественного развития, №5, 2013. С. 227.

вегии, несмотря на принимаемые меры, по-прежнему велика роль государства в экономике и значителен общественный сектор в народном хозяйстве. Таков результат национальной истории и пребывания социал-демократов у власти в течение более 30 лет. Они считают, что норвежская экономика исчерпала прежние резервы роста и всё более ощущает на себе груз застарелых проблем. Поэтому партия выступает за повышение конкурентоспособности национальной экономики, настойчиво предлагает уменьшить диспропорцию между нефтегазовым сектором и другими отраслями экономики.

В области государственного устройства Партия Прогресса настаивает на изменениях в сторону развития демократических и индивидуалистических начал. Как полагает ПП, власть должна быть децентрализована, а решения приниматься на референдумах.

Прогрессисты не жалуют и сексуальные меньшинства. Сама С. Йенсен поддержала легализацию гей-браков в Норвегии в 2008 г., хотя новый министр по делам детей, равноправия и социальной интеграции Солвейг Хорне выступила против того, чтобы в детских садах детям давали книжки с гей-персонажами, которые стали неотъемлемой частью программ по воспитанию толерантности. Хорне также заявляла, что трансгендерам должен быть предоставлен специальный медицинский статус, а на женщинах лежит часть ответственности, когда дело доходит до изнасилования.

В партийной программе ПП постоянно подчёркивается, что идеология партии – либерализм – означает более высокий уровень социальной ответственности. Соответственно, программные положения ПП не слишком расходятся с курсом правящей коалиции: снижение налогов, повышение пенсий по старости. В программе партии предлагается резко сократить налоги и государственные расходы, кардинально улучшить образование, избавиться от бюрократии.

Прогрессисты выступают и с вполне левыми популистскими идеями, например, они – за рост социальных расходов, снижение стоимости проезда по автобанам и акцизов на алкоголь, а также облегчение доступа к медицинским услугам, оплачи-

вать которые, по их мнению, должно государство.

Для покрытия роста социальных расходов норвежские радикал-националисты предлагают тратить средства из Фонда национального благосостояния, выполняющего в стране функцию пенсионного фонда. Объём активов Фонда достиг 740 млрд долл. На сегодняшний день правительство может расходовать деньги из фонда, но не выше 4%. Прогрессисты предлагают поднять этот порог или вовсе разделить фонд на несколько структур, которые позволят с большей маневренностью финансировать социальные проекты.

Подведём некоторые итоги. Норвежская Партия Прогресса твёрдо заняла свою нишу в партийно-политической системе страны. Ей удалось «подстроить» политическую идеологию под властные интересы, не растеряв поддержку электората. Антииммигрантская и антимусульманская позиция партии, радикальные идеи в вопросах традиционных ценностей, европейской идентичности находят понимание среди части норвежского общества.

Она убедила своего избирателя в том, что кооперация с правыми движениями и партиями внутри Сторинга в высшей степени конструктивна, а их партийные установки и проводимая ими государственная политика в достаточно высокой мере отвечают политическим запросам самой партии.

Вместе с тем, Партия Прогресса готова идти на компромисс по второстепенным вопросам, что способствует успешному участию партии в выборах.

*П.Е. Кандель**

ЭКСПОНЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ НА БАЛКАНАХ

Европейская политическая мода не обошла стороной и Юго-восточную часть Старого Света. Во всех четырёх странах – чле-

* Кандель Павел Ефимович, к.и.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН, член НС «Партийно-политические системы Европы XXI века».

нах ЕС данного региона (Словении, Хорватии, Румынии и Болгарии) партии, которые можно отнести к лагерю «политической альтернативы», добились заметного успеха на последних выборах. Обычно к таковым причисляют политические формирования националистического, популистского, сепаратистского, «евроскептицистского» толка. Они могут иметь какие-то из названных характеристик, но бывают и другими, что определяется национальным контекстом. Главное в подобных формированиях – их новизна, что они позиционируют себя вне и против всего политического класса, отвечая на ожидания избирателей, которым «осточертели» одни и те же лица и партии, смена которых не помогает решению обостряющихся проблем, хотя популизм и национализм отнюдь не заказаны и «традиционным», старым партиям. Соревнуясь с новорождёнными соперниками, они активно перенимали их риторику и методы. Наиболее зримо подражание проявилось на парламентских выборах 2018 г. в Словении, где и раньше ощущался мощный запрос на обновление политической сцены – на двух предыдущих (2011 и 2014 гг.) их фаворитами становились новые партии с неясным идейно-политическим профилем, созданные харизматичными лидерами за несколько месяцев до волеизъявления избирателей. Правда, на этот раз первое место (24,9% голосов и 25 из 100 мандатов в Государственном Собрании) досталось правоконсервативной Словенской демократической партии, которую никак нельзя назвать новичком, во главе с экс-премьером Я. Яншей (в 2004–2008 и 2012–2013 гг.). Относительную победу ей принесла антииммигрантская и ксенофобская риторика в духе В. Орбана. Не брезговала она и вообще свойственным ей привычным поношением всего отечественного истеблишмента, хотя единственным основанием для её собственного обособления из его рядов можно считать арест и приговор к тюремному сроку её лидера за взятку, что сделало его персоной *non grata*. Между тем на втором месте оказался «Список М. Шарца» (12,66% голосов и 13 мандатов) – в прошлом комика и мэра провинциального городка. В большую политику он ворвался на президентских выборах 2017 г., где достойно (46,9% голосов) соперничал с баллотировавшимся на второй срок ветераном политической сцены прези-

дентом Б. Пахором. Не менее примечателен и успех сторонников «демократического социализма» из объединившихся в единую партию «Левых» нескольких группировок (9,2% голосов и 9 мандатов по сравнению с 5,9% и 6 мандатами на прошлых выборах¹²⁴. Поскольку Я. Янша в качестве главы правительства неприемлем для большинства политического класса страны, высоки шансы, что новым премьером окажется М. Шарец, если сумеет воссоздать левоцентристскую коалицию.

Аналогичная тенденция наметилась и в соседней Хорватии, но здесь «альтернативщики» оказались менее успешными. Уже при избрании президента (2015 г.) главной сенсацией стали 16,42% голосов, отданных в первом туре 24-летнему студенту И. Синчичу из общественной организации «Живая стена», борющейся с принудительным выселением граждан за долги. Его избиратели фактически проголосовали «против всех». Сходный феномен проявился и на внеочередных парламентских выборах (08.11.2015)¹²⁵. 19 (впоследствии 15) мандатов (вскоре четверо депутатов покинули группу) и «золотая акция» в решении вопроса о составе правительства достались объединению независимых «Мост», созданному в 2012 г. в провинциальном городке молодыми активистами общественных объединений и социальных сетей. Группа претендует на центристскую позицию в политическом спектре, а постоянное выяснение отношений между «наследниками усташей» [хорватских фашистов – П.К.] и «потомками партизан» – неизменный мотив противоборства националистов с социал-демократами – независимые считают лишь средством отвлечь внимание граждан от насущных проблем страны.

После драматического торга и с левыми, и с правыми, «Мост» склонился к союзу с правоконсервативным и националистическим Хорватским демократическим содружеством (ХДС). Противоречия между партнёрами через полгода привели к падению кабинета и ещё одним внеочередным выборам (11.09.2016).

¹²⁴ Predčasne volitve v Državni zbor 03.06.2018 – izidi glasovanja. URL: <http://volitve.gov.si/dz2018/#/rezultati> (26.06.2018).

¹²⁵ Election for Hrvatski Sabor (Croatian Assembly). URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/2882/> (26.06.2018).

ХДС жёсткой националистической риторикой сумело стянуть к себе весь правый электорат (61 мандат). Социал-демократы, взявшиеся обойти соперников на чужом поприще, были наказаны (54 мандата). Однако «Мост» (13 мандатов) подтвердил свою позицию весомого партнёра при формировании правительства. Впервые вышедшая на парламентские выборы «Живая стена» И. Синчича получила 8 мандатов¹²⁶. Тенденция к обновлению политической сцены обрела зримое воплощение. И хотя лидер «Моста» занял пост главы парламента, а его соратники несколько министерских постов, союз вновь оказался недолговечным. «Мост» вскоре ушёл в оппозицию, его парламентская фракция сократилась до 10, а у «Живой стены» – до 3 депутатов. Успехи на выборах не смогли компенсировать отсутствие политическое и управленческого опыта и достаточных кадровых ресурсов.

Схожие процессы наблюдаются и в Болгарии. Партия, получившая название «Воля» (ранее «Либеральный альянс»), была основана в 2007 г. владельцем сети аптек и бензоколонок В. Марешки, именуящим самого себя «болгарским Трампом». Партия позиционировала себя как противницаукоррупцированного политического истеблишмента, сочетая праволиберальную, националистическую и антииммигрантскую риторику с призывами к дружественным отношениям с Москвой. Последнее выглядело чистой демагогией, учитывая наличие нескольких заядлых русофобов и членов «Атлантического клуба» в её руководстве. Ни в 2009 г., ни в 2013 г., ни в 2014 г. партия не смогла добиться сколько-нибудь заметного результата. Однако на президентских выборах 2016 г. В. Марешки получил 11% голосов¹²⁷, а на парламентских в следующем году – партия «Воля» набрала 4,15% голосов, завоевав 12 мест в Народном собрании¹²⁸. В преддверии выборов в Европарламент В. Марешки вновь прибёг к испытанному способу привлечь к себе внимание, заявив о намерении начать кампанию за референдум о выходе страны из НА-

¹²⁶ Election for Hrvatski Sabor (Croatian Assembly). URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/2971/> (26.06.2018).

¹²⁷ Резултати от избори за президент и вице-президент на републиката. URL: <https://relults.cik.bg/pvrnr2016/tur1/president/> (26.06.2018).

¹²⁸ Резултати от парламентарни избори. 26 март 2017. Разпределение на мандати. URL: <https://results.cik.bg/pi2017/mandati/index.html> (26.06.2018).

ТО, которое «на практике ничего нам не даёт, но много забирает»¹²⁹.

Столь же показателен и успех коалиции националистических партий «Объединённые патриоты» (НФСБ, Атака и ВМРО). Их кандидат в президенты К. Каракачанов получил 14,97% голосов в первом туре, что позволило ему занять третье место. На парламентских выборах объединение смогло привлечь 9,31% голосов, что принесло 27 мандатов в Народном собрании. Тем самым оно стало незаменимым партнёром при формировании правящей коалиции, что дало сильные позиции в кабинете, возглавляемом фаворитом выборов – правоцентристской партией «ГЕРБ» Б. Борисова (33,54% голосов и 95 из 240 мандатов). Но даже эту партию и её лидера, с 2009 г. доминирующих на болгарской политической сцене и прославившихся подчёркнуто антироссийской политикой, не миновали новые веяния: для довольно скромной сравнительно с былыми результатами победы и возвращения к власти им понадобились и антитурецкая риторика, и благожелательные жесты в сторону Москвы, прежде немыслимые, и «еретические» для Брюсселя и Вашингтона.

На румынской политической сцене, где последние годы национал-либералы и сочувствующий им президент жёстко враждуют с социал-демократами и их премьерами, также обозначилась молодая политическая сила с неопределённой идеологией – Союз спасения Румынии. Он был сформирован в 2016 г. после успеха на местных выборах в столице, когда новое объединение и его лидер Н. Дан заняли второе место. В декабре 2016 г. Союз спасения Румынии получил на парламентских выборах 8,92% голосов, 13 мест в Сенате и 30 – в Палате депутатов¹³⁰, став третьей по популярности партией в стране. Впрочем, её вряд ли правомерно причислять к принципиальным противникам истеблишмента, учитывая готовность занять сторону президента в противостоянии с социал-демократами. Для них же характерной чертой предвыборной кампании стала активная экс-

¹²⁹ Болгарский политик призвал к выходу страны из НАТО. URL: <https://vz.ru/news/2018/5/3/920932.htm> (26.06.2018).

¹³⁰ Romania. Election for Camera Deputaţilor (Romanian Chamber of deputies). Results. URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/2693/> (26.06.2018).

плуатация националистических и евроскептических настроений, что и принесло им победу, несмотря на все обвинения лидеров партии в коррумпированности. Подобное политическое поведение вроде бы противоестественно для социал-демократов, но и румынские коммунисты, от которых они ведут свою родословную, хоть и не любят о том поминать, тоже отличались подчёркнутым национализмом.

В целом, период поиска в политической жизни Западных Балкан и стран Дунайского бассейна продолжается. Разочаровавшись в копировании традиционных политических моделей Запада, представители политического класса идут путём создания партий «одноразовой альтернативы», когда роль лидера и новизна партийного бренда подменяют, иногда с временным успехом, идеологические программные компоненты и прогнозируемую устойчивость предлагаемой реальной политики.

*И.С. Яжборовская**

ЭВОЛЮЦИЯ ПОПУЛИЗМА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЫ

В ходе системной трансформации во всех странах региона были приняты новые, демократические конституции, дополненные в период интеграции в Евросоюз имплементацией его законодательной базы. Речь шла о демократических нормах и процедурах, обеспечивших демократизацию партийно-политических и избирательных систем, а также отход от автократической модели социалистических стран. Политическое поле стран бывшего социалистического содружества действительно миновало этап демократических системных преобразований, способствовавших становлению правового государства. Вместе с тем, преодоление устоявшейся практики оказалось очень непростым. В Западной Европе на решение экономических и политических задач заняло несколько столетий, а элиты формировались в раз-

* Яжборовская Инесса Сергеевна, д.и.н., профессор, г.н.с. Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

личном темповом формате. В странах бывшего социалистического «содружества» решение проблем власти и овладения элитой собственностью совпало по времени. Политика и экономика в процессе реформирования срослись, различные сети сплелись в отношении клиента и патрона, в том или ином темпе шла централизация и образование пирамиды отношений политархии. В некоторых странах региона в той или иной мере были сохранены ограничители разделения властей – пропорциональная избирательная система и разделение внутри исполнительной власти между парламентом и президентом. В Болгарии, Румынии и Словакии тоже образовалась патримониальная демократия, но никто не получил монополии на власть и не произошло всеобъемлющего слияния политики и экономики в единую авторитарную пирамиду.

В системе «реального социализма» была следующая форма организации элит: должности не наследовались, богатство не накапливалось. Формальные институты ограничивали возможности обогащения. В условиях кризисов 2007–2008 и 2010–2014 гг. произошла эволюция формы организации элит. При всех различиях начальной дезорганизации системы партии-государства формулировалась задача расчистки базы этой системы. Было необходимо обеспечить возможности для решения новых правовых и политических задач, а также для оптимизации механизмов рыночной экономики. Формационная ломка при значительном различии объективно-исторических возможностей тех или иных стран не сразу позволила найти оптимальные пути для внедрения преобразований. Выход из тоталитарно-авторитарного режима на практике оказался затяжным и в немалой степени обратимым.

Наиболее благополучно из кризиса начала второй декады XXI в. вышли Венгрия и Польша при помощи избирательной системы Д'Ондта, согласно которой получившая большинство партия значительно увеличивает своё представительство в политической системе во всех её институтах. В этих странах утвердилось правоконсервативное большинство. В Венгрии ФИДЕС, получив 51% голосов, занял 67% мест в парламенте и разместил во главе всех политических институтов своих предста-

вителей; аналогично развивались события в Польше, где правоконсервативные силы «Права и справедливости» в условиях низкой явки благодушного населения победили при поддержке всего 18% избирателей. Образовалась автократическая, патримонильная монополия этих партий на власть на фоне рецидива аполитичности (на выборах в Европарламент в мае 2014 г. в Словакии не голосовали 87% избирателей, в Чешской Республике – 80,5%, в Польше – 77,3%, в Венгрии – 70%). Эта модель быстро получила распространение.

Всеобъемлющая коррупция стала системной – она охватывала все уровни – от низового (при добровольной вовлечённости общества потребления) через создание патримониальных связей; через инициацию коррупционных сделок на среднем и высшем уровне партийных и организационных структур; через вводимые политическими лидерами обычаи нового государства. В экономике ликвидируются конкурентные отношения, вся система подчиняется «отцу нации». Формируется мафиозное государство, которое стимулирует различные формы коррупции. Проводится национализация в пользу «своих» при формальном использовании лексики «нелиберальной демократии» происходит захват пенсионных фондов, перевод под контроль и ликвидация предприятий или сетей с последующей реприватизацией в пользу других собственников – приближённых. Это уже, по сути, противоположные политическим мафиозные отношения, иная форма функционирования правящей элиты. Утвердился институт «крёстного отца», развилась система «кошельков», подставных лиц – хранителей чужой собственности «из той же деревни» или «из той же подворотни», а средствами распоряжается глава государства.

Политики в прежнем смысле уже практически нет – есть политархия со значительной политической властью и невидимой экономической, и наоборот.

Решения принимаются вне политических институтов, которые ничего по существу не определяют – главными становятся люди на неформальных постах при патроне, а они – лишь ретрансляторы его воли.

В странах региона с исторически низким уровнем политиза-

ции в первое десятилетие XXI в. в муках периодических кризисов родился многоликый, преимущественно правоконсервативный популизм, стали резко меняться формирующие новую реальность коммуникативные отношения. Расстановка политических сил резко изменилась: большинство из набора существующих 12-20 партий составили партии правой и правоцентристской ориентации, а левые оказались в меньшинстве. Налицо глубокий социальный кризис с дальнейшим обострением внутриполитических противоречий и паралич партийно-политической деятельности. В этих странах после «бархатных революций», в отличие от массовых левоконсервативных популистских выступлений в Южной Европе (Греции, Испании и др.) появились симптомы популистских правоконсервативных «бархатных контрреволюций». Происходит пересмотр традиционных форм организации информационного пространства с включением в него новых акторов, выдвигающих и отстаивающих собственную информационную повестку. Речь идёт о переходе власти от политиков традиционного партийного типа к новому классу медиаполитиков – системно-коммуникационных менеджеров, блогеров, создателей интернет-контента – значительно более эффективных инструментов эмоциональной мобилизации электората.

Стратегическим ключом преобразований стал принцип «кадры решают всё» и наступило повальное «перетряхивание» кадрового состава политической и всех других управленческих систем. Выходцы из «гнезда» правых популистов повсеместно устранили прежнюю элиту и устанавливали полный контроль над страной на базе не столько компетенции, сколько личной преданности и лояльности. Политическая сфера стала аренной унижения других партийно-политических сил как якобы коррупционной составляющей политического поля и вытеснения либерально-демократической элиты. «Народ-суверен» был объявлен популистами правомочным носителем принципа «народ выше права». Институты правового государства в течение двух лет подверглись искусственной партиизации – подчинению со стороны незначительного консервативно-националистического большинства и практическому разрушению. Исполнительной

власти были искусственно подчинены остальные деформированные ветви власти. Активно тиражируется образ, формируется харизма лидера – востребованного ситуацией кризиса «спасителя», «отца нации», каким в Польше теперь является Ярослав Качиньский, в Венгрии Виктор Орбан, в Болгарии – Бойко Борисов, в Сербии ещё не так давно был Слободан Милошевич и т.д. Они, как правило, истово и весьма результативно эксплуатируют национальные символы. Причиной этого, в первую очередь, стало специфическое свойство стран с авторитарно-тоталитарными режимами, где власть монополизировала общественный диалог с народом при помощи СМИ, и особенно самоочевидную национальную, языковую общность. Для всех стран этого региона было типично обращение во время «бархатных революций» к национальной проблематике – национальный популизм. Способ национального взаимопонимания при помощи СМИ имеет огромное значение для воздействия на массы, особенно как основа коллективной деятельности, в том числе солидарной обороны. Это ощущение элементарной, спонтанной солидарности, защиты национальной идентичности ярко проявилось ещё в Будапеште уже в 1956 г., в Праге в 1968 г. и в Варшаве в эти же годы и месяцы.

В ходе борьбы за упрощённо понимаемую «власть народа» выделяются популистские, антисистемные течения, объединяющие «простых, честных людей», носителей социал-популизма, против которых в условиях кризиса якобы действует вся отвергаемая СМИ партийно-политическая, демократическая система. Они ищут ответ в простейших пропагандистских клише, широко тиражируемых любыми доступными СМИ и методами подкрепляемой ими не представительной, но прямой демократии. Равным образом активизируются антисистемные правопопулистские политические авторитарно-националистические образования, создавая эклектическую платформу для популистов в увязке социально-экономической и политической сферы. Они ориентируются как на привычную веру в традиционный государственный патернализм, опеку и уравниловку, так и на вековые представления о прочности национальных традиций, на былую, инерционную национальную сплочённость, на возврат к

якобы спасительным религиозным ценностям. Как правило, именно эти силы составляют консервативное большинство «народа-суверена». В настоящее время в этом регионе правый популизм не только не требует возврата к принципам демократии, но отрицает укоренившиеся в Европейском союзе важные аспекты либеральной демократии, в том числе борьбу за права человека, за права меньшинств, иммигрантов и беженцев. Главное внутреннее противоречие правой разновидности популизма в странах этого региона – соединение исходящей от «воли народа» власти и лозунга «народа-суверена» с отрицанием либерально-демократических основ и правовых, конституционных постулатов общественной жизни.

**В 2017–2018 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

340. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть I. Под ред. Е.А.Масловой, О.Ю.Потемкиной (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 340, М., 2017 г.
341. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть II. Под ред. Е.А.Масловой, О.Ю.Потемкиной (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 341, М., 2017 г.
342. Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. Под ред. Л.Н.Шишелиной (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 342, М., 2017 г.
343. Германия. 2016. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 343, М., 2017 г.
344. Правительство Т. Мэй – год у власти. Итоги досрочных выборов 2017 г. Под ред. Е.В.Ананьевой (отв. ред.), Е.В.Дрожжиной. ДИЕ РАН № 344, М., 2017 г.
345. Экономические аспекты брекзита. Под ред. А.И.Бажана (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 345, М., 2017 г.
346. Н.Б.Кондратьева. Европейский союз: становление единого рынка. Монография. ДИЕ РАН № 346, М., 2017 г.
347. Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы. Под ред. В.Я.Швейцера (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 347, М., 2017 г.
348. С.Н.Гончаренко. Черноморское экономическое сотрудничество: первые 25 лет. ДИЕ РАН № 348. М., 2018 г.
349. Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы. Под ред. Е.А. Масловой (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 349. М., 2018 г.
350. Е.В.Дрожжина. Европа и Россия: современность и перспективы. Вып. V. ДИЕ РАН № 350. М., 2018 г.
351. Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы. Отв. ред. Л.О.Бабынина. ДИЕ РАН № 351. М., 2018 г.
352. В.С.Циренчиков. Прогностическая деятельность европейских компаний. ДИЕ РАН № 352. М., 2018 г.
353. Европа 2017: партии, выборы, власть. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 353. М., 2018 г.
354. Германия. 2017. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 354, М., 2018 г.
355. Ю.А.Борко. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее. ДИЕ РАН № 355. М., 2018 г.
356. Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти. Отв. ред. Е.В.Ананьева. ДИЕ РАН № 356. М., 2018 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2017–2018

340. Contemporary Europe: 60th anniversary of the Treaties of Rome. P. I. Ed. by E.A.Maslova, O.Yu.Potemkina and others. Reports of the IE RAS, № 340, M., 2017.
341. Contemporary Europe: 60th anniversary of the Treaties of Rome. P. II. Ed. by E.A.Maslova, O.Yu.Potemkina and others. Reports of the IE RAS, № 341, M., 2017.
342. The Visegrad Four in the European Union: Dilemmas of Convergence. Ed. by L.N.Shishelina and others. Reports of the IE RAS, № 342, M., 2017.
343. Germany. 2016. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 343, M., 2017.
344. May's Government – a Year in Power. Snap General Elections-2017 Results. Ed. by E.V.Ananieva, E.V.Drozhzhina. Reports of the IE RAS, № 343, M., 2017.
345. Brexit economic aspects. Ed. by A.I.Bazhan and others. Reports of the IE RAS, № 345, M., 2017.
346. N.B.Kondratyeva. The European Union: shaping the single market. Monography. Reports of the IE RAS, № 346, M., 2017.
347. Elections in France – 2017: Results and Perspectives. Ed. by V.Ya.Shveitser and others. Reports of the IE RAS, № 347, M., 2017.
348. S.N.Goncharenko. Black Sea Economic Cooperation: the First 25 Years. Reports of the IE RAS, № 348, M., 2018.
349. Modern Italy: old problems, new challenges. Ed. by E.A.Maslova and others. Reports of the IE RAS, № 349, M., 2018.
350. E.V.Drozhzhina. Europe and Russia: contemporary and perspectives. Part V. Reports of the IE RAS, № 350, M., 2018.
351. The Future of Europe: global challenges and possible responses. Ed. by L.O.Babynina. Reports of the IE RAS, № 351. M., 2018.
352. V.S.Tsirenschikov. Prognostic Activities of European Companies. Reports of the IE RAS, № 352. M., 2018.
353. Europe 2017: parties, elections, power. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 353, M., 2018.
354. Germany. 2017. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 354, M., 2018.
355. Yu.A.Borko. The Eastern Partnership: project, realities, future. Reports of the IE RAS, № 355, M., 2018.
356. Th. May's Minority Government – a Year in Power. Ed. by E.V.Ananieva. Reports of the IE RAS, № 356, M., 2018.

Научное издание

ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Доклады Института Европы
№ 357

Подписано в печать 27.11.2018. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,75
Тираж 200 экз. Заказ № 1537

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86